

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 4 (6) • 2011

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина

Ответственный секретарь

И.Н. Тимофеев

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

О.В. Харитонова

В.В. Гриб

С.М. Юн

Е.В. Колдунова (выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева
В.Я. Белокреницкий
В.В. Гриб
В.И. Журавлева
М.В. Ильин
Е.В. Колдунова
В.Г. Ледаев
М.М. Лебедева
В.В. Михеев
О.В. Павленко
Е.В. Попов
В.Д. Соловей
Л.В. Сморгунов
М.В. Стрежнева
Д.В. Стрельцов
Т.А. Шаклеина

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhs (Университет Анкары)
Akihiro Iwashita (Университет Хоккайдо)
Zhao Huasheng (Фуданьский университет)
Klaus Segbers
(Свободный университет Берлина)
Anne de Tangyu (Сьянц По)
Werner Vâth
(Свободный университет Берлина)
Yu-Shan Wu
(Институт политологии, Academia Sinica)
Alexander Zhebit
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Charles E. Ziegler
(Университет Луисвилла)
А. Файзуллаев
(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Хасанова Г.И.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
125057, Москва, а/я 15
Тел. (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 10,0.

Усл. печ. л. — 10,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 01.12.2011 г.
ISSN — 2221–3279

© Воскресенский А.Д., 2011

© Сравнительная политика, 2011

© Издательская группа «Юрист», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

А.А. Виноградова. Межпарламентские институты: критерии, классификации, сравнительный анализ.....	3
Д.С. Барина. Асимметрия виртуального политического пространства. Результаты сравнительного анализа данных 255 национальных доменов Интернета.....	13

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

М.М. Лебедева. Современные государства в политической системе мира.....	19
Д.М. Фельдман. Государство в сети международно-политического взаимодействия.....	27

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

И.Н Трофимова. Децентрализация государственного управления и особенности центр-локальных отношений в европейских странах.....	35
Т.В. Зонова. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил.....	45

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

С.М. Юн. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии.....	50
Е.Ф. Троицкий. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.).....	65
Е.В. Савкович. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг.....	75

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

В.А. Бармин. Политика выбора: взаимоотношения Советского Союза и Синьцзяна после самороспуска Восточно-Туркестанской республики (1946–1947 гг.).....	89
Е.В. Савкович, А.Г. Данков. Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансевразийских транспортных коридоров.....	98
Рамакант Триведи. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы.....	109
Научная жизнь.....	124
Обзоры и рецензии.....	128
На книжной полке.....	134
Аннотации статей.....	137
Об авторах.....	143
Информация для авторов.....	144

МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЕ ИНСТИТУТЫ: КРИТЕРИИ, КЛАССИФИКАЦИИ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Виноградова

На сегодняшний день не существует универсального и всеобъемлющего определения категории межпарламентского института (МПИ). То же самое относится и к двум основным его разновидностям — межпарламентским организациям и парламентским ассамблеям международных организаций. Учитывая их наиболее общие признаки и критерии, можно определить межпарламентский институт как стабильный институт многосторонних международных отношений, создаваемый в абсолютном большинстве случаев по меньшей мере двумя государствами-участниками или другими субъектами международного права и имеющий согласованные его членами цели, компетенцию и свои постоянные органы. МПИ имеют и другие специфические политико-правовые и организационные институциональные нормы, в том числе устав, правила процедуры, членство, порядок принятия решений и т.д. Цели и деятельность любого МПИ должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, прежде всего принципам, закрепленным в Уставе ООН. К основным признакам межпарламентских институтов можно отнести многостороннюю договорную основу (международно-правовую или межпарламентскую); широкий представительный характер; постоянный характер деятельности; весьма развитый внутриорганизационный механизм и обладание качеством международной правосубъектности.

К настоящему моменту немного исследовательских работ посвящено данной проблематике. Тем не менее среди

имеющегося массива литературы можно выделить ряд интересных подходов и классификаций парламентских институтов.

Апеллируя к истории изучения МПИ, важно упомянуть, что происхождение понятия МПИ берет начало в двух отчетах, опубликованных Ассоциацией генеральных секретарей парламентов. В отчете, составленном Дж. Пристманом в 1980 г., автор сосредотачивает внимание в основном на взаимодействии национальных парламентов и МПИ, к которым он относит «международные парламентские ассамблеи». Во втором докладе 1989 г., автором которого является Г. Клебс, «международные парламентские институты» покрывают «все категории межпарламентских органов (ассоциации, ассамблеи и интегрированные ассамблеи)»¹.

Одна из классификаций парламентских институтов международных организаций приведена в исследовании известного ученого З. Сабича². В своей статье автор рассматривает межпарламентские институты сквозь призму истории их возникновения, а также с функциональной точки зрения. Именно рост

¹ С точки зрения Г. Клебса, сложно выявить различия между ассамблеями и ассоциациями, члены которых могут быть назначены своими национальными парламентами (не обязательно в соответствии с внутренним распределением политических сил). Парламентские ассоциации могут также формироваться по принципу индивидуального членства.

² Sabic Zlatko. «Building democratic and responsible global governance: the role of international parliamentary institutions».

числа парламентских институтов в качестве составных органов различных международных организаций (в частности, парламентских ассамблей) побудил автора обратиться к данной тематике. 3. Сабич разделяет МПИ на «международные парламентские органы» (или «органы международных правительственных организаций, состоящие из парламентариев») и «международные парламентские ассоциации» (независимо от того, по какому принципу они формируются и насколько отражается расстановка сил в национальных парламентах). При этом международные парламентские ассамблеи организованы по-разному: они отличаются либо высокой степенью структурированности (по модели национальных парламентов, как ПА НАТО), либо слабой степенью организации. Автор выделяет также различные методы формирования МПИ: либо назначение парламентариев в соответствии с численным распределением мест между политическими силами (партиями) в национальных парламентах (например, ПАСЕ и ЗЕС), либо путем демократических выборов (например, Европейский парламент, Центральноамериканский парламент, Латиноамериканский парламент, парламент Экономического сотрудничества западноафриканских государств и др.). Помимо метода рекрутирования парламентариев в МПИ, существуют и другие факторы, характеризующие деятельность института. К ним относятся вовлеченность МПИ в процесс принятия решений межправительственных организаций, возможности имплементации решений, опасность деятельности ряда парламентариев в парламентских ассамблеях сквозь призму национальных или муниципальных интересов, проблема преемственности и институциональной памяти, проблема финансирования МПИ, влияние на него политической обстановки в мире и др.

Следует отметить, что, как и в любом другом случае, вряд ли удастся вы-

работать идеальную классификацию, поскольку характер исследуемого института настолько многогранен, что сложно учесть и включить в модель все возможные критерии и показатели. Тем не менее деление парламентских ассамблей на структуры, инкорпорированные в состав межправительственных организаций, и самостоятельно действующие институты представляется вполне логичным.

Наиболее детальный анализ исследуемого института представлен в работах Р. Катлера, предложившего свое определение и классификацию межпарламентских институтов, объединяющих, с его точки зрения, в себе три основных признака:

— форум многостороннего сотрудничества, выполняющий роль либо законодательного, либо консультативного органа;

— структуру, либо входящую в состав международной организации, либо являющуюся таковой;

— структуру, представленную как минимум тремя государствами или трансгосударственными единицами и состоящую из парламентариев, отобранных национальными законодательными органами либо избранных гражданами ее государств-членов.

Наиболее полное понимание Р. Катлером МПИ отражено в двух его работах — «The Emergence of International Parliamentary Institutions: New Networks of Influence in World Society» от 2001 г., и «The OSCE's Parliamentary Diplomacy in Central Asia and the South Caucasus in Comparative Perspective» от 2004 г. В первой работе автор прослеживает эволюцию развития парламентских ассамблей — как с исторической точки зрения, так и со структурно-функциональной, выделяя при этом четыре типа МПИ — конгресс, ассамблею, парламент и легислатуру. Они являют собой различные стадии институционального развития. Существуют также и три транзитные фазы: инициация (initiation), разви-

тие (takeoff), переход на новую стадию (spillover). В заключительной части статьи автор делает вывод, что в последнее время с учетом развития технологий и Интернета деятельность МПИ напоминает скорее деятельность сетей, а не институтов, что дает ему больше возможностей для развития и успешного существования.

Таким образом, в основе классификации МПИ Р. Катлера лежат не только внешние признаки, но и институциональные изменения и динамика их развития, что говорит о комплексности его подхода к изучению предмета.

С. Ставридис³ разделил парламентские институты на:

— парламентские структуры, призванные осуществлять международную деятельность и отличающиеся по характеру членства (транснациональные, региональные, межрегиональные), по сфере интересов (экология, экономика, безопасность и др.), целям (сотрудничество, разрешение конфликтов и др.). К этой категории можно причислить Европарламент, ПА ОБСЕ, Межпарламентский Союз (МПС);

— парламентские структуры, развивающие определенные измерения в международной деятельности с целью либо осуществления контроля над исполнительной ветвью власти, либо по причине того, что внешнее измерение внутренней политики имеет международный характер.

Крайне информативными оказались две статьи еще одного западного исследователя, Б. Хабеггера, а именно — «Democratic Accountability and Parliamentary Control of International Organizations: The Council of Europe, the OSCE, and lessons for a Future United Nations Assembly» и «Democratic control of the OSCE: the role of the Parliamentary Assembly», опубликованные им в 2008 и 2006 гг. соответственно. Во главу уг-

ла исследования автор поставил проблематику подотчетности и осуществление парламентскими ассамблеями контроля за деятельностью международных организаций, в состав которых они входят. Подробно рассмотрены паттерны парламентских ассамблей ОБСЕ и Совета Европы, прописаны их внутриорганизационные институциональные связи, и детально рассмотрены механизмы их контроля за материнскими организациями. По итогам своего исследования Б. Хабеггер пришел к выводу о необходимости поддержания устойчивых связей между исполнительным и законодательным крылом в структуре.

С. Маршалл⁴ в ходе своего сравнительного исследования парламентских ассамблей выделил следующие их основные черты:

— они состоят из делегаций, представляющих национальные парламенты. Сами делегаты обладают двойным мандатом — они являются как полноправными членами законодательного органа своей страны, так и членами ассамблеи международной организации.

— ПА — это нечто большее, чем лишь единичные собрания парламентариев. Существование ассамблей, их режим работы, а также компетенции основаны на прописанных уставах и правилах процедуры. Как правило, точкой их опоры служит генеральный секретариат. Следовательно, парламентские ассамблеи следует отличать от многочисленных произвольных форм межпарламентского взаимодействия. Большинство ПА относятся к межправительственным организациям, а многие стали уже и их составной частью.

Автор отметил, что своеобразным сигналом стало создание в 1949 г. Консультативной ассамблеи Совета Европы. С того момента было основано более 40 парламентских ассамблей. Большин-

³ Stavridis Stelios. Parliamentary diplomacy: any lessons for regional parliaments?

⁴ Stefan Marschall. European parliaments in transnational organizations: parliamentary cooperation beyond the European Union.

ство из них тесно связаны с транснациональными организациями. Весь этот период характеризуется моментами спадов и подъемов, последний хорошо просматривается в 80-е и 90-е годы.

Совершенно очевидно, что ПА стали обязательным компонентом в структуре любой международной организации. Как только создается международная организация, сразу начинаются дискуссии на тему включения в ее состав парламентского органа. А некоторые ныне действующие международные организации, не имеющие парламентского органа (например, ВТО), подвергаются резкой критике с точки зрения институционального дефицита.

В исследовании подчеркивается глобальный характер распространения парламентских ассамблей⁵. Масштабное распространение парламентских структур автор обуславливает тем, что, во-первых, региональная интеграция дала резкий толчок становлению транснациональных парламентских органов, а во-вторых тем, что наличие самой законодательной власти является предпосылкой для создания парламентских ассамблей.

По итогам своего исследования С. Маршалл выработал свою классификацию парламентских ассамблей:

— ассамблеи, не имеющие автономного статуса и (не)формальных отношений с международной организацией (Центральноамериканский парламент), — 26%;

— ассамблеи, формально независимые, но имеющие неформальные взаимоотношения с межправительственной организацией (МПС), — 32%;

— ассамблеи, являющиеся институциональной частью международной организации. Их существование, как правило, юридически прописано в различных договорах и протоколах (ПАСЕ) — 42%.

⁵ Европа — 45%, Азия — 20%, Африка — 13%, Южная Америка — 9%, Северная Америка — 9%, Центральная Америка — 4%.

Именно на этот критерий С. Маршалл сделал упор, что объясняется тем, что сама суть и полномочия ПА напрямую зависят от ее участия в процессе принятия политических решений: чем теснее ПА связана с международной организацией, тем больше ее влияние на решения, принимаемые данной организацией. Именно поэтому ПА, являющиеся частью структуры международной организации, имеют больший шанс влиять на политический процесс, нежели автономные ассамблеи.

Как видно из ссылок на перечисленные выше работы, большинство из них были написаны в 2000-е гг. — это отражает явно возросший интерес к объекту исследования, что, как можно предположить, в свою очередь, обусловлено процессами демократизации и определенной «парламентаризации» как политической, так и общественной жизни на пространстве как Евро-Атлантики, так и на других континентах.

Пожалуй, наиболее структурированный подход к классифицированию разновидностей межпарламентских институтов предложен исследователем К. Кисслинг в недавно опубликованной ею работе «The legal and political status of international parliamentary institutions»⁶.

В соответствии с ее пониманием субстантивного характера МПИ, они представлены следующими подтипами:

1) так называемые межпарламентские неправительственные организации, находящиеся под контролем/влиянием правительств государств-участников («inter-parliamentary government run/inspired NGOs (GRINGOs)»), делящиеся, в свою очередь, по географическому⁷ (19 институтов) и субстантивному кри-

⁶ Kissling C. The legal and political status of international parliamentary institutions, Committee for a Democratic U.N., Berlin, Germany, 2011.

⁷ Примерами служат Парламентская ассоциация Содружества, Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, Европейская конференция председателей парламентов.

териям⁸ (33 института). Они не являются НПО в классическом смысле, представляя собой инициированные парламентариями форумы, ориентированные на тесное взаимодействие с государственными органами власти. Подобные институциональные образования учреждаются в соответствии с национальным законодательством и, как правило, не обладают полной международной правосубъектностью;

2) международные/региональные парламентские организации («international/regional parliamentary organizations»)⁹ (19 институтов). Они состоят из избираемых и делегируемых национальными парламентами парламентариев, обладают полной автономией и международной правосубъектностью. Это независимые ни от каких-либо международных межправительственных организаций институты, характеризующиеся высокой институциональной степенью влияния и автономии (в том числе в плане рекрутирования и бюджета). Более того, некоторые из них наделяются правом заключения международных договоров. Тем не менее их законотворческие функции, как правило, ограничиваются принятием различного рода документов, не обладающих обязательной силой;

3) международные/региональные парламентские специализированные агентства («international/regional parliamentary specialized agencies»)¹⁰ (17 институтов). Данная разновидность МПИ схожа по своему функциональному аспекту с международными парламентскими организациями за исклю-

чением того момента, что они интегрированы в структуру международных межправительственных организаций, в силу чего обладают частичной международной правосубъектностью. Но в отличие от парламентских органов международных организаций они сохраняют определенную автономию и независимость от материнских организаций (вопросы рекрутирования и бюджета). Они, как и международные парламентские организации, действуют на основе уставов и правил процедуры, формируются на основе делегирования национальными парламентами своих членов либо путем прямого их избрания, а в некоторых случаях наделяются правом заключения международных договоров. Их преимуществом по сравнению с предыдущим типом МПИ является наличие возможности со временем обрести и развивать законотворческое право и функцию парламентского контроля (хотя в строгом понимании законотворчества этим правом не надделено ни одно «агентство»);

4) парламентские органы международных/региональных (межправительственных) организаций («parliamentary organs of international/regional (governmental) organizations»)¹¹ (31 институт). Подобного рода институты учреждаются международным договором материнской межправительственной организации, находятся у нее в подчинении. При наличии собственного устава и/или правил процедуры, разветвленной структуры и собственного бюджета, парламентские ассамблеи ограничены в праве принятия решений, а их правосубъектность является частью общей международной правосубъектности межправительственной организации. С одной стороны, в отличие от всех вышеперечисленных разновидностей

⁸ «Парламентарии за всемирное действие», Межпарламентская коалиция по борьбе с антисемитизмом, Парламентский форум по проблематике ЛСО.

⁹ Арабский межпарламентский союз, МПС, Латиноамериканский парламент, МПА АСЕАН, Парламентская ассамблея Средиземноморья и др.

¹⁰ ПА НАТО, ПА ЧЭС, Центрально-Американский парламент, Балтийская ассамблея и др.

¹¹ ПА ГУАМ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, МПА ЕврАзЭС, ПА ОБСЕ, ПА Союзного государства России и Белоруссии, Андский парламент, Европейский парламент, Ассамблея ЗЕС, ПАСЕ, Северный Совет и др.

МПИ парламентские ассамблеи обладают большим спектром возможностей контроля за материнскими организациями, вариациями продвижения своих инициатив в рамках институциональной структуры головных организаций, однако широта этого спектра опять-таки устанавливается «сверху». Конечно, статус парламентских органов международных организаций в каждом конкретном случае различен. На общем фоне выделяются такие структуры, как Европейский парламент и ПАСЕ. У ряда ПА (например, ПА ОБСЕ, МПА СНГ и др.) есть такие возможности, как участие в процессе наблюдения за общенациональными выборами и др. Тем не менее, с точки зрения К. Кислинг, Европейский парламент, зачастую воспринимаемый как своего рода эталон МПИ, не столь уж и совершенен — в частности, Европарламент пока не стал преемником «национального парламента» в классическом смысле слова: он не обладает правом принятия законов в отношении себя, не может устанавливать налоги и пошлины, а также не обладает правом законодательной инициативы.

На основе изученных материалов по проблематике парламентских институтов международных организаций можно предложить обобщающую систему критериев для классификации парламентских ассамблей:

1) географический охват парламентской ассамблеи (это особенно актуально в случаях, когда парламентская ассамблея являет собой автономно действующую структуру, при другом раскладе ассамблеи, как правило, включают в себя представителей тех же государств, которые входят в состав материнской организации);

2) способ формирования ассамблей, подразумевающий метод рекрутирования и характер членства (происходит ли формирование парламентских делегаций в ассамблеях на выборной основе либо же они назначаются в национальных парламентах?);

3) функциональная нагрузка ассамблей. В первую очередь это касается характера принимаемых решений, что, соответственно, определяет и статус парламентского органа в общей институциональной структуре международной организации. Во-вторых, речь идет о покрываемой ассамблеей проблематике — носит ли повестка дня сессий ассамблей глобальный характер или же сосредоточена на узкоспециализированной тематике?

По итогам анализа существующей научной базы по изучаемому объекту автором предлагается собственная **обобщающая классификация межпарламентских институтов:**

1. Международные/региональные парламентские организации

Примеры: Межпарламентский союз, Арабский межпарламентский союз, Латиноамериканский парламент, МПА АСЕАН, Парламентская ассамблея Средиземноморья и др.

Основные черты:

- независимость/автономность (даже при наличии рабочих контактов с межправительственными организациями);
- обладание международной правосубъектностью;
- высокая институционализованность;
- самостоятельность в вопросах членства и бюджета;
- наличие устава и правил процедуры, разветвленная система органов.

Классификация по критериям:

1) метод учреждения:

- на основе межправительственного договора (ЛАП);
- на основе добровольного принятия международной правосубъектности организацией путем законодательного акта/устава (ПА Средиземноморья);
- на основе заключения международного парламентского договора или принятия совместного решения парламентов (Евролат);

2) по взаимодействию с межправительственными организациями (МПО):

— полностью автономные (без привязки к какой-либо МПО) (Азиатская ПА);

— имеющие рабочие связи с МПО:

а) те, которые учреждены межправительственными договорами и, соответственно, признаны государствами — участниками МПО (ЛАП);

б) те, которые имеют соглашения о сотрудничестве (Арабский МПС);

в) те, которые имеют статус наблюдателя (МПС);

г) те, которые являются «ассоциированными членами» (МПА АСЕАН);

3) по направленности деятельности (повестка дня):

— исключительно парламентское сотрудничество;

— продвижение межправительственного сотрудничества (МПА АСЕАН).

2. Международные парламентские ассоциации

(подконтрольные правительствам собрания парламентариев национальных государств)

Примеры: Парламентская ассоциация Содружества, Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, Конференция спикеров парламентов ЕС, Конференция спикеров «Большой восьмерки», «Парламентарии за всемирное действие», ГОПАК, Межпарламентская конференция по борьбе с антисемитизмом и др.

Основные черты:

— слабая институционализованность;

— инициированные парламентариями форумы, ориентированные на тесное взаимодействие с государственными органами власти;

— учреждение в соответствии с национальным законодательством;

— отсутствие полной международной правосубъектности.

Классификация по критериям:

Выделяется **отдельная подкатегория** — **специализированные парламентские ассоциации**

(«Парламентарии за всемирное действие», ГОПАК, Межпарламентская конференция по борьбе с антисемитизмом, Парламентский форум по проблематике ЛСО и др.)

Это образования из парламентариев от различных партий, собравшихся с целью лоббирования инициатив правительств, общества и бизнеса. Как правило, они имеют национальные и региональные представительства. Имеют формальную структуру, решения не носят обязательного характера, финансируются за счет парламентов, международных правительственных организаций и НПО.

3. Парламентские органы/ассамблеи международных организаций

Примеры: ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, МПА ЕврАзЭС, Европейский парламент, Северный совет, ПА Союзного государства России и Белоруссии, Андский парламент и др.

Основные черты:

— являются органами международных, региональных и наднациональных организаций;

— наличие устава, правил процедуры, бюджета, разветвленной структуры;

— их правосубъектность — часть общей правосубъектности международной организации;

— подчиненность головной организации;

— членство в соответствии с составом государств — участников международной организации;

— постоянное взаимодействие с другими органами международной организации;

— статус парламентской ассамблеи в международной организации далеко не соответствует статусу национального парламента в государстве.

Классификация по критериям:

1) метод учреждения:

— в соответствии с решениями парламентариев государств-участников, деклараций собственно ассамблей и по признанию международной организации;

— заключение международного договора (Андский парламент, МПА СНГ);

— включение раздела в международный договор международной организации (Ассамблея ЗЕС, МПА ЕврАзЭС, Северный совет, ПАСЕ);

2) по типу принятия решения:

— большинством голосов (ПА ОБСЕ);

— на основе консенсуса (в основном азиатские и африканские ассамблеи);

3) по методу финансирования:

— из бюджета международной организации (за счет взносов государств-участников) (большинство ассамблей);

— за счет национальных парламентов государств-участников (ПА ОБСЕ);

4) функция законотворчества и контроля:

— полная (Восточноафриканская законодательная ассамблея Восточноафриканского содружества);

— частичная (Европарламент, ПА Союзного государства России и Белоруссии, в плане осуществления контрольной функции — ПАСЕ, Северный совет);

— отсутствует (большинство ассамблей).

Дополнительные возможности:

— парламентская неприкосновенность (Европарламент, ПАСЕ);

— возможность создания политических групп в рамках ассамблей (Европарламент, ПАСЕ, Северный совет);

— участие в составе миссий по наблюдению за выборами (Европарламент, ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ);

— возможность заключения соглашений о сотрудничестве (ПА Союзного государства России и Белоруссии)

Отдельная подкатегория — парламентские организации при международных организациях

(ПА НАТО, ПА ЧЭС, Центральноамериканский парламент, Балтийская ассамблея и др.)

Основные черты:

— схожи с международными парламентскими организациями, но так или иначе входят в состав международных межправительственных организаций;

— обладают частичной международной правосубъектностью;

— наличие определенной автономии и независимости от головных международных организаций;

— наличие устава и правил процедуры, разветвленной структуры, бюджета;

— самостоятельное формирование состава ассамблей;

— возможность со временем приобретать функции законотворчества и контроля.

Классификация по критериям:

1) метод интеграции в институциональную структуру международной организации:

— заключение международного договора об институциональном сотрудничестве с международной организацией (редко практикуется) (Балтийская ассамблея);

— признание международной организацией:

а) простое решение (Парламентский форум Содружества южноафриканского развития);

б) упоминание в правительственных резолюциях (Евро-Средиземноморская ПА);

в) закрепление в Уставе (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе);

— наделение специальным статусом (Центральноамериканский парламент, ПА ЧЭС, ПА НАТО);

— включение в международный договор (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе);

2) метод учреждения:

— международный правительственный договор (ЦАП, Парламент стран Бенилюкса);

— решение/резолуция участвующих парламентов (Парламентский форум Содружества южноафриканского развития) или декларация спикеров парламентов (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе);

— международный парламентский договор (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе);

3) метод рекрутирования:

— делегирование национальными/региональными парламентами или их группами (в основном);

— прямые выборы (ЦАП);

4) статус принимаемых решений:

— необязательный (в основном);

— обязательный (COSAP);

5) взаимодействие с международной организацией:

— статус наблюдателя (Парламентский форум Содружества южно-африканского развития);

— специализированный статус (ПА НАТО);

— возможность посещения мероприятий по линии разных институтов международной организации (ПА НАТО, ПА ЧЭС, Парламент стран Бенилюкса);

— возможность выступлений на мероприятиях по линии различных институтов международной организации (Балтийская ассамблея, ПА ЧЭС, Парламент стран Бенилюкса);

— отдельные встречи представителей ассамблей и других институтов международной организации (ПА НАТО, Балтийская ассамблея);

— обязательство исполнительных органов международной организации учитываться по вопросам своей деятельности перед парламентской ассамблеей (Балтийская ассамблея, ПА НАТО, ПА ЧЭС);

б) метод финансирования:

— взносы государств-участников;

— взносы парламентов государств-участников;

— дополнительные взносы (международные организации, отдельные страны).

В некоторых ПА (ПА НАТО) — делегации сами оплачивают свое участие в ассамблеях.

Литература

1. Priestman J.D. Relations between National Parliaments and International Parliamentary Assemblies// Constitutional and Parliamentary Information ASGP.-Geneva. 3rd Series. № 124/4th Quarter 1980.
2. Klebes H. The Development of International Parliamentary Institutions// Constitutional and Parliamentary Information ASGP.-Geneva. 1st Series. № 159/1st half-year 1990.
3. Sabic Z. Building democratic and responsible global governance: the role of international parliamentary institutions, the Fourth Biennial International Conference of the European Community Studies Association, Charleston, South Carolina, May 11–14 1995.
4. Stavridis S. Parliamentary diplomacy: any lessons for regional parliaments?
5. Marschall S. European parliaments in transnational organizations: parliamentary cooperation beyond the European Union.
6. Degn H. The OSCE Parliamentary Assembly — Growth in Recent Years.
7. Oliver Robert S., The OSCE Parliamentary Assembly, Helsinki Monitor, Volume 7 (1996), No.1.
8. Habegger B. Democratic Accountability and Parliamentary Control of International Organizations: The Council of Europe, the OSCE, and lessons for a Future United Nations Assembly, the International Studies Association 49th Annual Convention, San Francisco, 26 — 29 March 2008.
9. Habegger B. Democratic control of the OSCE: the role of the Parliamentary Assembly, Helsinki Monitor. 2006. № 2.
10. Dr. Kiljunen K. Global governance and parliamentary influence.
11. Cutler R. The Emergence of International Parliamentary Institutions: New Networks of Influence in World Society, in Who Is Afraid of the State? Canada in a World of Multiple Centres of Power, ed. Gordon S. Smith and Daniel Wolfish, Toronto: University of Toronto Press, 2001.
12. Cutler R. The OSCE's Parliamentary Diplomacy in Central Asia and the South Caucasus in Comparative Perspective.
13. Kissling C. The legal and political status of international parliamentary institutions, Committee for a Democratic U.N., Berlin, Germany, 2011.
14. European Parliament. Fact Sheets on the European Union. Luxembourg, 1998.

15. Хабаров С.А. Международные парламентские организации: правовые аспекты. М. : Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте РФ, 1995.
16. Саидов А.Х. Межпарламентские организации мира : справочник. М., 2004.
17. Руководство БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами (Варшава, апрель 1999 г.).
18. Хабаров С.А. Европейские парламентские организации (правовые аспекты) // Государство и право. 1997. № 1.
19. Правила процедуры Парламентской ассамблеи Совета Европы. М., 1994.
20. Парламентская ассамблея ОБСЕ : краткий обзор. 3-е изд. Копенгаген, 2000.
21. Парламентская ассамблея ОБСЕ : правила процедуры. Копенгаген, 2000.
22. ОБСЕ: Справочник. 3-е изд. Вена, 2002.
23. URL: <http://www.ipu.org> (сайт Межпарламентского союза).
24. URL: <http://www.comparlhq.org.uk> (сайт Парламентской ассоциации Содружества).
25. URL: <http://www.coe.int> (сайт Парламентской ассамблеи Совета Европы).
26. URL: <http://www.europarl.eu> (сайт Европейского парламента).
27. URL: <http://www.norden.org> (сайт Северного Совета).
28. URL: <http://www.nato-pa.int> (сайт Парламентской ассамблеи НАТО).
29. URL: <http://www.parlatino.org> (сайт Латиноамериканского парламента).
30. URL: <http://www.arab-ipu.org/english> (сайт Арабского межпарламентского союза).
31. URL: <http://www.uaiparl.org/hom.html> (сайт Африканского парламентского союза).
32. URL: <http://www.oscepa.org> (сайт Парламентской ассамблеи ОБСЕ).
33. URL: <http://www.baltasam.org> (сайт Балтийской ассамблеи).
34. URL: <http://www.parlacen.org.gt> (сайт Центральноамериканского парламента).
35. URL: <http://www.iacis.ru> (сайт МПА СНГ).
36. URL: <http://www.pabsec.org> (сайт Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества).
37. URL: <http://www.mpa.eurasec.ru> (сайт Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС).

АСИММЕТРИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАНЫХ 255 НАЦИОНАЛЬНЫХ ДОМЕНОВ ИНТЕРНЕТА

Д.С. Барина

Взаимосвязь между властью и территорией — одна из ключевых тем политической науки. В последние годы все большее внимание привлекает влияние нового информационного пространства Интернета на эту взаимосвязь. Конфигурация виртуального пространства дает еще одно измерение существования современных политий. Современные политии используют в качестве базовых ячеек политико-правовые территориальные пространства в рамках национальных границ. Однако с развитием политики и технологий к этим пространствам добавляются новые. Вероятно, самым ярким примером является виртуальное пространство Интернета, открытое в 1983 г. Следует помнить о том, что все эти пространства (или измерения): будь то географическое, социоэкономическое, юридическое или сетевое — не существуют параллельно, но тесно связаны между собой.

Одним из показателей присутствия государства в Сети является национальный домен. Национальные домены (в технической терминологии — домены верхнего уровня, основанные на кодах стран) — это две буквы после точки на конце любого электронного адреса, например, сайта www.mgimo.ru или почты dasha.barinova@gmail.com. Доменные имена выполняют роль уникальных идентификаторов в Интернете, а национальные домены — идентификаторов государства в Сети, поскольку две бук-

вы в национальном домене соответствуют страновому коду из международного стандарта ИСО 3166-1¹. Так, .RU предназначен для России, .AU — Австралии, .LU — Люксембурга, .SO — Сомали и т.д.² Эти так называемые «корневые зоны» составляют основу виртуального пространства — системы доменных имен (ДНС), критически важного элемента Интернета, от работы которого зависит, загрузится ли сайт или откроется ли электронная почта. Регистрация доменного имени (например, www.mgimo.ru) свидетельствует о заинтересованности того, кто регистрирует имя, в получении видимости в Интернете, и является важным показателем развития сети Интернет (OECD Communications Outlook 2007, p. 142).

Одной из конституирующих основ виртуального пространства является код (Лессиг 1999), а основанные на кодах стран национальные домены выполняют роль конституций для виртуальных государств. У всех ли государств есть свои национальные домены? Обладает ли го-

¹ Подробнее об устройстве и функциях национальных доменов см.: Барина Д.С. Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО — Университета. 2010. № 5. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files/14/39_barinova.pdf

² При этом национальное доменное пространство — это часть виртуального пространства Интернета. Помимо национальных зон, в Сети действует 21 зона общего назначения (.COM, .NET, .ORG и т.д.) и 11 интернациональных доменных зон (например, .РФ).

сударство суверенитетом над своим доменом? Всегда ли государство управляет своим национальным доменом? Как и с какими последствиями государство использует свои национальные зоны? Все ли виртуальные территории стран — национальных доменов — одинаковые?

В статье представлены результаты эмпирического исследования 255 национальных доменов Интернета, которые свидетельствуют о том, что не все государства одинаково вписаны в виртуальное пространство, выявляя асимметрию виртуального политического пространства. Виртуальное пространство не просто воссоздает неоднородную систему мировой политики, но и искажает ее. Анализ обнаруживает отклонения организации киберсреды от реальной системы.

Результаты

На основе полученных данных можно выделить два уровня асимметрии:

1. **Внешняя асимметрия** — различия в организации кибергеографии при сопоставлении его с реальным политическим пространством.

2. **Внутренняя асимметрия** — различия внутри самого виртуального политического пространства.

Остановимся подробнее на каждом пункте.

Внешняя асимметрия

Когда речь идет об исследовании роли государства в Интернете, то основная сложность заключается в определении границ государства в пространстве «без границ». Ведь Интернет на протяжении длительного времени представлялся технологией, которая уничтожит государства и саму географию. Однако последние исследования уверенно доказывают, что Интернет как продолжение сферы деятельности человека — это не единое универсальное пространство, а пространство неоднородное, разграниченное на зоны, неравномерно заселенное и, что главное, воссоздающее

уже существующие реальные социально-экономические и политические практики и институты³.

Внешняя асимметрия проявляется при сопоставлении системы национальных доменов с реальной политической системой. Для выявления данного типа асимметрии были использованы открытые онлайн-базы данных: ИАНА⁴, ИСО⁵ и ООН⁶. Количественный анализ выявляет наличие 248 действующих национальных доменов. Это дает основание утверждать, что виртуальное пространство доменов воссоздает территориальное деление по принципу наций-государств. Тем не менее не все государства имеют свои национальные домены, а значит, не все получают видимость в Интернете. Что это за видимые и невидимые страны?

Национальные домены есть у 192 признанных государств — членов ООН и у 56 стран и территориальных образований, не являющихся членами ООН. Непризнанные государства не имеют своих национальных доменов, т.е. это и есть те самые «невидимые страны» виртуального политического пространства⁷. Невидимы они формально, поскольку и у властей непризнанных государств есть свои официальные представительства в Интернете (сайты), однако они вынуждены

³ Zook, M. (2006). The Geographies of the Internet. In Annual Review of Information Science and Technology (ARIST) ed. B. Cronin. Vol. 40. P. 53–78.

⁴ Root Zone Database, IANA. URL: <http://www.iana.org/domains/root/db/>

⁵ ISO 3166-1 decoding table. URL: http://www.iso.org/iso/iso-3166-1_decoding_table

⁶ Countries or areas, codes and abbreviations, UN Statistics Division. URL: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49alpha.htm>

⁷ Отсутствие национального домена не лишает непризнанные государства возможности использовать Интернет, но заметно ограничивает их присутствие в Сети, так как лишает возможности создавать единое информационное пространство в своей/одной части виртуального мира. Также это лишает государство дополнительного источника дохода от рынка доменов.

размещаться на чужих территориях (в доменах общего пользования или национальных доменах дружественных стран)⁸.

Причина отсутствия национальных доменов у непризнанных государств связана с исторически сложившимися правилами создания новых доменных зон⁹: если страны нет в списке ИСО 3166-1, то она не может получить свой домен. Список ИСО 3166-1, в свою очередь, основывается на терминологическом бюллетене ООН, в который входят только те страны, которые являются либо членами одного из специализированных агентств ООН, либо участниками Статута Международного суда ООН¹⁰. Таким образом, непризнанные государства не могут получить свой домен и вынуждены арендовать домены в чужих зонах.

Что касается 56 доменов стран — не членов ООН, то, как показывает анализ полученных в ходе авторского исследования данных, это домены в основном микросоциальных и зависимых территорий. Есть среди них и интересные «казусы», например, Антарктида (AQ), Западная Сахара (EH), Гибралтар (GI), Гренландия (GL), Гонконг (HK), Палестина (PS), Тайвань (TW) и Ватикан (VA). Национальные домены есть и у необитаемых островов: например, у острова Бюве (BV), зависимой территории Норвегии в южной части Атлантического океана. Впрочем, домен BV, как и домен SJ (Шпицберген и Ян-Майен), не используются, а «зарезервированы для использования в будущем», поскольку, по

правилам администратора этих зон, норвежской компании Norid, приоритет отдан домену NO, действующему национальному домену Норвегии¹¹.

То, что у этих стран есть свои виртуальные домены, несмотря на отсутствие официального международного политического статуса, выявляет изъясны формально-институциональных основ организации виртуального пространства Сети: стандарт ИСО 3166-1, который отец-основатель ДНС Джон Постел в начале 1980-х выбрал в качестве критерия делегирования новых национальных доменов, был создан в 1970-х, в доинтернетную эпоху. Он не был предназначен для использования в виде национальных доменов. Он был предназначен для стандартизации наименований стран в двубуквенные коды, для упрощения почтово-транспортных перевозок. 56 стран получили домены лишь потому, что их коды уже были в стандарте ИСО 3166-1, другими словами, этим странам повезло больше, чем непризнанным, чьих кодовых обозначений нет в списке ИСО 3166-1.

Пока национальные домены не были столь востребованы и заметны, система, предложенная Джоном Постелом, работала эффективно, однако по мере того как национальные домены приобрели экономическую и политическую ценность, обнаружились ее недостатки. Вот еще один пример. Джон Постел предписывал одной стране по одному домену (RFC 1591¹²), однако сегодня в виртуальном пространстве существуют страны, в чьем распоряжении оказалось сразу несколько доменов. К числу таких

⁸ Барина Д.С. Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО — Университета. 2010. № 5. С. 311.

⁹ Подробнее см.: Барина Д.С. Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО — Университета. 2010. № 5. С. 310. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files/14/39_barinova.pdf

¹⁰ Подробнее см. раздел «Процедура создания национальных доменов» на официальном сайте ИАНА. URL: <http://www.iana.org/procedures/cctld-establishment.html>

¹¹ Norid: The .bv and .sj top level domains. URL: <http://www.norid.no/omnorid/bv-sj.en.html>. На сайте также заявлено, что власти Норвегии не намерены коммерциализировать свои доменные ресурсы и не будут продавать свои домены с целью получения коммерческой выгоды.

¹² Postel Jon. Domain Name System Structure and Delegation. RFC 1591. March 1994. URL: <http://www.ietf.org/rfc/rfc1591.txt?number=1591>

стран относятся: США (US, GOV, MIL, EDU), Великобритания (UK, GB, EU), Россия (RU, SU, РФ), Норвегия (NO, SJ, BV) и члены ЕС (по две зоны — свой национальный домен и домен EU). Также можно говорить о том, что Китай имеет контроль не только над своим доменом (CN), но доменами Гонконга (HK) и Макао (MO), хотя формально у каждой зоны свой администратор¹³.

В то время как в реальном мире существуют страны, у которых нет национальных доменов, в мире виртуальном обнаруживаются национальные домены, которые не относятся ни к одной из существующих стран. Так, например, в виртуальном пространстве все еще жив домен SU, созданный в 1991 г. для Советского Союза. После распада Югославии виртуально это государство продолжало жить в лице домена YU, который был удален лишь 1 апреля 2010 г.

В истории виртуального политического пространства известен случай, когда создание национального домена привело к созданию реального государства (.TP — Восточный Тимор)¹⁴.

При этом в виртуальном пространстве международная система государственного суверенитета тоже искажается: вся полнота суверенитета над пространством доменных имен сосредоточена у США, а все остальные страны оказываются арендаторами своих территорий (доменов).

Отсутствие государственного суверенитета в национальных доменных зонах Интернета — следствие того, что национальные доменные зоны не принадлежат соответствующим государствам-нациям, в силу опять-таки исторического раз-

вития Интернета. Интернет вырос из проекта ARPANET (Advanced Research Projects Agency Network) Министерства обороны США. Интернет имеет сложную иерархическую структуру. У Интернета нет одного собственника, на каждом уровне — есть свои игроки и свои правила. Пространство доменных имен, или виртуальное пространство, лишь один из уровней Интернета. В то время как физическая инфраструктура Сети с конца 1980-х гг. вышла за границы США и начала развиваться относительно независимо, то виртуальное пространство Сети до сих пор остается под контролем США¹⁵. Сегодня в процессе управления адресным пространством Интернета участвуют сотни институтов, однако функции распределения адресного пространства Интернета по-прежнему выполняет ИКАНН (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN), некоммерческая корпорация, базирующаяся в Калифорнии¹⁶. ИКАНН принимает решение о создании новых национальных доменов или об их удалении из киберпространства, о том, кому делегировать право администрирования национальным доменом¹⁷. Таким образом, все виртуальное пространство, включая национальные доменные зоны, оказывается арендованным администраторами у ИКАНН.

Проблема заключается в том, что само существование национальных доменов, основанных на кодах стран, вызывает естественный интерес к этим зонам у правительств соответствующих стран. Интерес этот выражается не только в ре-

¹³ Администратор домена Китая — China Internet Network Information Center, домена Гонконга — Hong Kong Domain Name Registration Company Ltd., домена Макао — Университет Макао.

¹⁴ Подробнее см.: Wass E.S. Addressing the World: National Identity and Internet Country Code Domains. Rowman & Littlefield. 2003. Pp. 17–31.

¹⁵ Управление Интернетом.

¹⁶ Подробнее см.: Венедюхин А. Доменные войны. 2009.

¹⁷ При этом ИКАНН не является международной организацией (хотя формально ее роль в сфере управления интернетом сравнима с ролью ООН в сфере миротворчества), т.е. ее решения de jure не имеют силы международных договоров или законов в других государствах, пользующихся Интернетом.

зультатах опросов¹⁸, но и в государственной политике: за последнее десятилетие 48 государств подали в ИКАНН заявления о передаче прав управления (администрирования) официальным властям (по данным текущего авторского эмпирического исследования). Но даже передача прав администрирования государству не наделяет государство суверенитетом. Причина — в отсутствии международного законодательства по управлению национальными зонами¹⁹.

Проблему отсутствия у государств суверенитета в своих национальных доменах подробно описал Кеннет Найл Кукьер в статье *Eminent Domain* (2002). *Eminent domain* — это практика в американском законодательстве, которая позволяет государству конфисковать частную собственность, если это необходимо для соблюдения общественных интересов. Кукьер считает, что настало время, когда ИКАНН должен постепенно передать суверенитет национальным государствам, поскольку сегодня Сеть стала типичным примером критически важной инфраструктуры государства и по значению, и по использованию, но не по ее организационно-правовому положению: управление Сетью по-прежнему строится на частной модели. «Для стран национальные домены — это ценный национальный ресурс, который должен управляться как естественная монополия, в государственных интересах»²⁰.

Внутренняя асимметрия

Сравнение интернет-активности государства не ограничивается наличием или отсутствием домена. Если говорить о внутреннем суверенитете, то здесь асимметрия выражена неявно. Внешне все на-

циональные домены кажутся равновеликими — двубуквенные коды стран ИСО 3166-1. Однако национальный домен — это не только код, или символ государства. Его можно также рассматривать и как национальную «границу», маркирующую виртуальную территорию государства. Размер территории в данном случае определяется по количеству регистраций в домене. Как и в реальном мире, в Интернете есть микространы (менее 100 регистраций в домене) и страны-гиганты (более миллиона регистраций). Национальный домен можно рассматривать и как национальный ресурс/общественное благо, который может использоваться по назначению и не по назначению. Виртуальная зона может быть закрытой или открытой, в зависимости от модели ее управления²¹. И что самое интересное, виртуальное государство (национальный домен) не обязательно должно быть подконтрольно соответствующему реальному государству.

Анализ этих отличий показывает, что асимметрия суверенитета и власти в реальном мире распространяется и на киберпространство. Система проецируется в Сеть (например, в виде гегемонии домена .COM и организации ICANN как следствие гегемонии США в реальном мире). Однако есть и свои искажения: зона .DE, .CN, .IN (население и регистрации). Если на заре Интернета это не было важно, то по мере роста интереса государств к Интернету и влиянию Интернета на государства, неравное количество власти у разных государств в управлении Интернетом сказывается и на их реальной политической власти.

Асимметрию виртуального политического пространства можно объяснить через государственную состоятельность

¹⁸ См.: Michael A. Geist «Governments and Country-Code Top Level Domains: A Global Survey», February 2004. URL: <http://www.itu.int/osg/spu/forum/intgov04/contributions/governmentsandcctldsfeb04.pdf>

¹⁹ Weber R. *Shaping Internet Governance: Regulatory Challenges*. Springer. 2010. P. 176–186.

²⁰ Cukier. *Eminent Domain*. 2002.

²¹ Исследование моделей управления национальными зонами Интернета ведет Хильда Тунем (Hilde Thunem), директор UNINETT Norid AS, администратор национального домена Норвегии (.NO). URL: <http://www.norid.no/regelverk/rammer/regelverksmodeller.en.html>

(Nettl, 1968): т.е. состоятельность соответствующей национальному домену страны. Развитые страны быстрее начали развивать Интернет, и в этих странах раньше возникла потребность в присутствии в Интернете, а следовательно, раньше появились и национальные домены. Число регистраций связано с численностью населения: чем больше население, тем больше потенциальное население виртуального государства. Однако если население и бизнес не хотят по той или иной причине ассоциировать себя с данным государством, т.е. не проявляют лояльность, то они не будут регистрироваться в данной зоне, поскольку в отличие от реального мира присутствие в Интернете — дело добровольное. Это свидетельствует о наличии в Интернете проблемы «идентификации граждан с государством» (stateness problem)²².

Заключение

Эмпирический анализ пространства национальных доменных зон подтвердил высказывание Кастельса: «Фундаментальный цифровой разрыв... — это следствие одновременно соединения и недостатка соединения... развивающиеся страны попали в хитросплетения сетей... оказаться несвязанным либо связанным поверхностно с Интернетом равносильно маргинализации в глобальной, се-

тевой системе» (Castells, 2001, p. 269). При этом страны со слабой государственной состоятельностью, «как Нигерия, вынуждены сталкиваться с дилеммой: желанием присоединиться к глобальному Интернету и неспособностью контролировать то, какими средствами будет это подключение производиться, и то, какие смыслы будут передаваться о стране во внешний мир через этот канал связи» (Zook, 2007, p. 84).

Как было показано в данной статье, в киберпространстве есть сильные и слабые государства. Есть даже невидимые. Оказывается, что для виртуального пространства характерно неравномерное заселение, неравенство суверенитета, различия по национальному и территориальному признаку.. Все то, что свойственно политической системе в реальном мире. Интернет «как продолжение среды обитания человека на Земле» (Zook. The Geographies of the Internet, 2006) имеет множественные географии, разграниченные социально, культурно, политически и экономически. Доказательство тому — описанная здесь асимметрия пространства национальных доменов Интернета, которую можно объяснить через **государственную состоятельность** (stateness)²³.

²² Степан А., Линц Х. 1996.

²³ Nettl J. The State as a conceptual variable// World politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.

СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МИРА

М.М. Лебедева

Сегодня интерес к проблеме государства огромен, что, в частности, обусловлено развитием экономического кризиса, когда перед государствами задача регулирования с целью выхода из кризиса встала особенно остро. Однако в целом проблема является более широкой — проблемой управления, причем не столько даже на уровне одного государства, как в глобальном масштабе. И для ее решения необходимо выйти за рамки отдельных государств, обратиться к анализу той системы, в рамках которой они функционируют.

До сих пор большинство исследователей, говоря о государстве в системе отношений, имеют в виду различные конфигурации отношений между государствами-лидерами, т.е. систему международных отношений. Такой анализ был совершенно обоснован в прошлом, когда влияние на тенденции развития мира государств — не лидеров, а также других акторов мировой политики было не особо значимым. Сегодня он обладает ограничениями, поскольку в результате научно-технической революции даже «слабый» способен нанести другим непоправимый урон, в определенной степени сопоставимый с результатами действий сильного.

Еще один важный момент, ограничивающий прогностическую ценность анализа системы международных отношений в современных условиях, заключается в том, что изначально лишь военный потенциал обеспечивал государству мощь и его позицию в качестве лидера. Позднее значимую роль стала играть экономика. Классическими примерами здесь являются послевоенные Германия и Япония. Отдельно от экономики

можно выделить энергетику. В качестве опять-таки классического примера можно назвать энергетический кризис начала 1970-х гг., когда США, несмотря на свое военное и экономическое могущество, вынуждены были сесть за стол переговоров с арабскими государствами — поставщиками нефти. Позднее к названным параметрам добавилась массовая культура, понимаемая широко и включающая в том числе и идеологический компонент. Для Дж. Ная массовая культура наряду с военной и экономической мощью стала инструментом «мягкой силы», который позволяет США выступать лидером на мировой арене¹. Согласно Р. Бергеру и С. Хантингтону, массовая культура совместно с бизнес-культурой, культурой интеллектуальной элиты и религиозными направлениями составляют пути распространения глобализации². Иными словами, если для Дж. Ная эти три группы объединены фактически в одну — «массовая культура», то Р. Бергер и С. Хантингтон анализируют отдельные составляющие «массовой культуры». Однако в любом случае социально-гуманитарная составляющая — важнейший ресурс влияния.

Тенденция дробления ресурсного потенциала государства в современном мире наблюдается повсеместно, что нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г., где гово-

¹ Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford: University Press, 2002; Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004.

² Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / Ed. by P.Berger, S. Huntington. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002.

рится: «На передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; в целом уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономических связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности. Создаются предпосылки для становления более кризисоустойчивой международной системы»³.

В настоящее время дробление ресурсного потенциала государства затрагивает настолько различные сферы деятельности, что даже перечислить их оказывается сложно. Так, например, Австралия и Новая Зеландия выходят на передовые позиции в мире по предоставлению образовательных услуг. Образовательные услуги там занимают важную статью дохода в национальном бюджете⁴. Важным моментом здесь является то, что такое влияние оказывается в значительной степени «отсроченным». Его результаты сегодня пока неочевидны, однако в будущем, при смене поколений элит, могут оказаться решающими.

Происходящие процессы плохо согласуются с идеей небольшой группы государств-лидеров и, соответственно, полюсности современного мира, поскольку «полюсы» рассредоточиваются по сферам и по акторам, которыми выступают не только государства, но и ТНК, регионы и т.д. Названные процессы приводят к размыванию полюсов. Сама же система межгосударственных отношений все сильнее растворяется в политической системе мира, включающей в себя все государства, других акторов, а также их связи, взаимоотношения и результаты деятельности (договоры, институты, режимы и т.д.), ведущие к формированию новых связей и новых акторов.

Кстати, тенденцию размывания «полюсов» хорошо уловили в Китае, где в настоящее время подчеркивают, что выдвинутая еще в 1990-х гг. прошлого столетия в ответ на унилатерализм США идея многополюсности (многополярности) мира была важным интеллектуальным вкладом. Вместе с тем сейчас акцент в большей степени делается не столько на многополюсности мира, сколько на многосторонности в международных отношениях. Начиная с 2006 г. разрабатывается концепция формирования гармоничного мира, которая не отрицает, а скорее продолжает идеи, выдвинутые ранее. При этом она позволяет делать акцент не на конкуренции между крупными странами и столкновении полюсов, что, несомненно, существует и на что в значительной степени направлено внимание в концепции многополярности, а на сотрудничестве. Кроме того, она дает возможность малым странам, которые с очевидностью не являются полюсами, но которых большинство, не чувствовать себя отстраненными от международной проблематики и открывает для них возможности поиска своей «ниши» в международных делах.

Таким образом, в современных условиях значимым становится не только и

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

⁴ Всемирный доклад по образованию 2006 г. Сравнение мировой статистики в области образования. Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf>

в определенном смысле даже не столько место государства в системе межгосударственных отношений (государств-лидеров по совокупному ресурсу вообще не более 10–15 из почти 200 стран мира), как его место в политической системе современного мира.

Наконец, последнее. Анализ государств-лидеров и их ресурсного потенциала способен дать хороший краткосрочный или среднесрочный прогноз. Для долгосрочных прогнозов необходимо исследование длительных тенденций развития, затрагивающих суть политической организации мира. Поэтому другой подход (отличный от изучения государств-лидеров) заключается как раз в том, чтобы рассмотреть проблему государства в более широких рамках — рамках политической системы мира, лежащей в основе системы международных отношений. Эта система, зародившись в рамках Европы после окончания Тридцатилетней войны и получив название по Вестфальским договорам, прошла сложный путь эволюции и во второй половине XX в. Ее структурной единицей стало государство, а центральным звеном — идея национального суверенитета. В результате государства могли различаться своей внутренней организацией — быть монархией, республикой, носить авторитарный или демократический характер и т.п., но «вовне» они выступали на равных. Именно идея суверенитета позволила Вестфальской системе дожить до наших дней: она допускала, что любое другое государство, которое войдет в систему, может быть очень по-разному организовано — это его суверенное право.

Вестфальская система достигла своей вершины, когда после крушения колониальной системы объединила фактически все государства современного мира. Но в то же время это стало первым и главным вызовом политической системе, ставшей глобальной. В одночасье (в историческом масштабе это действительно так) все бывшие колонии оказа-

лись национальными государствами и вошли в Вестфальскую систему второй половины XX столетия с ее достаточно хорошо разработанным международным правом, сложными институтами и набором принципов, объединяющих различные элементы в единую политическую систему. До крушения колониальной системы государства, находящиеся за пределами вестфальских отношений, рассматривались по-другому, не так, как «собратья» по системе. И внутри Вестфальской системы, и за ее пределами велись войны, но это были разные войны. Было два разных мира: «мир Вестфалья» и мир «вне Вестфалья». В «невестфальском мире» были свои правила.

Часть вновь образованных государств, по сути, не разделяли (или разделяли достаточно формально) Вестфальские принципы организации политической жизни. Эти «невестфальские государства» нередко оказывались нестабильными, со множеством внутренних противоречий и борьбой за власть. В период холодной войны жизнедеятельность «невестфальских» государств во многом «определялась» извне, тем или другим блоком. Они использовались в блоковом противостоянии, но одновременно ситуация в них контролировалась так, чтобы эти государства не создавали проблему всей политической системе мира в целом⁵. Иными словами, их суверенитет и активность внутри Вестфальской системы были до определенной степени ограничены блоковым противостоянием.

После окончания холодной войны ситуация стала сложнее. Суть этих «невестфальских государств» в целом мало изменилась. Более того, в некоторых из

⁵ См., напр.: Rasmussen J.L. Peacemaking in the Twenty-First Century: New Rules, New Roles, New Actors / Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques // Ed. by I.W.Zartman and J.L.Rasmussen. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997. P. 23–50.

них обострились внутренние противоречия и государственные институты фактически полностью распались, а власть оказалась полностью в руках религиозных групп, как это произошло в Афганистане. В своей деятельности эти группы редко ориентируются на нормы и правила Вестфальской системы. В качестве примера можно привести уничтожение талибами в 2001 г. древних фигур Будды, вытисненных в скале в провинции Бамиан, несмотря на все обращения других государств и международных организаций.

Конечно, и раньше к Вестфальской системе присоединялись государства, которые были «невестфальскими». Проблема, возникшая во второй половине XX в., заключается в том, что расширение политической системы до глобальных масштабов прошло очень быстро и в качественно иных масштабах. В результате значительная (если не сказать бо льшая) часть государств Вестфальской системы сразу оказались «невестфальскими». Ранее подобного рода государства были вне системы, сегодня — внутри нее.

Несмотря на различия в оценках того, какие конкретно государства оказываются «невестфальскими», большинство авторов и исследовательских центров относят к ним значительное количество современных государств⁶. Иными словами, «критическая масса» таких государств в современной политической системе начинает превышать количество, условно говоря, «вестфальских государств», и справляться с этим системе становится все труднее.

Ко всем прочим параметрам разнообразности государств, которые существовали и ранее (размер территории, экономическое развитие и т.п.), добавился еще один, но принципиальный параметр, связанный с различием в отношении к

самой системе, ставшей впервые за историю своего развития глобальной.

На факт расхождения государств во второй половине XX в. именно по отношению к самой политической системе, объединяющей их, не так часто обращается внимание. Один из немногих, кто пишет об этом, — итальянский исследователь Поджи⁷.

Начиная со второй половины XX столетия внутри единой политической системы мира, ставшей глобальной, стали формироваться и функционировать:

а) государства, ориентированные преимущественно на Вестфальские межгосударственные отношения, признающие и отстаивающие принцип национального суверенитета (государства модерна, или Вестфальские государства);

б) государства, которые в рамках интеграционных процессов в значительной степени перераспределили свой суверенитет в рамках наднациональных и внутринациональных институтов (государства постмодерна, или поствестфальские государства);

в) государства традиционной культуры, строящие свои отношения в значительной степени на довестфальских принципах (родоплеменных и т.п.). Ранее многие из этих государств были колониями и не выступали самостоятельно на мировой арене (государства премодерна, довестфальские государства).

Наряду с названными тремя группами государств выделяются несостоявшиеся государства, государства непризнанные или частично признанные, которые оказались в той или иной степени «выпавшими» из политической системы, но существующие на определенных территориях и имеющие население.

⁶ См., напр.: Foreign Policy. Failed state index 2007. URL: http://images.yandex.ru/yandsearch?p=20&ed=1&text=failed%20states&spsite=fake-021-184939.ru&img_url=gtmarket.ru%2Ffiles%2FFailed-States-Index-Map-2008.jpg&rpt=simage;

⁷ Poggi G. States and state systems: democratic, Westphalian or both? / Review of International Studies (2007), 33: 577–595. Cambridge University Press doi:10.1017/S026021050700767X Published online by Cambridge University Press 24. Sep 2007.

Безусловно, выделенные группы государств представляются собой, скорее, идеально-типические образования. В действительности конкретные государства сочетают в себе характеристики различных государств, но при этом у них доминируют те или иные. Так, государства Евросоюза, прежде всего, выступают как поствестфальские образования, но при этом сохраняются и вестфальские характеристики.

Таким образом, ключевая структурная единица политической системы выглядит сегодня весьма причудливо. Понятие «национальное государство» объединяет государственные образования, не только не похожие друг на друга, но и находящиеся как бы в разных эпохах и цивилизациях, системах или вне их. Более того, исследуя современные государства, правда, в несколько в ином контексте, А.Ю. Мельвиль приходит к выводу о «разбегающейся политической вселенной»⁸.

Если в случае с «поствестфальским» ЕС угрозы для самой политической системы мира не существует (скорее, это возможный эволюционный путь ее трансформации), то в иных случаях это не так. Ряд довестфальских государств в условиях глобализации и взаимозависимости создают проблемы не только своим гражданам (гражданские войны, разрушенная экономика и т.п.), но и другим, поскольку на их территории нередко организуются базы террористов, производится наркотики, развивается незаконная торговля оружием, возникает угроза эпидемий, беженцев и т.п. В результате в мире формируются своеобразные «серые зоны» — территории, охватываемые государства полностью или частично, где деятельность центральных властей в значительной степени ограни-

чена. Предпринять какие-либо действия в отношении таких государств сложно, так как то, что они создают угрозу миру, далеко не очевидно и плохо доказуемо. Но даже в случае действий с соблюдением международных, направленных на создание институтов власти в них, с соблюдением всех международных проблем выстраивания государственных структур и налаживания их функционирования остается. Примером здесь может служить Афганистан.

Другую проблемную группу образуют государства, которые обладают так называемым внутренним суверенитетом, согласно определению Ст. Краснера⁹, но которые противопоставили себя Вестфальской системе. В них властные институты работают, но сами государства плохо вписываются в современную политическую систему с ее правилами межгосударственного взаимодействия. Своей непредсказуемостью, а иногда и прямым политическим шантажом они создают проблемы другим, а также политической системе мира в целом. Как правило, это авторитарные государства с сильной идеологической или религиозной ориентацией. Явно вызывающее поведение этих государств на мировой арене обычно преследует две цели. Во-первых, стремление показать для населения собственной страны свою твердую волю, превосходство, умение отстаивать собственные интересы, укрепить идеологические позиции, противопоставив себя остальным и т.п. Во-вторых, получение от других государств в обмен на некоторое смягчение позиции гуманитарной помощи, энергетических ресурсов и т.п. Своеобразная игра-шантаж может длиться довольно долго, принимать явно затяжной характер, что демонстрирует, например, Северная Корея.

Подобное поведение часто вызывает ответную реакцию тем, что пытаются вернуться «назад к Вестфалю». В прак-

⁸ Мельвиль А.Ю. Разбегающаяся политическая вселенная // Эксперт. № 9 (503). 2006. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/09/razbegayuschaiyasya_politicheskaya_vselennaya/

⁹ Krasner St. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999.

тическом плане это проявляется в разных формах, например, в требованиях строго следовать принципам национального суверенитета¹⁰, в выявлении «реального суверенитета»¹¹ и «суверенной демократии»¹², принятии законодательства, ориентированного на усиление государственных структур и придания им больших полномочий (например, в США после событий 11 сентября 2001 г. принимается закон, известный как «Акт Патриота» — USA Act Patriot), в проведении политики протекционизма и т.п.

Стремление «вернуться назад», к более жесткому выполнению норм Вестфальской системы, прослеживается и в области теории международных отношений. Не случайно в XXI столетии в США получает распространение неоклассический реализм, который подчеркивает необходимость смещения исследовательских акцентов от изучения структуры международных отношений в целом, как это предполагается в рамках неореализма, к анализу внешней политики отдельных государств.

Попытки усиления роли государства в целом оказываются не очень успешными. Так, обосновывая свои решения кризисом, Н. Саркози в феврале 2009 г. попытался за счет льготного кредита вернуть заводы Peugeot Citroen и Renault из Чехии во Францию. На что Чехия, а также другие страны Евросоюза отреагировали резко отрицательно¹³.

«Вернуться в прошлое» вряд ли возможно также и в силу того, что сформировались структуры и связи транснационального характера. Во-первых, государства сами пытаются ограничить

слишком сильное свое вмешательство в рыночные отношения, понимая бесперспективность такого поведения. Об этом свидетельствует, в частности, то, что на встрече лидеров ЕС 1 марта 2009 г. договорились об отказе от протекционизма ради национальных интересов во время кризиса. Аналогичные решения были приняты на саммите АСЕАН¹⁴, а также на саммите «двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г.¹⁵

Во-вторых, бизнес уже невозможно «вернуть» в строгие рамки национальных государств, т.е. нельзя «отменить» процесс транснационализации, особенно если принять во внимание, что контроль со стороны национального государства за средним и мелким бизнесом, который имеет сегодня большое распространение на транснациональном уровне, практически невозможен.

В-третьих, сама система национальных государств под воздействием многих факторов оказалась «расшатанной», о чем свидетельствуют, в частности, появляющиеся все чаще альтернативные проекты мирового устройства, в том числе исламистский, «нового левого поворота» и т.д.

Наконец, третью группу государств, «выпадающих» из Вестфальской системы, образуют непризнанные или частично признанные государства. Они, в отличие от предыдущей группы, обладая «внутренним суверенитетом» имеют проблемы с «внешним суверенитетом». Потенциальная опасность непризнанных государств в том, что они могут пытаться самоорганизовываться, создавая своеобразные системы, параллельные Вестфальской. Одним из первых примеров подобной самоорганизации может служить Содружество непризнанных государств (СНГ-2), объединившее Абхазию, Гагаузию, Нагорный Карабах, Придне-

¹⁰ См., напр.: Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 3 (май — июнь). С. 18–24.

¹¹ Кокошин А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. 2-е изд., доп. Серия: Мировой порядок. М.: Европа, 2006.

¹² Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. Ноябрь. № 43 (537).

¹³ URL: <http://www.nr2.ru/220076.html>

¹⁴ URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2009/03/01/n_1336180.shtml

¹⁵ URL: <http://www.newsru.com/world/02apr2009/g20itog.html>

стровье, Южную Осетию. Стремясь к международному признанию, но не получив его или получив частично, эти территориальные образования поддерживают между собой дипломатические отношения. Безусловно, СНГ-2 сегодня мало чем угрожает Вестфальской системе. Но оно является прецедентом. В случае расширения числа непризнанных государств не исключено возникновение и других «параллельных» или «альтернативных» систем.

Проблема «внесистемности» ряда государств обостряется активностью негосударственных акторов, а также усиливающимся процессом размывания функций различных акторов. Например, ранее государства, хотя и действовали на экономической арене, но их главная задача оставалась политической, в то время как транснациональные корпорации были ориентированы на получение прибыли.

В принципе традиционные функции остались за акторами, но каждый из них все чаще и в большей степени «залезает на чужую территорию». В итоге «границы ответственности» акторов становятся все менее четкими, а поведение — более рискованным, что ведет к плохой предсказуемости и кризисам. Так, за последнее время ряд государств взяли на себя несвойственную им ранее, по крайней мере в такой степени, роль, связанную с «зарабатыванием» денег, и это стало одной из причин кризиса. Иными словами, государства начали работать как корпорации. В частности, по этому пути пошла Исландия, которая в большом количестве скупала европейские кампании, набирая при этом долги. В результате она оказалась на грани дефолта. В отношении частных структур существуют механизмы, препятствующие подобному рискованному поведению, но эти механизмы не действуют, если на рынке оказывается национальное государство.

В свою очередь, расслоение государств, возникновение непризнанных,

или частично признанных государств ставит бизнес в затруднительное положение. Бизнес нередко оказывается в противоречивой ситуации. Например, компания Benetton, выпускающая одежду и аксессуары, решила развивать поставки своих товаров в Абхазию. На это резко отреагировала Грузия, заявив, что Абхазия часть ее территории, поэтому все вопросы должны быть согласованы с грузинской стороной¹⁶. Таких примеров множество.

Размывание функций происходит не только в сфере экономики. Так, безопасность — область, которой традиционно «занималось» государство, все чаще становится сферой деятельности экономических акторов. Вооруженные частные подразделения активно привлекаются для охраны военных объектов, сопровождения гуманитарных грузов и т.п. Во время военной операции США в Ираке в 2003 г. каждый десятый человек, вовлеченный в нее с американской стороны, был из так называемых частных компаний по обеспечению безопасности (private security companies, PSC, или иногда используется название private military companies, PMC). Они решали вопросы логистики, обучение персонала и т.п. Еще более масштабное привлечение частных военных компаний в Ирак было после разгрома иракской армии. Частные военные компании использовались для обучения иракских полицейских, обеспечения безопасности на нефтяных разработках, для переводов при допросе военнопленных и т.п.¹⁷

Само по себе привлечение частных компаний при решении военных проблем, а также вопросов, связанных с безопасностью не является чем-то абсолютно новым. В той или иной форме и степени такое было ранее. Однако начиная с

¹⁶ URL: <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=82144>

¹⁷ Avant D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. Cambridge: University Press, 2005.

1990-х гг. в этой области произошли качественные изменения. Прежде всего следует отметить, что резко возросли масштабы деятельности частных компаний в военной сфере и сфере безопасности, а также расширился «ассортимент» предлагаемых ими услуг. В связи с последним И.А. Сафранчук предлагает выделять три вида компаний: «1) частные военные компании (ЧВК, private military company — PMC) — они воюют сами или помогают воевать заказчику; 2) частные компании безопасности (ЧКБ, Private Security Company — PSC) или транснациональные компании безопасности (ТНКБ, Transnational Security Company — TSC) — они обеспечивают физическую безопасность объекта или лица (лиц) на определенной территории; 3) компании, предоставляющие нелегальные услуги (КНЛУ, Non-legal Service Provider — NSP), — они выполняют функции, от которых отказываются военные в высокотехнологичных армиях»¹⁸.

¹⁸ Сафранчук И.А. Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов // Приватизация мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Голден Би, 2008.

Расширилось и число «заказчиков», которые стали обращаться к помощи таких частных компаний. По всей вероятности, тенденция обращения к этим компаниям за услугами будет только усиливаться. В результате, как отмечает И.А. Сафранчук, их деятельность оказалась востребованной, что и послужило стимулом к дальнейшему развитию данного вида бизнеса. Иными словами, наблюдается тенденция перехода функции обеспечения безопасности от государства к другим акторам мировой политики.

Таким образом, современное государство вряд ли можно рассматривать вне комплекса тех связей и отношений, в которое оно включено в политической системе мира. Современная политическая система мира стала охватывать очень разные государства, значительная часть которых выпадает из нее. Масштабы этих «вне-системных всплесков» достаточно велики. По сути, вызов брошен сегодня не столько отдельному государству, сколько системе в целом. Государство было до Вестфальского мира, по-видимому, оно и останется. Проблема заключается в том, как разные по своей сути государства могут сосуществовать в дальнейшем в единой политической системе и следует ли ожидать серьезной перестройки самой системы?

ГОСУДАРСТВО В СЕТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д.М. Фельдман

Не повторяя здесь своих, может быть и спорных, но неизменившихся оценок государства как актора мировой политики¹, полагаю необходимым обратиться к развитию этой темы, сосредоточившись, прежде всего, не на онтологических и аксиологических, а на теоретико-методологических ее аспектах.

Сегодня большинство коллег едины в понимании того, что «государство было до Вестфальского мира, по-видимому, оно и останется»². Но «проблемы заключаются в том, как разные по своей сути государства могут сосуществовать в единой политической системе; каковы должны быть принципы взаимодействия различных государств с негосударственными акторами; наконец, что собой должна представлять сама политическая система? Все эти вопросы, на которые нет ответов, являются сегодня ключевыми»³.

Разразившийся во второй половине 2008 г. очередной глобальный финансово-экономический кризис оказал существенное влияние на состояние и функционирование современной международной системы, ее региональные и локальные подсистемы, поведение отдельных акторов мировой политики и, прежде всего, государство, как основной, системообразующий элемент этой системы. Как пишет академик А.В. Торкунов, острейшую актуальность приоб-

рела «задача сегодняшнего дня — найти общее понимание того, как и какие правила игры будут соблюдать все государства, любые администрации и правительственные структуры»⁴.

Пытаясь отыскать решение этой задачи и хотя бы отчасти ответить на вопросы, порождаемые самой практикой международных отношений, считаю необходимым обосновать свой подход к этому поиску. Во-первых, я исхожу из того, что анализ взаимодействия государств на мировой арене, при наличии ясно сформулированных и оговоренных допущений, может вполне правомерно абстрагироваться от природы, внутреннего устройства, типологических особенностей отдельных государств. Важно подчеркнуть, что это не имеет ничего общего с популярным уже более полутора веков сравнением государства с бильярдным шаром, внутреннее строение которого однородно и якобы не влияет на его поведение⁵. В данном же случае государство как объект изучения скорее уподобляется «черному ящику», на «вход» которого подаются сигналы, по реакциям на которые, фиксируемому на «выходе», выдвигаются гипотезы как о его

¹ См.: Фельдман Д.М. К оценке государства как актора мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой (далее — «Приватизация...»). М., 2008. С. 209–233.

² Лебедева М.М. Такие разные государства // «Приватизация...». С. 98.

³ Там же.

⁴ Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3 (21). С. 23.

⁵ Авторство в использовании этого сравнения часто ошибочно приписывают А. Уолферсу, использовавшему ее в своей работе 1962 г. См.: Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*. The Johns Hopkins Press, 1962. P. 24. Однако еще Г. Фихте предлагал рассматривать взаимодействие государств как столкновение шаров, в которых внутреннее изолировано от внешнего. См.: Fichte G. *Der Geschlossene Handelsstaat* // *Gesamelte Werke*. Berlin, 1845. Bd. 3. Цит. по: Лукашук И.И. Глобализация, государства, право, XXI век. М., 2000. С. 21.

внутреннем строении (что меня в данном случае не интересует), так и о правилах, принципах и нормах его внешнего поведения. Такой методологический прием позволяет мне рассматривать любое государство вне зависимости от того, как оно осуществляет монополию на легитимное насилие, является ли оно международно признанным, как Науру, или входит в число непризнанных, как Тайвань, растет ли эффективность государственного управления, как в Таджикистане, или уменьшается, как в Сомали. При этом не имеет значения, какие функции осуществляет государство: выпускает ли свои деньги, как Самоа, или пользуется общей для нескольких государств валютой, как ФРГ, следит ли за соблюдением правил ношения головных уборов, как Франция, или пренебрегает этим, как большинство других. Такое «пренебрежение» функциями государства распространяется и на важнейшие для любого государства механизмы и средства обеспечения его суверенитета и безопасности, наполнение и исполнение бюджета и т.д. и т.п. Другими словами, государство в принятой методологической установке рассматривается только как актер мировой политики, признающий свою ответственность за соблюдение принципов, норм и правил взаимоотношений с другими государствами и вносящий самый существенный вклад в поддержание и регулирование современной мировой политической системы.

Во-вторых, государство рассматривается не только (и не столько!) как основной, системообразующий элемент государственно-центричной мировой политической системы, а как компонент всемирной политической сети. При этом я решительно отмежевываюсь от иносказательно-метафорической манеры научного дискурса и изложения его результатов⁶. Соответственно, под полити-

ческой сетью, вслед за Л.В. Сморгунным, здесь будет пониматься «система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему

П.А. Цыганкова, «в ТМО понимается совокупность материальных и нематериальных структур, институтов и процессов, обуславливающих международную жизнь. К ним относят геополитику, демографию, экономику, науку и технологии, идеологию, культуру и религию, СМИ, международное право, а также персональные качества лиц, значимых для МП. В качестве факторов как аналитических единиц, которые если не превосходят, то по меньшей мере равнозначны по своему значению акторам, понимаются также субнациональные культурно-языковые, религиозные, тендерные, этнические идентичности (Klotz A. Lynch C. *Le constructivisme dans la theorie des relations internationales // Crinique internationale*. Hiver 1999. № 2; Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass., 1979). В широком смысле — это тот контекст, в котором осуществляется деятельность акторов». (Цыганков П.А. *Актеры и факторы в международной политике // «Приватизация...»*. С. 41.) Многие факторы (например, «материальные структуры», «институты» и СМИ) в таком понимании оказываются неотличимыми от акторов. Подобный «факторный анализ» лишь по названию близок хорошо известному, давно и успешно применяемому методу многомерной математической статистики, используемому для измерения взаимосвязей между признаками социальных объектов и позволяющему на основе парных корреляций получить набор укрупненных признаков. Понятно, что применение в политической науке понятий и методов уже утвердившихся и широко распространенных в других науках в качестве инструментов исследования, а не метафоры, предполагает их корректное использование и обоснование. В полной мере это касается и печально знаменитой «многополярности» в мировой политике, крайне далекой от общенаучного содержания терминов «полярность» и «полюс», из которого ясно, что полюсов не может быть ни больше, ни меньше двух. Увы, убедительная научная критика, с которой на протяжении многих лет выступают авторитетные ученые (см., напр.: Баталов Э.Я. *Человек, мир, политика*. М., 2008. С. 18–19; 308–310), пока не оказала влияния на употребление термина «многополярность».

⁶ В этой манере, например, принято рассуждать о взаимодействии различных акторов и факторов, под которыми, по свидетельству

всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы»⁷. К этому следует добавить, что в мировой политике как одной из сфер политического «достижение согласия» — лишь один из частных случаев получения желательного ее акторами результата. Это уточнение вполне соответствует отмеченному еще в 1982 г. Д. Ноуком и Дж. Куклинским свойству сетей: между акторами существуют отношения, которые задаются и конституируются сетью в целом. Они характеризуются такими параметрами, как «интенсивность» и «направленность»⁸. Кроме того, важно иметь в виду, что в международно-политической сети отсутствуют централизованное управление и контроль над изменениями в составе акторов, перемещением ценностей и ресурсов.

Предлагаемое понимание политического взаимодействия на мировой арене не является только переводом с «системного» на «сетевой» язык. Оно имеет вполне самостоятельное эвристическое и инструментальное значение. Используемая трактовка политической сети допускает ее формализацию и построение структурных моделей различных политических сетей, например благодаря теории графов. Эта теория исходит из того, что сетью (графом) является графическая схема, представляющая собой отрезки, соединяющие заданные точки. Открывая возможности строить простейшие математические модели сетевого взаимодействия, теория графов позволяет с их помощью решать записанные на соответствующем языке задачи в графической или матричной форме⁹. Это лишь один из примеров того, как отказ от

иносказательно-метафорического подхода в сочетании с использованием различных моделей сетевого международно-политического взаимодействия может помочь применению все еще мало популярных в нашей политической науке формально-математических методов, а тем самым и обогащению ее методологического арсенала. При этом сетевое понимание международно-политического взаимодействия не противостоит системному. Оно не только допускает, но в ряде случаев и предполагает сочетание системного и сетевого подходов.

В-третьих, в соответствии со сказанным выше, я буду исходить из того, что система взаимодействия государств в международно-политической сети является частью общего взаимодействия акторов, участвующих в отношениях на мировой арене. Она — порождение не только растущей глобализации, но и фрагментаризации планетарного социума.

Действуя не в оппозиции, а в композиции с глобализацией, фрагментаризация проявляется в регионализации, локализации политических процессов. По сути, она отражает политическое обособление различных национальных, территориальных, религиозных, лингво-этнических и многих других социальных общностей. Это обособление далеко не всегда проявляется в стремлении к созданию своего отдельного государства, хотя именно фрагментаризация «ответственна» за более чем пятикратное увеличение числа государств за последние неполные сто лет. Фрагментаризация — это появление все большего числа не только государств, но и негосударственных акторов, действующих на мировой арене не всегда как политические субъекты, но обязательно обладающих политическим ресурсом своей экономической, филателистической, спортивной, экологической и практически любой другой частно-специальной деятельности. Этот ресурс, содержание которого определя-

⁷ Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. 2001. № 3. С. 108.

⁸ См.: Knoke D., Kuklinski J. *Network Analysis*. Beverly Hills, 1982. P. 9.

⁹ Подробно об основах построения и применения этих моделей см., напр.: Kemeny J.G., Snell J., *Mathematical models in the social sciences*. № 4. 1962; Ore O. *Графы и их применение*. М., 1965.

ется как непосредственно политическим смыслом этой деятельности (например, движения анти- и альтерглобалистов), так и соединением или столкновением многообразных политических аспектов, сопутствующих реализации интересов отдельных негосударственных акторов, неправительственных и государственных организаций между собой или с интересами государства¹⁰.

Тривиальное признание единства процессов фрагментаризации и глобализации помогает зафиксировать выделение и обособление системы политического взаимодействия государств в сети мирополитических процессов. В свою очередь, это позволяет указать на то методологически очень важное обстоятельство, что эмерджентные характеристики этой (отнюдь не суммативной) системы как некоторой целостности существенно различаются от параметров сети международно-политического взаимодействия¹¹.

¹⁰ В качестве примера легко указать на деятельность приснопамятных комитетов советских женщин и молодежных организаций СССР, обществ дружбы с народами зарубежных стран, организаций типа Human Rights Watch, Green Movements и т.п. Эти акторы, их многочисленные современные отечественные и зарубежные аналоги активно действовали и действуют в сети международно-политического взаимодействия. Не стоит забывать и о том, что многие международные организации, в частности ООН, за годы своего существования обросли сотнями общественных и неправительственных фондов, комитетов, объединений и т.д., каждое из которых, заявляя о своей поддержке целей Организации, занимается своей организационно и бюджетно обособленной деятельностью, политическое значение которой в каждом конкретном случае не составляет большого труда обнаружить.

¹¹ По сути, речь идет о модификации и углублении предложенного еще в конце 70-х годов прошлого века Х. Буллом различия мирового общества и международного сообщества. «Мировым обществом» он называл общность государств, установивших на основе взаимного согласования общие правила и институты для организации своих взаимных отношений и заинтересованных в выполнении достигнутых соглашений и до-

Подводя итог несколько затянувшимся теоретико-методологическим рассуждениям, отмечу, что все сказанное дает возможность сформулировать важное утверждение: в международно-политических отношениях акторов всемирной политической сети действуют нормы и правила, отличающиеся от норм и правил, принятых в системе взаимодействия любых современных государств. Правила сети не легитимизированы, институционально не оформлены, они, по сути, представляют собой правила взаимоотношений акторов, преследующих на мировой арене свои частные (или более-менее временно совпадающие групповые) интересы, состоящие в получении наибольшего эффекта от их деятельности. Назовем эти правила — правилами повышения эффективности или, для краткости, правилами победы.

Правила, действующие в системе взаимодействия государств (безотносительно к тому, какие именно это государства), ориентируют их на приверженность соблюдению даже противоречащих друг другу норм и принципов, закрепленных (или декларируемых) в международном праве, поддерживаемых институтами международного общества и предполагающих, что их признание и соблюдение являются атрибутами государства как полноправного актора мировой политической системы. Будем называть эти правила — правилами участия.

В политической практике взаимодействия на мировой арене в конце XX и начале XXI в. отчетливо обозначилось несоответствие нормативной (не только

говоренностей. «Международное общество», в отличие от «международного сообщества», предполагает легитимизацию действующих в отношениях между государствами-членами норм, их ответственность за соблюдение правил и принципов взаимоотношений. «Международное сообщество», по Х. Буллу, является лишь простой совокупностью (системой меньшей целостности — выражаясь «системно») всех национальных государств. См.: Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. L., 1977.

международно-правовой, но и идейно-ценностной) базы, правил участия в международном взаимодействии критериям его эффективности, т.е. правилам победы. Успешно реализуемые сценарии¹² межгосударственного взаимодействия на мировой арене отражают внешнеполитические стратегии его участников. Однако их действия, следуя прагматичным правилам победы, зачастую не только расходятся с декларируемыми «общепризнанными» нормами и правилами взаимодействия акторов, участвующих в мировой политике, но и сталкиваются с ними.

Сама констатация столкновения правил победы и правил участия в современной системе межгосударственных отношений при ее кажущейся очевидности фиксирует глубокое внутреннее различие природы этих правил.

Международно-правовые нормы участия во взаимодействии в каждой данной системе признаются государствами, действующими в мировой политике, как относящиеся к конкретному пространственно-временному континууму. Правила участия отличаются от норм, действовавших на мировой арене несколько десятилетий тому назад в другой системе межгосударственных отношений, не говоря уже о нормах и правилах, присущих различным сферам общественных отношений внутри национально-государственных границ. Но все эти нормы и правила формулируются, кодифицируются и признаются не только как отражение реального взаимодействия, но и как представление о том, каким оно должно быть. Точнее — какой должна быть определяемая ими система отношений между государствами. Среди прочего, это проявляется в наличии и

общем признании если не взаимоисключающих, то противоречащих друг другу (но не интересам государств, участвующих в отношениях на мировой арене) норм международного права. Правила участия признаются всеми государствами данной системы как идеальная норма их взаимодействия. Однако следуют им избирательно, в зависимости от меняющегося содержания интересов каждого из этих государств, обстановки на мировой арене, внутрисполитической ситуации и т.д. Признание каким-либо государством правил участия, с фиксацией его принадлежности к данной системе, отнюдь не предопределяет успех его взаимодействия с другими акторами той же системы. Сценарии достижения успеха в этом взаимодействии предполагают, по крайней мере, отход от этих правил, а чаще — нарушение некоторых из них.

Отличаясь, часто очень существенно, друг от друга, эти сценарии в своем большинстве включают в себя более или менее грубое нарушение правил участия, состоящее в отказе от следования «общепризнанным» нормам, принятым процедурам и приверженности хотя бы некоторым из утвердившихся принципов поведения на мировой арене. Сценарий достижения победы в ходе противоборства на мировой арене требует если не вероломства, то совершения действий, к которым противник не готовится, полагаясь на заключенные договора, приверженность сторон общепризнанным нормам и правилам. Если позволительно употребить затертое за несколько десятилетий и не вполне точное сравнение соперничества наций со спортом, принадлежащее Р. Арону, то для претендента на звание чемпиона, действующего согласно правилам победы, просто исключена возможность получения приза *fair play*.

Сценарий, основанный на скрупулезном соблюдении правил участия (при всех их внутренних противоречиях и «нестыковках»), способствуя в случае его успешной реализации поддержанию ста-

¹² В данном случае «сценарием» я называю сознательно выбранную или построенную схему поведения в данной ситуации, определяющую средства и действия, последовательность и порядок их применения в зависимости от достижения промежуточных результатов.

бильности данной системы, во всех иных случаях позволяет заявить о своей приверженности принятым в ней нормам и призывать к этому других. Но являются ли эти заявления камуфляжем подлинных намерений и интересов претендента на победу или ценным вкладом в поддержание международной стабильности — решает история.

В XXI в. отношения между государствами без принципов и норм, фиксируемых международным правом, такой же фантом, как международные отношения без политики, без экономики или без идеологии. Но, констатируя это важное обстоятельство, нельзя игнорировать тот факт, что, как свидетельствует история, правовая основа этих отношений постоянно менялась. Можно спорить об исходном историческом пункте формирования современной архитектуры системы международных отношений. Но вряд ли вызовет возражения констатация того, что более трех последних столетий постоянно растущая часть человечества строила и развивала международные связи в рамках государственно-центричной системы международных отношений.

Сегодня благодаря формированию общемирового рынка, мировым войнам, развитию средств коммуникации и многому другому эта система стала всемирной. В ходе чередования на протяжении нескольких веков господства экономически автономных регионов было покончено с полицентричным миром, в котором существовало несколько культурно-хозяйственно и политически изолированных ойкумен. Формирование всемирной (планетарной) политической системы сопровождалось неоднократной сменой правил участия входивших в нее государств, сохраняя за ними роль доминирующих акторов — основных элементов этой системы. Именно изменение этих правил, происходившее внутри нее в результате крупномасштабных международных конфликтов, зафиксировало переход от «Венского концер-

та» к Версальско-Вашингтонской, а затем и к Ялтинско-Потсдамской системе. И хотя правила участия менялись, сценарий, основанный на правилах победы, в своих существенных чертах воспроизводится. Он неизменно включает в себя сначала нарушение, а затем конвенционально принятый международным обществом отказ от правил участия, действовавших в каждой из предшествующих систем. Утверждение новых и, как показывает исторический опыт, временных норм международного права, фиксирующих и новые правила участия в сменяющихся друг друга системах международных отношений, столь же неизменно происходит при определяющей роли тех, кто победил в «создавшем» новую международную систему противоборстве.

Правила победы не только более долговечны, чем правила участия, но и, отличаясь от них по своей природе, отдавая предпочтение эффективности по отношению к легитимности, присущи любой системе международных отношений и вообще международной сфере общественных отношений в целом. По своей постоянно повторяющейся, воспроизводимой в различных исторических условиях сущности, проявляющейся с мощной принудительной силой, они приближаются к естественно-историческим законам, а может быть, и входят в их совокупность.

Международные события сегодняшнего дня убеждают: правила, организации и институты, сложившиеся и просуществовавшие последние десятилетия, в рамках системы взаимодействующих государств оказываются малоэффективными. Тщетность попытки заменить их правилами и нормами, устанавливаемыми одной державой, ясна всем, кроме весьма узкомыслящих патриотов Америки.

«Многополярный» мир, живущий по характерным для него правилам участия, стремление к которому характерно для вербальной активности ученых, политиков и дипломатов многих стран, по

сути означает не более чем попытку институализации хаоса, идущего на смену агонизирующей и только отчасти «плюралистической однополярности». «История, без обращения к которой мы будем обречены ее повторять»¹³ свидетельствует, что полицентричный мир непрочен, а правила участия в нем задаются, определяются и действуют в зависимости от силы государств. На практике это ведет к регулярным «пробам сил» в форме войн и международных конфликтов. В результате этот мир не только строится на насилии, но и гибнет вследствие торжества правил победы над правилами участия. Примеры реализации сценариев международно-политического взаимодействия государств на основе правил победы в условиях полицентричного мира можно обнаружить при анализе ситуации тридцатых — сороковых годов прошлого века. Попытка внедрить правила участия, выработанные при создании Версальско-Вашингтонской системы, привела к вытеснению их правилами победы, хаотизации международных отношений и завершилась самой разрушительной в истории человечества мировой войной.

Иной вариант изменения правил участия предусматривает позиция тех отечественных и зарубежных ученых, которые задумываются о правилах и нормах, присущих новой, не государственно-центричной мировой политической системе. Независимо от того, что ждет Вестфальскую систему — «ремонт» или «неминуемый закат», констатация «кризиса Вестфалия» ставит уважаемых коллег перед необходимостью назвать те правила, принципы, и нормы, которые могли бы быть характерны для «поствестфалия» как новой мировой политической системы. Понятно, что они должны обеспечить стабильность этой системы, ес-

ли не большую, то хотя бы сопоставимую с Вестфалем¹⁴.

У меня же крепнет уверенность в том, что Вестфальская система, т.е. мировая государственно-центричная система, хотя и может с годами изменить свое не вполне точное, но укоренившееся название, стремясь к состоянию гомеостаза, переживет вслед за предыдущими и нынешнюю, и следующую за ней систему межгосударственных отношений. Обращение к практике политических взаимоотношений государств убеждает меня в том, что время, через которое государство утратит роль основного, несущего, опорного компонента сети международного взаимодействия, сопоставимо со временем его исторического развития от возникновения до наших дней.

Рассуждая в масштабах реальных политических процессов, трудно поверить в стабильность и эффективность единых правил участия, предназначенных для акторов действующих в «поствестфальской мировой политической системе». Ведь в ее составе как минимум будут: 1) более 200 признанных государств; 2) несколько десятков непризнанных государств; 3) многие сотни ТНК, часть из которых по своей экономической, финансовой, политической и даже военной мощи будет превосходить многие как признанные, так и непризнанные государства; 4) тысячи НПО, включая имеющиеся взаимоисключающие интересы, затрагивающие решение экологических, климатологических, сырьевых и прочих, более мелких, но не менее острых проблем мировой политики; 5) трудно прогнозируемое, но, безусловно, громадное количество организаций, фирм и разного рода объединений, включая криминальные, из разных стран, получивших прямой (т.е. без государственного «фильтра») выход на мировую арену; 6) милли-

¹³ Цит. по тексту выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в МГИМО(У) // НГ Дипкуррьер. 16.09.2008.

¹⁴ См.: Вестфальский мир: межкафедральный круглый стол (МГИМО(У) МИД России, 27 февраля 2008 г.) // Вестник МГИМО — Университета. 2008. № 1.

оны индивидов, активно участвующих в мировой политике помимо, а иногда вопреки, своим и чужим государствам. Это, как говорится, «вкратце». Полный перечень других типов негосударственных акторов «поствестфальской системы», а также оценку их вероятного числа лучше предоставить тем, кто принял логику формирования принципов и норм «поствестфалья».

Важно при этом подчеркнуть, что речь идет не просто о негосударственных акторах мировой политики — они были, есть и будут всегда, а о новых действительных если не для всех, то для большинства акторов правилах участия в мировой политике. Разумеется, только при условии, что сама эта «поствестфальская система» международных отношений, сложившаяся в рамках глобального социума, сохранит свою обособленность и отличия от внутриобщественных отношений и внутренней политики. Думаю, что и при таком варианте смены правил нас ждет если не торжество хаоса, то рост полиархии в системе уже «поствестфальских всемирных международных отношений».

Итак, биполярный мир завершился крахом, «униполярный» невозможен, полицентричный чреват войной всех против всех, а «поствестфальская система» остается мечтой, одним из проектов на будущее, осуществление которого неизбежно встретит активное сопротивление предназначенного для него материала. Реальность чревата увеличивающейся возможностью хаотизации. Акторы мировой политики разыгрывают избранные ими сценарии по правилам, относительно которых у них нет согласия. Эта констатация провоцирует возражения, но вместе с излагаемым в данном тексте пониманием «правил игры»¹⁵ позволяет сделать несколько предположений.

Принципы и нормы, которые в ближайшие годы будут все более определять поведение государств во всемирной сети политического взаимодействия, — это правила самой сети, т.е. правила, придерживаясь которых акторы мировой политики будут стремиться к повышению эффективности, а не легитимности своей деятельности. В используемых терминах: «правила победы» будут вытеснять, но не замещать «правила участия».

Это не приведет к, казалось бы, очевидно напрашивающейся легитимизации правил победы во взаимодействии государств, что на деле бы означало игру, а точнее — бои без правил между акторами мировой политики. Правовое закрепление, легитимизация этих правил невозможны в силу самой их природы, сущностно определяющей вариативность поведения всех тех, кто им следует. В конечном счете именно это, а вовсе не весьма подвижные исторические различия между разными государствами, администрациями, правительственными и неправительственными структурами будет определять сосуществование и столкновение правил участия и правил победы.

Что же касается того, какой будет система взаимодействия государств в обозримом будущем, то независимо от названия, которое она получит, по сути, она будет столь же Вестфальской, как и все предшествующие. Для этой, т.е. очередной развивающейся в рамках Вестфалья, системы межгосударственного взаимодействия нам предстоит сформулировать и кодифицировать новые правила участия. Главным достоинством этих правил должно быть не отсутствие противоречий как между ними, так и с правилами победы, а соответствие (конечно же, не полное и не постоянное) важнейшим в данный период интересам государств, составляющих наиболее устойчивый компонент сети международно-политического взаимодействия.

¹⁵ См.: Торкунов А. Указ. соч.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРО-ЛОКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

И.Н. Трофимова

Основные подходы и модели децентрализации. За последние несколько десятилетий во многих странах мира проведены крупномасштабные реформы, направленные на повышение эффективности государственного управления. Не случайно практически одновременные и повсеместные преобразования получили обозначение «управленческой революции». Глобальные социально-политические и экономические, социокультурные и технологические изменения стали вызовом для современных систем административно-государственного управления. Поиск новых подходов к организации системы государственного управления привел к отказу от традиционного типа управленческой рациональности (в ее классической веберовской интерпретации) и актуализации процессов самоорганизации и самоуправления социальных систем, а также повышения социальной эффективности государственного управления. Современные концепции нового публичного менеджмента ('new public management') и руководства ('governance') акцентируют внимание на эффективности государственного управления, политическом плюрализме в процессе принятия решений, делегировании полномочий на нижние уровни управленческой иерархии, более сбалансированном распределении власти, ответственности и подотчетности, развитии и расширении гражданского участия.

Концепция нового публичного менеджмента предусматривает децентра-

лизацию управления за счет расширения полномочий и ответственности органов местного самоуправления. Основная задача правительства заключается в том, чтобы предоставить местным сообществам возможность самостоятельно решать свои проблемы и контролировать качество предоставляемых публичных услуг. Данный подход близок основным ценностям местного самоуправления — автономии (децентрализованное управление), демократии (гражданское участие) и эффективности (близость власти к населению). При этом государство передает функции по предоставлению публичных услуг негосударственным (коммерческим и общественным) организациям, оставляя за собой функции контроля и выработки общей стратегии. Такая децентрализация позволяет обеспечить большую гибкость и эффективность управления, а также стимулирует конкуренцию между поставщиками услуг, повышение гражданской и социальной ответственности. Недостатком концепции нового публичного менеджмента является акцент на коммерциализацию публичного сектора и недостаточный учет вопросов социально-политического участия и взаимодействия.

Основной идеей концепции руководства является трансформация внутренних и внешних взаимоотношений традиционного правительства с целью оптимизации предоставления услуг, а также расширение масштабов участия граждан, общественных и частных

структур в процессах принятия социально значимых решений. В рамках данной концепции управление — это постоянное и активное взаимодействие государства и негосударственного сектора, обеспечивающее адаптацию управленческих механизмов в условиях растущей сложности и динамики современного общества, разнообразия социальных проблем. Взаимодействие при этом складывается исходя из представления о наиболее эффективном решении проблемы. Гражданское общество хорошо управляется с разнообразием, рынок — с динамическими аспектами, публичный сектор (государство) — с комплексностью современного общественного развития. Основной управленческой задачей остается определить дизайн смешивания участия этих трех основных акторов, при котором доминирование центра и четкое распределение полномочий уступает место концепту множественности акторов управления и их кооперации. Происходит все большее горизонтальное и вертикальное разделение управленческой деятельности, вырабатываются новые, более эффективные формы взаимодействия. Современный процесс государственного управления сравним с политической мозаикой из взаимосвязанных политик, программ и проектов всех уровней.

Одним из ключевых моментов современных концепций управления является децентрализация, предполагающая передачу полномочий и ответственности от центральной государственной власти на нижние уровни управления и негосударственному сектору. При этом процесс принятия социально значимых решений и контроль над их исполнением становятся ближе и доступнее большей части граждан. В последние годы децентрализация стала поистине глобальным явлением. Не случайно доклад Всемирного банка и Союза городов и местных правительств был посвящен проблемам децентрализации и локальной демокра-

тии¹. Причинами децентрализации во всем мире исследователи называют: политические изменения, которые дали местным сообществам право выражать и отстаивать свои интересы; технологические изменения и глобальная интеграция, изменившие представления о пределах управления и самоуправления; наконец, трудности централизованной системы управления и необходимость участия региональных и местных правительств в политических и экономических процессах.

Децентрализация значительным образом повлияла на отношения между центральной властью и местным самоуправлением, однако это не означает произвольного характера произошедших изменений. Пределы децентрализации зависят от политического веса, человеческих и финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении местных властей. Кроме того, децентрализация управления не существует вне государства, она проводится по инициативе и под контролем центральной власти. Но децентрализация невозможна, если местная власть является не более чем исполнителем политики вышестоящей власти. Эти экстремальные позиции ограничивают пространство местного самоуправления, определяют его «диапазон возможностей». Политические системы стремятся к необходимому балансу в соответствии с условиями в каждой стране.

В литературе различаются несколько типов децентрализации: *административная* децентрализация, при которой местная власть подотчетна вышестоящей власти; *политическая* децентрализация, при которой местная власть теоретически независима от государства, облачена полномочиями и ответственностью; *бюджетная* децентрализация связана с передачей необходимых ресурсов для исполнения

¹ См.: Decentralization and local democracy in the world: first global report by United Cities and Local Governments, 2008. Barcelona: United Cities and Local Governments, 2009.

переданной власти и ответственности; наконец, *рыночная* децентрализация, которая передает функции частному сектору (компания, НКО), включая планирование и администрирование, которые ранее были у государственных институтов. Во избежание путаницы исследователи рекомендуют использовать понятие «децентрализация» для характеристики отношений между уровнями публичной власти, одно из которых подконтрольно другому, но не между публичной властью и экономической или социальной сферой в целом², т.е. при некоторых нюансах приоритетным видится административно-управленческий подход. Административной трактовки децентрализации придерживаются также авторы работы «Элементы в политической науке». Концепт децентрализации соотносится с делегированием принятых решений внутри политической системы, где делегирование выглядит как административная техника, используемая как в унитарных, так и федеративных государствах³. Тем не менее все типы децентрализации представляются взаимосвязанными, дополняющими друг друга, усиливающими общую тенденцию. Эффективная децентрализация невозможна без реального самоуправления нижестоящих уровней власти и демократии как способа осуществления власти.

Несмотря на общую тенденцию, в каждой стране имеются свои причины, обоснования, формы и эффекты децентрализации. Как уникальны для каждой страны природа, генезис и эволюция отношений между центральной и местной властью и отразившиеся в них базовые общественные ценности, например гражданского общества в Британии, государственности в Германии, гражданственности во Франции. Страновая специфика во многом соотносится

с основными типами государственного и муниципального управления: англосаксонский (Великобритания, США, бывшие английские колонии); германский (Германия, Австрия, Швейцария); южноевропейский (Франция, Италия, Португалия, Испания); скандинавский (Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, иногда Нидерланды). Однако начало реформирования государственного управления в разное время и в разных обстоятельствах позволило выделить три основные модели децентрализации, концептуально появившиеся и реализованные в отдельных странах: «деволюция» в Англии, «деконцентрация» во Франции и «делегирование» в Германии.

Понятие «деволюция» возникло в ходе событий, связанных с борьбой за независимость Ирландии в конце XIX в., и подразумевало передачу широкого спектра полномочий местным правительствам для управления внутренними делами⁴. Позднее этот термин стал использоваться для обозначения реформ 2-й половины XX в., смысл которых заключался в передаче значительного объема власти на региональный и местный уровень. Сегодня он используется в более широком смысле, особенно за пределами Великобритании, для обозначения передачи права принимать решения в некоторых сферах публичной политики субнациональным уровням. Таким образом, деволюция ближе политическому типу децентрализации, поскольку допускает возможность нижестоящих уровней выработать, пусть в ограниченной сфере, собственные политические решения.

Административная децентрализация предполагает подотчетность местной власти перед вышестоящими уровнями. Именно в таком варианте она определяет-

² Ibid. P. 311.

³ Bealey F., Chapman R.A., Sheehan M. *Elements in political science*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 265.

⁴ Понятие «деволюция» происходит от английского глагола *to devolve* («передавать, делегировать») и является специфическим, устоявшимся термином в иностранной литературе, который применяется при описании региональной реформы в Великобритании уже на протяжении целого столетия.

ся в Программе развития ООН (UNDP). Административная децентрализация чаще ассоциируется с деконцентрацией или делегированием. Подконтрольные (подотчетные) отношения с вышестоящей властью не существуют в политической децентрализации (деволюции). Деконцентрация подразумевает систему административной ответственности по управлению подведомственными территориями, разработанную и осуществляемую по поручению центральной власти. Деконцентрация, в отличие от деволюции, управляет отношениями в административной иерархии, в то время как деволюция исключает какие-либо иерархические отношения между государством и местной властью. По мнению авторов упомянутого доклада, такое отличие дает основание вообще не рассматривать деконцентрацию как один из вариантов децентрализации⁵.

Собственно, одним из элементов деконцентрации является делегирование полномочий службам территориальной компетенции. На практике термин «делегирование» может использоваться и для обозначения промежуточных ситуаций: государственная власть и полномочия делегируются децентрализованной власти (т.е. выборной, а не назначенной сверху) и осуществляются от имени и в интересах государства, т.е. децентрализованная власть в данном случае становится подотчетной государству. Такие ситуации не рассматриваются как централизация и обозначаются как делегирование власти и полномочий. В зависимости от конкретного случая может быть, что выборная легитимность ослабляет контроль вышестоящей власти или, напротив, вес делегированной власти и обязанностей ослабляет децентрализацию, потому что контроль осуществляется вышестоящей властью.

Таким образом, в своей строгой дефиниции, не связанной со смежными понятиями, децентрализация — это существование в местном масштабе выборной власти, отличной от административной власти государства, осуществление в рамках закона ее собственных полномочий и обязанностей, для чего она имеет статус самоуправления под контролем государства. И в этом смысле децентрализация неотделима от идеи местного самоуправления и демократических принципов. Но объем осуществляемых полномочий недостаточен, чтобы определять уровень децентрализации в отдельной стране, это зависит также от режима, в котором эти полномочия осуществляются и контролируются государством. В широком смысле децентрализация существует почти во всех странах, но в строгом смысле таких стран очень мало.

Опыт Британии, которая была в авангарде реформ государственного управления, Германии, а также Франции и Скандинавских стран представляется весьма ценным, чтобы увидеть, насколько различны предпосылки, содержание и эффекты децентрализации.

Великобритания. Долгое время Британия была образцом децентрализованного политического управления, основанного на культуре гражданского общества и представительстве местных интересов в национальном правительстве. Притом, что положение местного управления в британской Конституции как двусмысленно, так и амбивалентно (Х. Эллок, М. Уитон). Что касается административного управления, то исторически сложились две модели: «партнерская» и «агентская»⁶. В модели «партнерства» местные власти, имея значительную самостоятельность в определении и реализации своей собственной — местной — политики,

⁵ Decentralization and local democracy in the world: first global report by United Cities and Local Governments, 2008. Op. cit. P. 314.

⁶ Bellamy C. Administering central-local relations, 1871–1919: the local government board in its fiscal and cultural context. Manchester: Manchester University Press ND, 1988. P. 2.

являются со-равными центральным учреждениям под контролем парламента. В модели «агентства» местные власти осуществляют национальную политику под контролем центральных департаментов, не имея (или имея мало) самостоятельности. Передача властных полномочий с центрального на нижний уровень (*деволюция*) явилась важнейшим общественно-политическим событием последних лет.

На протяжении XX в. автономия органов местного управления постепенно размывалась, все больше превращаясь в подотчетность центральному правительству. Переход от партнерской к агентской модели отношений сопровождался ростом контроля со стороны центрального правительства и усилением административной зависимости местной власти. Сравнимая Соединенное Королевство с остальной Европой, исследователи называют его одним из самых централизованных государств, вопреки репутации и многовековым традициям⁷. Центр оставил территориям меньше всего автономии и усилил контроль над ними в тот момент, когда большинство других государств приступили к децентрализации управления. Но эти же тенденции создали условия для реализации потенциала местного управления в новых условиях, значительному повышению его эффективности и общественной значимости. По мнению исследователей, именно в XX в. сложились формообразующие характеристики и отчетливые паттерны современного британского местного управления. М. Лафлин относит к ним: 1) многофункциональность как ответственность за широкий круг услуг, критически важных для государства всеобщего благополучия, и 2) включенность в широкую сеть отдельных, но взаимозависимых организаций, где коллективные

возможности многих участников объединяются для эффективного решения проблемы⁸.

Различие в специфике центрального и местного управления позволило исследователям в конце 1980-х гг. сделать, казалось бы, парадоксальный вывод. По мнению Р. Роудза, современная Британия является не унитарным государством, но, скорее, дифференцированной политией, в которой локальный уровень играет ключевую роль⁹. Концепт «дуального государства» П. Сондерса еще больше разграничивает функции центральной и местной власти, прежде всего в социальной сфере. Согласно П. Сондерсу, государство настолько отмежевалось от функции социальных инвестиций, что они стали преимущественно функциями местной власти, а также различных общественных организаций и частно-государственных партнерств по причине их лучшей приспособленности для решения социальных задач и близости к населению¹⁰. Собственно, функционирование социальной системы без участия государства является одной из самых актуальных проблем либеральной идеологии. Так, английский историк и политолог Д. Грин, доказывает, что государство всеобщего благосостояния выполняет свои социальные обязательства менее эффективно, чем конкурентная система социального обеспечения, сочетающая экономические свободы с индивидуальной ответственностью и гражданской активностью¹¹.

Важно также отметить, что реформы управления в Англии всегда рассматри-

⁷ Stoker G. Comparative local governance // The Oxford handbook of political institutions. R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 498.

⁸ Loughlin M. Legality and locality: the role of law in central-local government relations. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 80.

⁹ Rhodes R.A.W. Beyond Westminster and Whitehall: the sub-central governments of Britain. Taylor & Francis, 1988.

¹⁰ См.: Saunders P. Social Theory and the Urban Question. L.: Routledge, 2004.

¹¹ См.: Грин Д.Дж. Возращение в гражданское общество: социальное обеспечение без участия государства / пер. с англ. М. : Новое издательство, 2009.

вались в контексте деятельности правящей партии и кабинета, ответственных за общий политический климат в стране, предлагаемую идеологию, концепцию изменений и цели развития. Это нашло свое отражение в исследовательских подходах, которые не ограничиваются анализом местного управления в период правления той или иной политической партии или лидера, но фокусируют свое внимание на сравнении контекстов, например, послевоенного кейнсианского государства всеобщего благополучия, дерегулируемой экономики М. Тэтчер и Дж. Мейджора, смешанного «третьего» пути при новых лейбористах и Э. Блэре. Взгляды на реформы местного самоуправления являются частью политической идеологии и социальной философии.

В начале XXI в. местное управление приобрело новые черты, с чем связан растущий к нему интерес. Современное значение местного управления Дж. Чандлер определяет двумя важными моментами: 1) способностью местных властей координировать многие отдельные функции и определять стратегию развития и благополучия сообщества в целом; 2) местные власти являются единственными агентами, представляющими интересы местных сообществ на национальном уровне¹². Обобщая, можно сказать, что децентрализация государственного управления «по-английски» означает деволюцию центральной власти и повышение ответственности местного управления при расширении и развитии различных форм взаимодействия государства и общества.

Германия. История коммунального самоуправления в Германии, как принято здесь обозначать местное управление, отражает историю становления базовых германских ценностей: корпоративизм общественно-экономической жиз-

ни, примат местного самоуправления над центральной властью, юридическое закрепление горизонтальных политико-социальных отношений и форм общественного самоуправления. Большое значение имело и то, что отношения между центром, землями и коммунами исторически складывались под влиянием самоуправленческих традиций вольных городов — Гамбурга, Бремена, Любека. В рамках сложившейся культуры государственности сформировались два основных направления — неполитическое (или юридическое) и политическое, которые связывают с именами их основоположников Ф. фон Штайна и Р. фон Гнейста соответственно.

Политическая традиция воплощает либеральную идею коммунальной автономии и рассматривает местное самоуправление как саморегулирование. В основе неполитической концепции самоуправления лежит идея о сильной государственной интеграции коммун. Согласно этой позиции государство посредством иерархических отношений управляет обществом и контролирует коммунальное самоуправление. Государству отводится задача интегрировать индивидуальные интересы и волеизъявление местных сообществ. В концепции саморегулирования речь идет в большей степени о гражданском участии и коммунальной автономии, в то время как в неполитической концепции самоуправления — об эффективном решении задач и дальнейшей интеграции коммунального самоуправления с государством. Гражданское участие и эффективность управления стали своеобразными полюсами всех реформ местного самоуправления¹³.

Статус современного коммунального самоуправления определяется ст. 28 Основного закона, которая предоставляет общинам право «регулировать все об-

¹² Chandler J.A. Local government today. Manchester: Manchester University Press, 2001. P. 1–2.

¹³ Bogumil J., Holtkamp L. Kommunalpolitik und Kommunalverwaltung: eine policyorientierte Einführung. Wiesbaden: VS Verlag, 2006. S. 14–15.

стоятельства местного общества в рамках закона под свою ответственность». Государственный надзор за деятельностью коммун ограничивается проверкой законности, соответствия их решений нормам права и выполнения своей ответственности перед гражданами. Следует отметить, что ориентация коммунального самоуправления на удовлетворение интересов общины и ее членов дает политическим партиям широкие возможности влияния на местную политику, политическую социализацию и гражданское участие¹⁴.

В отличие от Великобритании, реформы государственного управления в Германии были задуманы «снизу». Начало преобразованиям положили функциональные реформы местного самоуправления 1960-х гг. Их смысл и цели заключались в том, чтобы сделать небольшие и разрозненные общины и округа способными выполнять большинство государственных задач и полномочий¹⁵. В 1980-х гг. Германия, так же как и другие развитые европейские страны, столкнулась с наследием государства всеобщего благополучия. Решением проблемы социального иждивенчества, необеспеченности пенсий и социальных пособий стала децентрализация управления. Дальнейшие реформы местного самоуправления оказываются связанными с широким комплексом социально-экономических проблем.

Важно отметить, что принцип децентрализации был взят на вооружение христианско-либеральной коалицией ХДС/ХСС и СвДП в качестве альтернативы социал-демократическому курсу. Децентрализация стала основой программы модернизации страны за счет

сокращения влияния государства и усиления институтов гражданского общества¹⁶. При этом силы, представленные, как правило, оппозиционными политическими партиями, стремятся не просто выработать новые взгляды на местное самоуправление, но и «вписать» их в свою политическую программу, которую поддерживают определенные социальные слои и категории населения. Инновации в области местного самоуправления меньше всего выглядят техническим управленческим решением, но являются принципиальным моментом, затрагивающим интересы как основных политических сил, так и широких слоев населения. Децентрализация перераспределяет функции и ответственности не строго вниз по вертикали, а в самых разных направлениях и конфигурациях.

В отличие от реформ местного управления в Британии, германские реформы отличаются постепенностью и большей ориентацией на гражданское участие, чем на внедрение рыночных принципов в процесс оказания публичных услуг. Тем не менее и в Германии, и в Британии государство освобождается от излишней социальной ответственности, передавая большинство социальных функций на уровень местных сообществ.

Франция. Децентрализация государственного управления во Франции имеет свою специфику. Притом что Франция является унитарным государством, ее политико-административная система является одной из самых сложных в Европе и состоит из четырех уровней: коммуна, департамент, регион и государство. Начиная с 1982 г. проходит реформа органов местного самоуправления, призванная расширить степень местной автономии и уменьшить административный контроль со стороны государства. В отличие от англосаксонских стран, административные реформы не отличались стремлением к внедрению рыночно

¹⁴ См.: Holtkamp L. *Kommunale Konkordanz und Konkurrenzdemokratie: Parteien und Bürgermeister in der repräsentativen Demokratie*. Wiesbaden: Springer, 2007.

¹⁵ Püttner G. (Hg.). *Handbuch der kommunalen Wissenschaft und Praxis. Band 3: Kommunale Aufgaben und Aufgabenerfüllung*. NY-Berlin: Springer, 1983. S. 59.

¹⁶ См.: Германия. Вызовы XXI в. / под ред. В.Б. Белова. М.: Весь мир, 2009. С. 104–105.

ориентированных механизмов, удешевлению государства и повышению эффективности бюрократии. Приоритетами реформирования стали усиление демократических начал в государственном управлении и активизация местного самоуправления, и только потом — внедрение принципов менеджмента. В этом, как видится, отразились базовые ценности французского общества — социальная справедливость, равенство граждан перед законом, приоритет общественного интереса над частным — специфическим образом преломились в сильных патерналистских настроениях, как среди граждан, так и на местах.

Во Франции не наблюдается четко соответствия партийной идеологии и направленности реформ местного самоуправления. Отмечается общий, за небольшим исключением, тренд в сторону децентрализации управления и деконцентрации функций государственной власти, складывания широкого партнерства политики, бизнеса и гражданского общества на общенациональном, региональном и местном уровнях. Однако в основном это проявилось в передаче значительных полномочий с центрального на местный уровень. Существенной децентрализации от локального уровня к населению исследователи не отмечают¹⁷.

Скандинавия. Общей характеристикой для Скандинавских стран является комбинация сильной центральной власти, слабых регионов и хорошо развитой местной автономии. Для скандинавской модели местного самоуправления, в отличие от Британии и Франции, значимы аспекты функциональности и участия. Политическое пространство детерминировано не только государством, но и низовыми уровнями принятия реше-

ний, такими как провинции и муниципалитеты¹⁸.

В Скандинавских странах современное местное самоуправление устроено, скорее, по принципу агентства, чем партнерства, напоминая опыт Британии. В Швеции реформы первой волны (1970-е гг.) были транзитом от местного самоуправления с чертами прямой демократии к современной функционально организованной репрезентативной системе¹⁹. В Финляндии особенностью реформ управления в 1990-х гг. стало проведение масштабных преобразований именно на местном уровне. Так же как и в Швеции, они были ориентированы на опыт Британии: агентские, с широкой автономией отношения между уровнями управления, внедрение рыночных принципов в предоставлении публичных услуг и т.д. Но коммерциализация и перевод публичных услуг на местный уровень негативным образом сказались на состоянии социальной сферы, традиционно отличавшейся высоким уровнем и качеством предоставления услуг. После чего финская реформа управления стала ориентироваться на германский опыт постепенных преобразований с использованием пилотных проектов.

Эффекты децентрализации и объяснение различий. Европейские страны демонстрируют разные подходы к реформе государственного управления, и только с известной долей условности можно противопоставлять их друг другу как централизацию и децентрализацию и приписывать, например, Англии и Франции две крайние противоположные ситуации. Так же как и говорить, что Германия имеет тренд в сторону Франции, а Скандинавские страны — в сторону Англии. Действительно, в результате ре-

¹⁷ Thoening J.-C. Modernizing Sub-National Government in France: Institutional Creativity and Systemic Stability // V. Hoffmann-Martinet, H. Wollmann (eds). State and local government reforms in France and Germany: divergence and convergence. Wiesbaden: Springer, 2006. P. 38–58.

¹⁸ Gidlund J., Jerneck M. (eds). Local and regional governance in Europe: evidence from Nordic regions. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2000. P. 11.

¹⁹ Chandler J. (ed.). Local government in liberal democracies: an introductory survey. NY, L.: Routledge, 1993. P. 122.

форм в Англии имеет место тенденция к централизации и контролю местных интересов, во Франции местные политики имеют влияние на центр для отстаивания интересов коммун. Но как отмечают исследователи, сравнение ситуации «до» и «после» реформ дает неоднозначные выводы. Если сравнивать результаты реформ управления в Англии, то имели место более глубокие перемены, в то время как во Франции практически мало что изменилось²⁰.

Различия в подходах к децентрализации во многом определяются содержанием центр-локальных отношений и потенциалом местного самоуправления. Анализ реформ и современного положения местного самоуправления также может привести к разным выводам. Если взять за основу текущее состояние бюджета, численность служащих, территорию муниципалитетов и т.п., то Британия имеет сильную местную власть. Если использовать критерии формальной местной автономии и свободы от центральной власти, то выводы оказываются противоположными. Реформы в Англии привели к тому, что местная власть стала иметь самую ограниченную свободу от центральной власти именно потому, что ее размеры и возможности подразумевали значительную свободу выражать и реализовывать свои инициативы.

Достаточно трудно сформулировать общее представление об идеальной сбалансированной модели центр-локальных отношений, что, казалось бы, необходимо сделать в условиях развития многоуровневой системы управления в Европейском Союзе. Ряд исследователей определяют баланс между центральным контролем и местной автономией достаточностью ресурсов у каждой из сторон для защиты своей политики и автономии (Х. Элкок, М. Уитон). Другие авторы фокусируют внимание на балансе

между интересами центральной власти контролировать периферию и тем самым удерживать нацию как интегрированное целое и требованиями периферии к центру поддерживать местную автономию (Дж. Чандлер). Но с точки зрения исторической эволюции аргументы Дж. Чандлера видятся наиболее убедительными. Исследователь объясняет специфику центр-локальных отношений особенностями национального строительства в каждом отдельном государстве²¹. Современная административно-территориальная организация национальных государств является результатом многовековых конфликтов, в которых складывались определенные модели взаимоотношений центра и периферии. Фактор исторического развития опосредованно показывает вклад различных сил в создание национального государства. Создано оно посредством изменений сверху национальной элитой, или в результате локальных, периферийных восстаний и революций, или консолидации малых независимых государств в одну нацию. Так, в Англии национальная интеграция была достигнута через правительство, представлявшее местные интересы, а во Франции — путем проникновения государства в местные сообщества через систему префектов²².

Исторически сложилось, что в Британии местные администрации имеют своего рода «индивидуальность», и это стало постоянным объектом критики со стороны центральной власти. Во Франции каждая коммуна и каждый департамент управлялись единообразными административными правилами и находились под одинаковым контролем государства. Таким образом, отношения между центром и периферией изначально устанавливались в разных контекстах. Во Франции эти отношения были более

²⁰ Mabileau A. Local politics and participation in Britain and France. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 17.

²¹ Chandler J.A. Local government today. Op. cit. P. 197.

²² Mabileau A. Local politics and participation in Britain and France. Op. cit. P. 18.

тесными, не только в административном, но и политическом смысле, когда региональные элиты рекрутировались в политику общенационального уровня. В противоположность Франции эти связи в Британии были менее тесными, и автономия центра и периферии по отношению друг к другу была закреплена в конституционной конвенции.

Центр-локальные отношения в отдельных странах эволюционировали разными путями. Но также необходимо отличать этапы генезиса и воспроизводства. Как отмечает Г. Стокер, в зависимости от акцента — на истории или сегодняшнем дне — исследование может дать прямо противоположные результаты²³. В современных условиях эти отношения принимают новые черты. Реформы управления продемонстрировали противоположные тенденции, в том числе и по отношению к собственным традициям политической культуры, как это было в Англии и Франции. Схожими оказались проблемы, с которыми столкнулось

большинство европейских стран. Как отмечают исследователи, общий смысл реформ конца XX в. заключался в устранении обстоятельств, ограничивающих местное самоуправление и другие управленческие структуры внутри каждой политической системы²⁴.

Заключение. Опыт реформ государственного управления в европейских странах показал, что пределы децентрализации обусловлены сложившейся спецификой центр-локальных отношений и потенциалом местного самоуправления. Политическая децентрализация и коммерциализация публичных услуг в Англии, повышение роли коммун и постепенный переход к рыночным отношениям в управлении в Германии, административные реформы и активизация местных сообществ во Франции — все эти мероприятия отражают тот или иной тип децентрализации, на которые ориентируются другие европейские страны.

²³ Stoker G. Comparative local governance. Op. cit. P. 498.

²⁴ Garcea J. (ed.). Local government reform: a comparative analysis of advanced Anglo-American countries. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2008. P. 1.

«СВЕТСКИЕ РЕЛИГИИ» И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА СИЛ

Т.В. Зонова

Основанные на балансе сил межгосударственные отношения и постепенная трансформация суверенитета правителя в суверенитет государства-нации благоприятствовали расцвету дипломатии. По завершении Тридцатилетней войны в Вестфале были разработаны более четкие правила дипломатического общения между государствами. Значительный рост числа государств позволял с особой изощренностью практиковать создание равновесных коалиций.

В среде политиков распространилось популярное сравнение Европы с большой шахматной доской, на которой государственные деятели и дипломаты с математической точностью двигают фигуры, создают изменяющие конфигурацию союзы и перебрасывают армии, постоянно возобновляя нарушенное равновесие. Смена союзов была обычной практикой, и это никого не шокировало. В качестве искусных демиургов подобной системы выступали такие известные государственные деятели и дипломаты, как Антон Кауниц и Клемент Меттерних. Профессия дипломата стала одной из самых престижных. Дипломаты обычно были знакомы друг с другом, их объединяло происхождение, воспитание, идеология и культура, и они причисляли себя к элите общества. Послы великих держав были окружены почитанием, к их мнению прислушивались правители. Дипломатическая жизнь отличалась блеском и нарочитой легкостью. Многие дипломаты, помимо основной работы, посвящали свободное время наукам и искусствам, писали книги, сочиняли музыку, занимались археологическими изысканиями.

Все это составляло картину расцвета так называемой классической дипломатии.

Французская революция и наполеоновские завоевания трансформировали европейскую административную систему управления. Абсолютные монархии уступали дорогу монархиям конституционным. Внешняя политика окончательно превратилась в самостоятельную отрасль государственного управления. На этом фоне получила распространение наполеоновская модель государственного администрирования. Для нее были характерны многие черты военной организации: максимальная централизация, единоначалие, суровая дисциплина, строжайшая ответственность чиновников. В то же время новая административная система отличалась предельной рациональностью, логичностью структуры, конкурсной системой приема на государственную службу. Дипломатическая служба была повсеместно реформирована.

В XIX столетии идея баланса сил в отношениях между государствами по-прежнему сохраняла свое значение. Все договоры, подписанные в период, последовавший непосредственно за Венским конгрессом, провозгласили восстановление баланса сил в качестве одной из приоритетных целей. В связи с утверждением принципа легитимизма, возобладавшего на Венском конгрессе 1814–1815 гг., правовым основам международных отношений и дипломатической службы стали уделять особое внимание.

Тем не менее среди правоведов-международников все большую популярность приобретала теория, в соот-

ветствии с которой вера в равенство всех суверенных государств, лежавшая в основе теории баланса сил, себя изжила¹. Уже в «Регламенте» 1815 г., определенном классы глав дипломатических представительств, было зафиксировано неравенство держав. Они подразделялись на великие державы с широкой сферой интересов (только эти державы могли обмениваться дипломатическими представителями в ранге послов) и державы с ограниченной сферой интересов (могли обмениваться посланниками и поверенными в делах). С течением времени в немецкой литературе появляется еще один термин — «мировая держава» (*Weltmacht*).

После Венского конгресса пять великих держав стали контролировать не только международную ситуацию, но и внутрисполитическое положение в различных странах. Формула «европейского концерта», основанного на убеждении, что великие державы должны действовать совместно для разрешения любого кризиса, просуществовала около четырех десятилетий, обеспечивая определенное стратегическое равновесие.

Однако антиклерикализм эпохи Просвещения, Французская революция и наполеоновские войны способствовали выходу на политическую арену новых социальных слоев, требовавших своего участия в государственной политике. Представители этих слоев, отталкиваясь от накопленного теоретического наследия, стали весьма эмоциональными проповедниками новых концепций националистического, социалистического и либерального характера. Каждое из предлагаемых этими концепциями видений будущего мироустройства подавалось как альтернатива существующего государственного строительства и ми-

ровой политики. Подобные идеи имели также тенденцию к превращению в набор непреложных догм, что позволяет рассматривать их как своего рода «**светские религии**».

Немалое место в новых схемах занимали будущие модели международных отношений и дипломатии, принципиально отличающиеся от прежних. Наиболее распространенной на европейском континенте стала теория «**национального принципа**», во главу угла ставившая идею исполняющей свою историческую миссию нации. Националисты резко критиковали теорию баланса сил, как не справляющуюся с задачей предотвращения войн. Конец войнам, по их мнению, должна положить идея нации. Еще в конце XVIII в. немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер писал: «Родина-мать никогда не пойдет войной на другую; отечества будут мирно сосуществовать и помогать друг другу, как это бывает в здоровой семье»². В середине XIX в. ему вторил французский историк Анри Мартен: «Существуют неоспоримые признаки того, что в течение ближайших лет вопросы национальные, помноженные на социальные проблемы, будут доминировать на нашем континенте. ... Государства созданы людьми, а Господом Богом — нации»³. Джузеппе Мадзини в своей последней 1871 г. работе «Международная политика» озвучил пророчества о возникновении в Европе ассоциации свободных братских наций, объединенных общими интересами⁴. Утверждения, что люди, объединенные узами общего языка и истории, становятся главными составляющими мировой политики, логично приводили к изменению взглядов на существовавшие границы. Прежняя концепция естественных границ сменялась концепцией границ между нациями.

¹ Идею суверенного равенства монархов отстаивал шведский король Густав Адольф еще в ходе Тридцатилетней войны; на Вестфальском конгрессе в поддержку этого принципа высказалась и шведская королева Христина.

² Цит. по: Meinecke F. *Cosmopolitanism and the National State*. Princeton, 1970. P. 29.

³ Цит. по: J. B. Duroselle. *L'Idée d'Europe dans l'histoire*. Paris, 1965. P. 209.

⁴ L. Salvatorelli. *Mazzini e gli Stati Uniti d'Europa / Miti e Storia*. Torino, 1966. Pp. 339.

Лидеры набравших в Европе силу движений **социалистического толка** выступали защитниками неимущих классов, социализм рисовался как справедливое общество, основанное на труде, равноправии и братских отношениях. Радикальный социализм призывал к революционному слому буржуазных институтов, а будущее мира виделось в отмирании государства и становлении всемирной республики народов. В том, что касается будущего внешней политики, адепты этого течения утверждали, что народы, уничтожив границы и упразднив государство, положат конец буржуазной игре в равновесие сил и империалистическим войнам. Впоследствии ярким выражением радикальных позиций стала деятельность Льва Троцкого на посту наркома иностранных дел. Как писали английские исследователи дипломатии, «советская дипломатия началась с упразднения дипломатии ... народный комиссар заявил, что его главная задача — напечатать революционные прокламации, а затем закрыть эту лавочку»⁵.

Либералы, чьи идеи приобрели наибольшую популярность в Великобритании, утверждали, что подлинные связи между странами должны обеспечиваться не министерствами внешних сношений и профессиональными дипломатами, а многочисленными неправительственными контактами, возникающими во время путешествий, интеллектуального общения и торговли. Наиболее популярный защитник фритредерства Ричард Кобден, последователь Бентама и физиократов и ярый противник политики протекционизма, любил повторять: «Мир придет на землю, когда люди в первую очередь будут иметь дело друг с другом, а потом уже с правительством. ... Мы выступаем только за то, что наилучшим образом служит христианскому миру —

осуществлять закупки на самых дешевых рынках и продавать на самых дорогих»⁶.

Представители всех трех идейных течений не оставляли места для традиционной теории баланса сил в международных отношениях и ставили под сомнение рациональность существующей модели дипломатии. «Идея сохранения баланса сил в Европе теряет почву, и есть надежда, что этот процесс продолжится», — писал известный бельгийский правовед, экономист и пацифист Эмиль де Лавлэ в своей книге «О причинах войны и средствах сократить их число»⁷. Творчество других авторов второй половины XIX — начала XX в., участников дискуссий о будущем международных отношений, свидетельствует об интенсивных поисках новой дипломатической теории, которая, в отличие от скомпрометировавшей себя теории «баланса сил», станет надежным гарантом стабильности и мира.

На этом фоне происходило постепенное усложнение структур дипломатических институтов и механизмов реализации внешней политики. Модификация исходных параметров, обусловивших становление современной модели дипломатии в эпоху Ренессанса, открывала перспективы иного мирового порядка. Распространение парламентских институтов и появление массовых политических партий, возникновение международных межправительственных и неправительственных организаций, пробивавший себе дорогу принцип свободы торговли — все это создавало новые рамки для выработки внешнеполитического курса. Возникал вопрос о границах государственного суверенитета, пришедшего на смену абсолютному суверенитету монарха. Прежняя идея его неделимости ставилась под сомнение и в связи

⁵ Keith Hamilton and Richard Langhorne. *The practice of diplomacy: its evolution, theory and administration*. New York: Routledge, 2000. P. 149.

⁶ Morley John. *The Life of Richard Cobden*. London: T. Fisher Unwin, 1905. Pp. 388–9.

⁷ Lavelaye E. De. *On the Causes of War and the Means of reducing their Number*. London, 1872. P. 8. Цит. по: Anderson M.S. *The Rise of Modern Diplomacy 1450–1919*. London and New York: Longman, 1993. P. 192.

с тенденцией отделения церкви от государства.

Политизация дипломатии выразилась во все более пристальном интересе общественного мнения к проблемам мировой политики. В конституционных монархиях и республиках министр иностранных дел был обязан периодически появляться в законодательном собрании с целью разъяснения внешнеполитического курса страны. В министерствах иностранных дел появилась должность заместителя министра по связям с парламентом. Депутаты парламента создавали комитеты и комиссии, курирующие вопросы внешней политики. В их задачу входила подготовка законопроектов, касавшихся механизма принятия внешнеполитических решений. В законодательные собрания поступали на ратификацию международные соглашения и договоры, подписанные с другими странами. Вотиrowание бюджетных ассигнований давало парламентариям мощный рычаг влияния на дипломатическую службу.

В то же время и во второй половине XIX — начале XX в. официальная внешнеполитическая линия европейских кабинетов по-прежнему основывалась на теории баланса сил. Менялось лишь содержание этого баланса. Политика равновесия все чаще выражалась в соперничестве и взаимных уступках держав, претендующих на колониальные владения в Азии и Африке. Тот же Кобден настоятельно указывал, что никакого баланса нельзя добиться без включения в его параметры американского континента, прежде всего Соединенных Штатов⁸.

Систему европейского баланса, в центре которого находилась бы Германская империя, пытался реализовать Отто фон Бисмарк. Его знаменитая формула — «всегда втроем» — подразумевала союзы Германии с тремя из пяти великих держав, где Германия заняла бы лидирующие позиции. Бурное развитие

промышленности и возросшая способность быстрой мобилизации национальных ресурсов способствовали торжеству бисмарковской *Realpolitik*, преследовавшей цель возвышения собственного государства. Как остроумно подчеркивает Г. Киссинджер: «Система Меттерниха отражала концепцию XVIII в., когда вселенная представлялась огромным часовым механизмом с идеально подогнанными друг к другу деталями, так что порча одной распространялась и на все прочие. Бисмарк же, будучи представителем новой науки и политики, воспринимал вселенную не как некую общность, находящуюся в механическом равновесии, но в ее современной версии: как состоящую из частиц, находящихся в непрерывном движении и взаимодействии друг на друга, что и создавало реальность»⁹.

Последующий крах системы Бисмарка разделил Европу на два противостоящих альянса. Сложные комбинации больших, средних и малых государств, участвовавших в системе баланса сил в предшествующие столетия, сменились гораздо более простыми альянсами двух-трех великих держав, пытающихся взаимно уравновесить друг друга. На смену европейскому концерту пришло ничем не сдерживаемое соперничество.

И действительно, в ряде стран, и прежде всего в Германии, все громче звучали требования отвергнуть принцип баланса сил, якобы препятствующего свободе действий держав и снижающего эффективность политики каждой из них. Многие немцы были уверены, что Великобритания своекорыстно эксплуатирует принцип равновесия и туманный Альбион заинтересован сеять рознь на континенте, извлекая из этого политическую и коммерческую выгоду. Радикально настроенный прусский генерал Фридрих фон Бернхарди заявил, что принцип баланса сил, с Венского конгресса лежащий

⁸ John Morley, op. cit.

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 111.

в основе ничем не оправдываемой политики, надо полностью игнорировать¹⁰.

В Великобритании политики воспринимали подрыв традиционного равновесия в Европе как тенденцию, способную повлиять на судьбы мира роковым образом. Так, Бенджамин Дизраэли заявил в 1871 г.: «Не осталось ни одной дипломатической традиции, которая не была бы сметена. ...Равновесие сил разрушено целиком и полностью»¹¹.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, следование принципам силовой политики привело к возрастанию зависимости от военного потенциала и превращению военного могущества в наиважнейший критерий национального величия, что побудило политиков

к безудержной гонке вооружений и конфронтации. Все реже раздавались рассуждения о единстве и гармонии древнейших стран Европы. Внешняя политика во многом была принесена в жертву военной стратегии, сводившейся, в сущности, к технократическому расчету соотношения сил. Возрастающее значение военного фактора, по образному выражению испанского исследователя Карлоса Гарсия, стало «красноречивым доказательством победы древнего и всемогущего идола, называемого государственным интересом»¹². В этих условиях дипломатам становилось все труднее оспаривать требования отечественных военных ведомств. Классическая система европейского баланса уходила в прошлое.

¹⁰ General F. von Bernhardi. *Germany and the Next War*. London, 1912. Pp. 107–109. Цит. по: Anderson M.S. *Op.cit.* P. 201.

¹¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 117.

¹² Garcia C. *France and Spain: Naturally Enemies*. London. 1953. P. 33.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.М. Юн

С конца 1990-х гг. в Центральноазиатском регионе заметно росла активность международных институтов европейской безопасности: сначала ОБСЕ, а после 11 сентября 2001 г. — Североатлантического альянса и Евросоюза, в настоящее время являющихся значимым инструментом обеспечения интересов европейских стран в регионе. Многосторонняя компонента европейской дипломатии дополнила автономный внешнеполитический курс ведущих европейских государств, прежде всего Германии, Великобритании и Франции, которые обозначили свои интересы в Центральной Азии сразу после распада Советского Союза. По степени интенсивности политика европейских грандов в Центральной Азии вплоть до сегодняшнего дня заметно опережает действия других стран Евросоюза. От согласованной позиции трех стран зависит и общий курс, вырабатываемый членами ЕС. Долгое время Берлин, Лондон и Париж являлись «глазами и ушами» межправительственных органов Евросоюза в регионе, а в таких странах, как Таджикистан и Кыргызстан, остаются таковыми до сих пор.

Такие похожие...

Политика Германии, Великобритании и Франции, с одной стороны, формировалась и развивалась на основе комплекса общих интересов и целей в Центральной Азии, что обеспечивало определенную согласованность и синхронность действий, а также выдвижение совместных инициатив в рамках таких многосторонних институтов, как ОБСЕ и Евросоюз. Согласованию политики, без-

условно, способствовал запуск механизма Общей внешней политики и политики безопасности ЕС на основе Маастрихтского договора 1992 г. Однако такая радикальная инициатива «в духе Маастрихта», как предложение Германии учредить общие посольства членов ЕС в странах СНГ, одобрения в Совете ЕС тогда не получила.

Состав и иерархия интересов в комплексе общих интересов европейских стран в Центральной Азии менялись в зависимости от различных факторов. Сразу после распада СССР задачи **ядерного нераспространения** обеспечили повышенный интерес ядерных Великобритании и Франции, а также Германии к Казахстану, где располагались крупные, третьи в Советском Союзе по количеству боезарядов и носителей, стратегические ядерные силы. Первые визиты министров иностранных дел трех стран в Центральную Азию — это поездки в Алма-Ату в конце 1991 г. — начале 1992 г., которые были частью усилий стран Запада по принуждению Казахстана к отказу от советского ядерного арсенала и присоединению к договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

В качестве стимулов и в ответ на «отзывчивость» казахстанских властей европейские страны отдавали Казахстану приоритет при решении вопросов о дипломатическом представительстве (все три страны открыли свои посольства в течение 1992 г.); развитии правовой основы отношений, двусторонних политических, экономических и военных связей; оказании экономической помощи на двусторонней основе и со стороны

ЕС; поддержке вступления Казахстана в международные организации. В декабре 1994 г. Великобритания как ядерное государство в обмен на отказ от ядерного оружия предоставила Казахстану гарантии безопасности, позже то же самое сделала Франция.

После «разоружения» Казахстана интересы ведущих стран ЕС в области нераспространения в Центральной Азии ослабли, но не исчезли. В текущей дипломатии они охватывают такие вопросы, как, например, поддержка усилий «евротройки» в отношении ядерной программы Ирана; условия присоединения Великобритании и Франции к Договору 2006 г. о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии; предотвращение незаконного оборота ядерных материалов.

В течение 1994—1995 гг. на первый план в политике ведущих европейских стран в Центральной Азии, как и в целом стран Запада, постепенно выходят интересы сдерживания «неоимпериалистического» курса России на постсоветском пространстве, который, по оценкам европейских экспертов, был на руку консервативным, антидемократическим политическим силам в Москве, цементировал антизападную направленность внешнеполитического курса Москвы, отвлекал материальные ресурсы от внутренних реформ, наконец, мог спровоцировать новые конфликты в соседних регионах. Германия, Великобритания и Франция вместе с США были в авангарде стран Запада, поставивших во главу угла стратегическую задачу поддержки независимости стран Центральной Азии, чьей, сокращения влияния России в регионе и консолидации западного, в том числе европейского, вектора международных связей центральноазиатских государств.

В рамках нового курса, помимо Казахстана, приоритетом становится Узбекистан, а также получают импульс отношения с Туркменистаном. В течение 1993 г. президент Узбекистана И. Каримов со-

вершил свои первые официальные визиты в европейские столицы — в Берлин, Париж и Лондон, президент Туркменистана С. Ниязов — в Париж и Лондон. Среди ответных визитов резонансной была поездка французского президента Ф. Миттерана в Ташкент и Ашхабад в конце апреля 1994 г. По версии французского издания «Монд», целью визита было не только открыть путь для предпринимателей на рынок двух стран, но и «пролить свет на конфликты в Центральной Азии, в то время как внимание сосредоточено на Боснии; на таджикский конфликт, который грозит привести Россию к ее старым империалистическим демонам»¹.

В результате переговоров в пользу Ташкента и, в меньшей степени, Ашхабада стали пересматриваться программы экономической помощи, открывались новые посольства², развивались экономические, военные, гуманитарные связи. Вслед за этим по инициативе европейской «тройки» в течение 1995—1996 гг. активизировал связи с Узбекистаном и Туркменистаном Европейский Союз. Причем предварительные переговоры о заключении базового соглашения велись Еврокомиссией при участии послов трех стран на местах.

С тех пор задача укрепления независимости стран Центральной Азии потеряла свою особую актуальность и сугубо антироссийский подтекст. В то же время не потеряла и сохранила значимость в долгосрочной перспективе задача усиления европейского направления внешней политики стран региона в целях обеспе-

¹ Le Monde. 1994. 29 avril.

² По состоянию на конец 2010 г., в Узбекистане из стран ЕС-15 (до расширений 2004 г. и 2007 г.), помимо Германии, Франции и Великобритании, представлена только Италия (с 1992 г.); в Туркменистане — только Германия, Франция и Великобритания. Из стран, вступивших в ЕС в 2004 г. и в 2007 г., в Узбекистане имеют посольство Болгария, Латвия, Польша, Румыния, Словакия и Чехия, в Туркменистане — Румыния и Польша.

чения комплекса других интересов стран Европы. Прежде всего дискурс укрепления независимости центральноазиатских стран имел экономическое измерение: автономия от Москвы рассматривалась как условие **эксплуатации в интересах европейских стран природных ресурсов стран Центральной Азии**. Использование сырьевого потенциала стран региона с точки зрения интересов европейских государств означает не только их бесперебойный доступ на европейский рынок, но и доходы от вложения инвестиций в разработку ресурсов, поставки оборудования и предоставление услуг в ходе добычи и транспортировки. Особый интерес стран ЕС представляют запасы нефти и газа (Казахстан, Туркменистан и, в значительно меньшей степени, Узбекистан), цветных и драгоценных металлов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан), урана (Казахстан, Узбекистан), а также импорт хлопка (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан).

Сырье абсолютно преобладает в импорте Германии, Великобритании и Франции из стран Центральной Азии. Казахстан стал крупным экспортером нефти в Германию (пятое место среди поставщиков с 6,1 млн тонн нефти в 2009 г., или 6,3% всего импорта нефти Германией³; четвертое место по данным за первое полугодие 2010 г.⁴) и Францию (четвертое место в 2009 г., с 6,4 млн тонн, или 9,1% всего импорта). Также за период 2007–2009 гг. из Казахстана поставлялся титан во все три страны, серебро в Германию и Великобританию, медь в Германию, уран во Францию. Узбекистан в этот период экспортировал серебро в Великобри-

танию, уран и хлопок во Францию, Туркменистан — хлопок во Францию.

Ведущие страны ЕС являются конкурентами (как между собой, так и по отношению к другим европейским и иным странам) не только с точки зрения импорта сырья из стран Центральной Азии. Выросшая на нефтедолларах **экономика Казахстана** занимает особое, центральное место во внешнеэкономической политике трех стран и как рынок сбыта, и как место приложения инвестиций. Германия в силу преимуществ немецкой промышленности является лидером среди торговых партнеров Казахстана, экспортировав на рекордные 1,9 млрд евро в 2007 г. и столкнувшись из-за кризиса с сокращением экспорта до 1,7 млрд в 2008 г. и 1,3 млрд долл. в 2009 г. Французский экспорт составил 0,5 млрд евро в 2008 г. и 0,48 млрд в 2009 г. Позиции Великобритании как экспортера слабее — меньше 300 млн евро ежегодно в 2008–2009 гг.

В то же время в Казахстане всегда были сильны инвестиционные позиции британских компаний, активно поддерживаемых официальным Лондоном. Основной объект их инвестиций — казахстанский нефтегазовый сектор. По данным Центробанка Казахстана, объем накопленных прямых инвестиций из Великобритании по состоянию на 30 июня 2010 г. составил 2,5 млрд долл.⁵ Накопленные прямые инвестиции немецких компаний значительно меньше — 762 млн долл., которые, однако, вложены в основном в не сырьевые отрасли (производство стройматериалов, розничная торговля и др.), что соответствует стратегической задаче официальной Астаны диверсифицировать национальную экономику. Французские компании, за исключением нефтегазовых, долгое время

³ Здесь и далее, где не указано отдельно, для анализа внешней торговли используется электронная база Евростата. Eurostat. Electronic database EU27 Trade Since 1995 By CN8. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/newxtweb/>

⁴ Германско-Казахстанский экономический ежегодник 2010/2011. С. 12. URL: <http://download.owc.de/epaper-owc/2010-09-dkwjb-kaz/>

⁵ Здесь и далее в том, что касается статистики иностранных инвестиций в экономику Казахстана, приводятся данные Центрального банка Казахстана. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=680>

занимавшие сдержанную позицию, при поддержке нового президента Н. Саркози стали одними из лидеров по объему прямых инвестиций, достигнувших общего объема 5,7 млрд долл. на середину 2010 г. Основные отрасли инвестирования — нефтегазовая (участие компании «Тоталь» в освоении месторождения Кашаган), горнорудная («Арева», добыча урана), атомная, аэрокосмическая, транспорт, банковский сектор.

Конкуренция в торгово-экономической сфере не исключает объединения усилий европейских стран, и прежде всего Великобритании, Франции и Германии, для обеспечения благоприятного режима для европейских инвесторов и других европейских компаний в странах Центральной Азии. Через институты Евросоюза они пытаются влиять на принимаемое законодательство, в рамках ЕС или с помощью коллективных демаршей послов лоббируют интересы конкретных компаний, оказавшихся объектом давления со стороны государственных органов власти.

С конца 1990-х гг. приоритетом в региональной политике ведущих европейских стран в Центральной Азии становится **борьба с наркоугрозой**. На протяжении 1990-х гг. Центральная Азия стала крупным транзитным маршрутом поставок наркотиков афганского происхождения в страны Европы. По данным доклада 2006 г. Дублинской группы, тесно связанной с Евросоюзом, в 2005 г. доля афганских опиатов, поставленных на мировой рынок через Северный путь, оставляла 20–24%⁶. Ответом стран Европы стали реализация проектов поддержки силовых служб стран Центральной Азии, а также направление в посольства сотрудников МВД для координации двустороннего взаимодействия.

⁶ Dublin Group. Italian Regional Chair for Central Asia. Regional report on Central Asia. 12 July 2006. P. 1. URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/06/st11/st11541.en06.pdf>

На 1995–1996 гг. пришелся этап активизации усилий стран ЕС по определению приоритетов борьбы с производством и распространением наркотиков в рамках строительства так называемой третьей опоры ЕС. В ходе заседания Европейского совета в середине декабря 1996 г. по инициативе французского президента Ж. Ширака и британского премьер-министра Дж. Мэйджора оказание помощи центральноазиатским республикам через программу ТАСИС было включено в список первоочередных мер борьбы с наркотрафиком на общеевропейском уровне. Также ведущие страны ЕС являются спонсорами международных программ борьбы с наркоугрозой в Центральной Азии, реализуемых по линии ООН, Евросоюза (в последнем случае речь идет не только о средствах бюджета ЕС, но и дополнительных взносах стран ЕС) или в качестве таких региональных инициатив, как, например, Центральноазиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ЦАРИКЦ).

Поддержка силовых служб стран Центральной Азии стала еще более актуальной после 11 сентября 2001 г. в интересах **борьбы с угрозой терроризма**. Тогда же обозначился новый, не менее важный интерес — обеспечение **поддержки политики стран ЕС на афганском направлении**. Кроме военной базы США в узбекском Ханабаде и международной, с преобладанием американских военных, базы в киргизском Манасе, среди стран НАТО только Германия и Франция договорились о постоянной дислокации небольших подразделений своих военно-воздушных сил в узбекском Термезе и Душанбе соответственно. Великобритания с учетом позиций в Южной Азии и в зоне Персидского залива, насколько известно, никогда не ставила цель обеспечить постоянное военное присутствие в Центральной Азии.

В результате были усилены слабые «треки» в политике ведущих стран ЕС. Таджикистан, который обычно игнорировался европейскими странами, за исключением Франции, стал приоритетом региональной политики. При этом Франция внесла наибольший вклад в активизацию отношений между Душанбе и институтами Евросоюза. Новый импульс получили отношения с Узбекистаном. Борьба с наркоугрозой, угрозой терроризма, ситуация в Афганистане — все это продолжает и будет оставаться насущными вопросами в повестке центральноазиатской политики Берлина, Парижа, Лондона, даже если страны НАТО выполнят свое решение о передаче до конца 2014 г. основной ответственности за безопасность в Афганистане местной армии и полиции.

И такие разные...

Не является удивительным тот факт, что имеет место существенная разница как в общих подходах ведущих европейских стран к Центральной Азии, так и в конкретных аспектах политики. По такому параметру, как место региона в системе географических приоритетов, безусловно, Центральная Азия имеет значительно большее значение для политики **Германии**. На начальном этапе становления немецкой стратегии в регионе определяющими были два фактора. Во-первых, в рамках традиционно важной для Германии «восточной политики» немецкие власти проявляли особый интерес к процессам на постсоветском пространстве. Во-вторых, интерес Германии определялся наличием в составе местного населения большого количества этнических немцев с их «чемоданными настроениями». Согласно последней советской переписи населения 1989 г., основная масса центральноазиатских немцев проживала в Казахстане (957,5 тыс. чел.) и в Кыргызстане (101,3 тыс. чел.). Небольшие группы насчитывались в Узбекистане (39,8 тыс.

чел.), Таджикистане (32,7 тыс. чел.) и Туркменистане (4,4 тыс. чел.)⁷.

Германия единственная среди стран ЕС в течение 1992—1993 гг. открыла посольства во всех государствах Центральной Азии. Она также проводила активную «дипломатию визитов» и запустила самые крупные среди других европейских стран региональные программы помощи, нацеленные главным образом на Казахстан и Кыргызстан, в том числе для сдерживания миграции немецкого населения. Однако немцы в массовом порядке покидали страны региона, особенно в первой половине 1990-х гг. В настоящее время значимое количество немцев осталось только в Казахстане — 178,4 тыс. чел. по данным переписи 2009 г., что почти в два раза меньше, чем в 1999 г. (353,5 тыс. чел.)⁸. Также следует отметить, что ни в начале 1990-х гг., ни в настоящее время из-за проводимой политики этнического национализма немецкая община не играет какой-либо экономической и политической роли в Казахстане.

Также происходил размыв постсоветского пространства, консолидировались модели политического и социально-экономического развития, в соответствии с которыми страны Центральной Азии по сравнению с другими государствами СНГ дальше всех отошли от европейских стандартов. Международные отношения в Центральной Азии также усложнялись, особенно за счет роста влияния Китая. Однако активность Германии в Центральной Азии в 1990-е гг. и 2000-е гг. только возрастала, обеспечив ей наиболее прочные позиции по сравнению с другими европейскими странами.

⁷ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 13—17.

⁸ Перепись населения Республики Казахстан 2009 г. Краткие итоги. Статистический сборник / под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2010. С. 10. URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Documents/Перепись%20рус.pdf

Подобный стратегический выбор Берлина можно объяснить стремлением объединенной Германии укрепить свои внешнеполитические позиции в новом международном порядке, значительно ослабленные в результате мировых войн и ограниченные в период холодной войны. В этом свете распад СССР открыл целые регионы для внешнего влияния, причем борьбу за влияние внерегиональные державы должны были начинать с чистого листа. Нынешние позиции Германии в Центральной Азии — это ее внешнеполитический капитал, который используется для обеспечения различных политических, военных и иных интересов Берлина в мире, начиная с вопроса о постоянном членстве Германии в Совете Безопасности ООН и заканчивая военным транзитом через страны региона для нужд немецкого контингента в Афганистане.

В основе немецкой политики в Центральной Азии был положен курс на развитие привилегированных отношений и поддержку двух ключевых государств региона: Узбекистана и Казахстана. В то же время если Казахстан является приоритетом Германии с точки зрения ее экономических интересов, Узбекистан считается опорой обеспечения интересов Берлина в области безопасности. С обеими странами поддерживается интенсивный политический диалог на разных уровнях (обычная для официального Берлина практика парных визитов высших должностных лиц в страны-партнеры была прервана после событий 2005 г. в узбекском Андижане). Казахстан и Узбекистан являются приоритетами глобальной политики Германии в целях развития: ежегодные объемы помощи, по данным Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития, достигали в 2007–2009 гг. в среднем 31,9 млн долл. и 29,6 млн долл. соответственно (из них на безвозмездной основе — 17,9 млн долл. в каждом

случае)⁹. С 1995 г. Ташкент и Алматы стали приоритетами немецкой военной помощи, включая обучение в военных институтах Германии, оказание военно-технической помощи и консультирование. В посольства были направлены немецкие военные атташе. Началось взаимодействие между министерствами внутренних дел при поддержке офицеров федеральной полиции Германии, размещенных на постоянной основе при посольствах.

Внимание западной прессы больше всего привлекает особый характер связей немецких политических кругов с официальным Ташкентом. Известно, что, во-первых, Германия — единственная из стран НАТО, кроме США, получившая право на постоянное военное присутствие на территории Узбекистана для поддержки операций в Афганистане. Во-вторых, несмотря на охлаждение отношений между странами Запада и Узбекистаном из-за андижанских событий и введения Евросоюзом санкций, за которые проголосовал и Берлин, Германия, некоторое время единственная из стран НАТО, сохраняла право транзита через узбекскую территорию и, кроме того, сумела договориться о дальнейшем использовании базы в Термезе. Все это свидетельствует об успехе немецкой дипломатии на узбекском направлении. Официальный Ташкент рассматривает Берлин как ключевой канал обеспечения своих интересов в отношении стран Запада в целом и Евросоюза в частности. Также известно, что Германия не прекращала военное сотрудничество с Узбекистаном в период действия санкций и была самым активным сторонником их отмены, что объяснялось либеральной западной прессой сугубо заинтересованностью Берлина в сохранении базы

⁹ OECD. Development Assistance Committee (DAC). Development. Aggregate Aid Statistics. ODA by Recipient. URL: <http://stats.oecd.org/index.aspx?>

в Термезе. Такая трактовка представляется слишком упрощенной и не учитывающей общий курс Германии на консолидацию своих внешнеполитических позиций в регионе, что вряд ли возможно без интенсивных отношений с Узбекистаном.

Важный элемент центральноазиатской политики Германии, способствующий выполнению общей стратегической задачи, — это развитие интенсивных связей и со всеми остальными странами региона. При этом каждое направление имеет также свой специфический набор интересов. Для Киргизии это, например, интересы в отношении немецкого населения (по данным переписи 2009 г., их осталось только 9,5 тыс. чел.¹⁰), демократических процессов в стране. В случае с Таджикистаном определяющими являются интересы в сфере безопасности, особенно борьба с наркоугрозой. Туркменистан интересен Берлину как новый, альтернативный поставщик газа.

В отношении каждой из стран Берлин проводит активную дипломатию. Германия является важнейшим среди трех европейских грандов торговым партнером для всех стран Центральной Азии, хотя сами объемы незначительны для германской внешней торговли. Программы помощи намного превосходят те объемы, которые выделяют Франция, Великобритания и другие страны ЕС. И если Кыргызстан всегда входил в список приоритетных бенефициариев, то Таджикистан стал таковым с конца 2001 г., а в 2009 г. даже получил наибольший среди всех стран региона объем безвозмездной помощи (26 млн долл. против 23,5 млн Киргизии, 21 млн Узбекистану, 19 млн Казахстану и 2 млн Туркмениста-

ну). Малые объемы помощи Туркменистану — это скорее еще одно проявление общего курса Ашхабада на сдерживание внешнего влияния на внутренние процессы в стране, нежели дискриминация со стороны Берлина. Собственно, туркменское направление остается самым слабым в центральноазиатской политике Германии с точки зрения влияния (как, впрочем, и в целом стран Запада), несмотря на декларируемый «привилегированный» характер двусторонних связей.

В целом курс на превращение стран Центральной Азии в близких, лояльных внешнеполитических партнеров является предметом консенсуса основных политических сил Германии. Коалицией христианских и свободных демократов, действовавшей во главе с Г. Колем до 1998 г., были заложены основы региональной стратегии Берлина. Затем курс был продолжен коалицией социал-демократов и «зеленых» во главе с Г. Шредером. Правительства Коля и Шредера также объединяла сдержанная позиция в отношении роли Евросоюза в регионе: ЕС должен был реализовывать программы экономической помощи, тогда как прямое влияние на политические процессы и вопросы региональной безопасности считались, скорее, ответственностью ОБСЕ.

Иной подход был принят после формирования в 2005 г. «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ во главе с А. Меркель и с Ф.-В. Штайнмайером на посту министра иностранных дел. Новая коалиция воспользовалась председательством Германии в Евросоюзе в первой половине 2007 г. и обеспечила принятие Европейским советом политической стратегии ЕС в отношении Центральной Азии, двукратное увеличение объемов помощи ЕС странам региона, более активное использование политико-дипломатических методов в региональной политике Евросоюза. Известно, что остальные страны ЕС занимали пассивную позицию в период

¹⁰ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Национальный состав населения (по данным переписей населения). URL: <http://www.stat.kg/stat.files/tematika/демограф/Кыргызстан%20в%20цифрах/демо7.pdf>

разработки политической стратегии Евросоюза в регионе¹¹. В этой связи напористость Берлина выглядит как попытка «приватизации» центральноазиатской политики ЕС, как стремление максимально использовать «марку» и ресурсы Евросоюза в целях укрепления собственных позиций в регионе, что имеет сходство, например, с позицией Франции в отношении политики ЕС на африканском направлении.

Нынешняя Германия, управляемая коалицией ХДС/ХСС и СвДП, вносит наибольший вклад среди стран ЕС в реализацию европейских инициатив под эгидой политической стратегии Евросоюза в Центральной Азии. В частности, Германия является координатором инициативы ЕС в области обеспечения верховенства права. Из немецких фондов развития финансируются региональные проекты в таких областях, как, например, управление водными ресурсами, развитие региональной торговли. Кроме того, актуальная задача для Берлина — укрепление позиций немецких экспортеров и инвесторов на казахстанском рынке, ослабленных в результате не только кризиса, но и наступательных действий конкурентов, в том числе из стран Евросоюза. В последние годы был резко активизирован экономический диалог между Берлином и Астаной. На это был также нацелен первый визит А. Меркель в Казахстан в июле 2010 г., во время которого было подписано около 40 коммерческих соглашений стоимостью больше 2 млрд евро¹².

¹¹ Schmitz A. Efficiency and Its Costs: The “Strategy for a New Partnership” with Central Asia // The Potential of the Council Presidency. An Analysis of Germany’s Chairmanship of the EU, 2007 / Ed. by D. Kietz and V. Perthes. Berlin, January 2008. P. 72. http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=4656

¹² См. подробнее, напр., информационное сообщение посольства Казахстана в Германии: Федеральная канцлер Ангела Меркель совершила визит в Казахстан. 19.07.2010. URL: http://www.botschaft-kaz.de/ru/index.php?option=com_content&

В отношении Туркменистана Германия лоббирует участие немецких компаний в освоении туркменских месторождений. В 2009 г. немецкая компания «РВЕ» получила право на освоение оффшорного месторождения в туркменском секторе Каспия. В то же время Берлин занимает сдержанную позицию в отношении проекта строительства газопровода «Набукко», в котором «РВЕ» владеет долей 16,67%. В мае 2009 г. в Ашхабаде состоялось первое заседание двусторонней межправительственной рабочей группы по вопросам бизнеса и торговли.

Специфика позиции Германии в отношении демократических процессов и обеспечения прав человека в странах Центральной Азии — еще один козырь в ее политике и фактор, объясняющий в целом сильные позиции в регионе по сравнению с другими странами ЕС. В двусторонних отношениях Берлин не склонен к излишней политизации вопроса, проявляет осторожность в официальной риторике, участвует в «тихих» коллективных демаршах стран ЕС по конкретным случаям, проводит встречи с оппозицией из стран Центральной Азии в эмиграции, но выступает против жестких мер типа санкций и в целом не жестко увязывает прогресс в этой сфере и объемы оказываемой помощи. Крупнейшие немецкие политические фонды — Фонд К. Аденауэра и Фонд Ф. Эберта — через реализацию проектов научного, образовательного, социального характера работают с государственными институтами стран Центральной Азии, а также с теми представителями неправительственного сектора, которые «не находятся в такой оппозиции к правительственным структурам, которая автоматически поставила бы сотрудничающие с ними фонды в положение противников правящих режимов»¹³.

[view=article&id=229:2010-07-22-10-36-31&catid=1:home&Itemid=1](http://www.botschaft-kaz.de/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=229:2010-07-22-10-36-31&catid=1:home&Itemid=1)

¹³ Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во

Специфика политики **Великобритании** в Центральной Азии — рассмотрение региона сквозь призму интересов в Каспийском регионе британских нефтегазовых компаний, а также компаний, специализирующихся на оказании услуг нефтегазовому сектору (финансовых, исследовательских, консалтинговых и т.д.) — лидеров британского, европейского и мирового бизнеса в целом. Уровень и степень интенсивности политических контактов, дипломатическое представительство, оказание экономической, военно-технической помощи и другие вопросы двусторонних отношений решались исходя, главным образом, из каспийских интересов Великобритании. В этой связи ключевым приоритетом Великобритании был и остается открытый для иностранных инвесторов Казахстан, переговоры с которым британские компании стали вести при поддержке официального Лондона еще до распада СССР. Для обеспечения своих интересов Великобритания даже пошла на такой шаг, как признание принципа секторального разделения Каспийского моря, чему противилась Россия, но за что ратовали власти Казахстана и Азербайджана, еще одного приоритета Лондона на Каспии.

Усилия консервативного правительства Дж. Мэйджора способствовали закреплению за британскими компаниями важных позиций в двух из трех крупнейших нефтегазовых проектов Казахстана: Карачаганак (в настоящее время компания «Бритиш Гэс» владеет 32,5% акций) и Кашаган («Шелл», 16,81%). В консорциум по освоению Кашагана входили также «Бритиш Гэс» и «Бритиш Петролеум», однако позже компании продали свои доли из-за изменений в корпоративной стратегии. Кроме того, «Бритиш Гэс», «Шелл» и «Бритиш Петролеум» одно время владели долями в нефтепроводе «Каспийский трубопроводный консорциум», «Бритиш Петролеум» — долей в третьем крупнейшем

месторождении Тенгиз через совместное предприятие российского «Лукойла» и купленной британцами американской компании «АРКО».

Лейбористское правительство Э. Блэра и Г. Брауна продолжало укреплять «стратегическое партнерство» с Астаной для обеспечения интересов не только нефтегазовых, но и других британских компаний. Ежегодные объемы экспорта услуг британских компаний в Казахстан значительно превосходят объемы экспорта товаров: около 900 млн ф. ст. в течение 2007–2008 гг.¹⁴ «Бритиш Аэропейс» приобрела 49% акций национального перевозчика Казахстана «Эр Астана». Крупные казахстанские компании выбирают Лондонскую биржу для размещения акций на западном рынке. Для укрепления позиций было расширено дипломатическое присутствие в Казахстане, для лоббирования используются не только члены правительства, но и королевской семьи. В отношении Астаны Лондон реализует самую крупную программу военной помощи, а военный атташе Великобритании в Казахстане — единственный представитель британского военного ведомства в регионе. За 2000-е гг. британо-казахстанские отношения «обросли» многочисленными организациями официального и неофициального характера, обеспечивающими высокую плотность и многочисленные каналы взаимодействия (межправительственный Казахстанско-британский торгово-промышленный совет; парламентские группы по двусторонним отношениям; Британско-казахстанское общество под патронажем герцога Йоркского и президента Н. Назарбаева; Каспийский информационный центр с участием депутатов британского парламента и др.).

внешней политике Федеративной Республики Германия. М., 2007. С. 159.

¹⁴ House of Commons Hansard Commons Debates (Daily Hansard). Written Answers. February 2, 2010. Overseas Trade: Kazakhstan. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm100202/text/100202w0030.htm>

С середины 1990-х гг. британская дипломатия разрабатывала туркменское направление каспийской стратегии, обеспечив получение компанией «Моньюмент Ойл энд Гэс» прав на разработку месторождений Туркменистана и поддержка участия «Шелл» в строительстве экспортных газопроводов: транскаспийского или через территорию Ирана, что было неприемлемо для официального Вашингтона. Лондон в период своего председательства в ЕС в первой половине 1998 г. выступил посредником между европейскими странами, чьи компании стали инвестировать в иранский нефтегазовый комплекс, и Вашингтоном, принявшими в августе 1996 г. закон д'Амато о санкциях в отношении любой компании мира, инвестирующей 40 и более млн долл. в нефтегазовую промышленность Ирана и Ливии.

Провал проектов транскаспийских трубопроводов, противодействие иранскому маршруту со стороны США, осторожность Ашхабада в отношении доступа иностранных компаний к туркменским месторождениям, а также отказ Туркменистана поддерживать действия стран НАТО в Афганистане привели к серьезному спаду в двусторонних отношениях. После смерти С. Ниязова в свете возможного открытия местного рынка для иностранного капитала и возобновления переговоров о прокладке транскаспийских трубопроводов Лондон попытался обеспечить новый старт в отношениях. За последние четыре года при поддержке министерства энергетики Великобритании была проведена серия встреч и форумов с участием официальных лиц, представителей «Бритиш Петролеум», «Шелл» и других компаний, однако, по имеющейся информации, пока британским компаниям не удалось получить лицензии на туркменские месторождения.

Узкий экономический подход определил сдержанную позицию Великобритании в отношении развития связей с другими странами Центральной

Азии. Среди них Лондон, конечно, выделял узбекское направление как имеющее наибольший потенциал. Отдельные добывающие (например, золотодобыча) и производственные секторы узбекской экономики привлекали британский бизнес. Например, в 1994 г. «БАТ Индастриз» приобрела контрольный пакет акций «Узтабак». При этом для обеспечения интересов в Узбекистане Великобритания не была склонна выделять количество внешнеполитических ресурсов, эквивалентное казахстанскому направлению, что задевало самолюбие узбекских властей.

Только после 11 сентября 2001 г. с учетом ключевого значения Узбекистана для действий стран НАТО в Афганистане политика на узбекском направлении была пересмотрена. Великобритания разработала программу военной и военно-технической помощи Узбекистану, а также предприняла шаги для развития связей в других областях. Однако объемы экономической помощи выросли незначительно, экономический базис отношений скорее сужался, британская либеральная пресса и неправительственные организации, а за ними и Форин-офис продолжали резко критиковать Ташкент из-за ситуации с правами человека, а после событий в Андижане мая 2005 г. Великобритания заняла крайне жесткую позицию и была одним из главных сторонников введения санкций Евросоюза, одобренных в период ее председательства в ЕС в октябре 2005 г. В результате двусторонние отношения были почти полностью заморожены до 2008 г., когда в рамках общего улучшения отношений между Узбекистаном и странами Запада началась нормализация британо-узбекских отношений. Тем не менее узбекское направление остается слабым местом в центральноазиатской политике Великобритании.

В отношении Кыргызстана и Таджикистана Лондон оставался пассивным до смены правительства в 1997 г.

Тогда лейбористы провозгласили проведение «этичной внешней политики», под которой понимался акцент на правах человека и глобальных вызовах. Соответственно, больше внимания стало уделяться Кыргызстану как наиболее либеральному государству в регионе. С 1999 г. Бишкек стал и остается до настоящего времени основным получателем британской экономической помощи. В 2007–2009 гг. ему было выделено в среднем 11,2 млн долл. в год. Таджикистан стал вторым приоритетом британской политики развития в Центральной Азии: 5,6 млн долл. ежегодно в течение 2007–2009 гг. Дополнительный интерес к Таджикистану — поддержка местных властей в борьбе с наркотрафиком. В 2001 г. Форин-офис объявил о намерении открыть посольства в двух странах, однако это было сделано только в Душанбе. В целом, несмотря на возросший интерес, оба государства остаются сугубо второстепенными направлениями внешней политики Лондона.

Провозглашение этичной внешней политики имело следствием выступление Великобритании на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. с инициативой создания в рамках организации механизма регулирования вопросов водоснабжения в Центральной Азии. Данная инициатива полностью провалилась из-за негативной позиции Туркменистана и Узбекистана, что объясняется не только сложностью проблемы, но и, видимо, несбалансированностью британо-узбекских отношений. С тех пор британская дипломатия предпочитает «не высовываться», одновременно поддерживая, политически и материально, деятельность многосторонних институтов и других координационных механизмов в Центральной Азии. Примечательно, что она не взяла на себя координацию каких-либо отдельных направлений реализации стратегии Евросоюза в Центральной Азии.

Новое, коалиционное правительство Великобритании во главе с Д. Кэ-

мероном, сформированное в мае 2010 г., взяло курс на укрепление позиций страны в «мире с сетевой структурой», в том числе через поиск новых экономических возможностей в странах Востока и Юга и создание собственных «пересекающихся сетей углубленных двусторонних отношений»¹⁵. Пока новый курс фокусируется на самых крупных странах мира и в Центральной Азии едва проявляется. В частности, ведутся переговоры на высшем уровне с властями Казахстана на полях международных форумов (например, саммита ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г.). А с целью обеспечения интересов британской экономики с октября 2010 г. заработал Британо-туркменский совет по торговле и промышленности. Можно предположить в ближайшие годы некоторую активизацию Лондона в регионе, однако в рамках сложившейся каспийской политики.

Французские власти первоначально обнародовали амбициозную, сходную с немецкой программу развития связей с регионом Центральной Азии. Но как на начальном этапе формирования региональной политики, так и в дальнейшем Франция не была последовательна в своих действиях, что негативно сказывалось на результатах политики и подрывало позиции Парижа в регионе. Планы развития связей по всем страновым направлениям были вскоре пересмотрены в сторону сокращения, к середине 1993 г. был сформулирован курс на укрепление отношений с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном как наиболее перспективными с экономической точки зрения и самыми важными в политическом плане странами региона.

Именно в этих странах были открыты посольства, а президент Ф. Миттеран в ходе визитов в течение 1993–1994 гг. лично лоббировал интересы французских

¹⁵ См. доктринальные выступления нового министра иностранных дел У. Хейга на сайте Форин-офис. URL: <http://www.fco.gov.uk/en/about-us/what-we-do/our-priorities/>

компаний, прежде всего нефтегазовых «Тоталь», «Газ де Франс», «Эльф Акитен», а также французских промышленных гигантов, ориентирующихся на выполнение так называемых крупных контрактов (сооружение объектов недвижимости и инфраструктуры, поставки и наладка промышленного оборудования «под ключ»): «Буиг», «Томсон», «Текнип» и др. Развивалась правовая основа отношений Франции с тремя странами, под крупные контракты выделялись французские государственные кредиты. В результате по объему товарооборота Франция, хотя и оставалась далеко позади Германии, с 1994 г. стала уверенно обгонять Великобританию. Однако размеры инвестиций оставались незначительными из-за просчетов французских компаний в выборе месторасположений. Только «Тоталь» смогла закрепиться в консорциуме по разработке Кашагана, где она в настоящее время владеет долей 16,8%. Динамика двусторонних отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном оставалась слабой. Объемы экономической помощи Франции странам региона были меньше показателей не только немецкой, но даже британской помощи, что не позволяло закрепить позиции в регионе.

Успехом французской дипломатии можно считать лишь результаты на туркменском направлении, достигнутые в том числе за счет решения Франции, единственной из стран ЕС, выступить спонсором резолюции 1995 г. Генеральной Ассамблеи ООН о «Постоянном нейтралитете Туркменистана», а также поддержки Парижем в случае экономической целесообразности иранского маршрута экспорта туркменского газа. В 1996 г. Франция и Туркменистан даже подписали меморандум о стратегическом партнерстве, а французские власти стали называть Ашхабад важнейшим партнером в Центральной Азии. Была создана двусторонняя рабочая группа по энергоресурсам. Особые выгоды сближения Франции и Туркменистана принес-

ло компании «Буиг», вошедшей в число основных иностранных подрядчиков туркменского правительства.

Конкуренцию в Туркменистане французские нефтегазовые компании в конце 1990-х гг. проиграли американским и британским компаниям, однако, как известно, и те в итоге не смогли договориться с Ашхабадом о строительстве транскаспийского газопровода. Франко-туркменские связи пошли на спад. Рабочая группа была созвана последний раз в ноябре 1998 г. С 2000 г. французские власти стали сокращать объемы помощи. Стратегическое партнерство было в результате скомпрометировано, а дипломатические успехи растеряны, что заметно отличает непоследовательные шаги Франции от последовательных действий Германии в отношении Узбекистана даже в кризисный «постандижанский» период.

Только в конце 1990-х гг. с учетом укрепления радикального режима талибов в Афганистане и обострения военно-политической ситуации в Центральной Азии Париж признал особое значение Ташкента с точки зрения региональной безопасности. С этого времени стали развиваться двусторонние военные связи, укрепляться отношения между органами внутренних дел, работать межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Однако все это не позволило Франции, в отличие от Германии, добиться согласия Узбекистана на постоянное размещение контингента французских ВВС после 11 сентября 2001 г. Реакция Парижа на андижанские события была заметно более осторожной, чем британская, но в то же время более «принципиальной», чем германская. Париж поддержал санкции ЕС, свернул связи в военной сфере и политические контакты на высоком уровне, но не прекратил отношения в других сферах. Объемы французской помощи после 2005 г. оказались лишь немногим меньше докризисных. В результате

отношения все-таки претерпели период взаимного охлаждения.

Более успешным стал поворот в политике Франции на таджикском направлении, имевший место также в конце 1990-х гг. Тогда активизировались двусторонние политические контакты, Франция взяла на себя роль проводника интересов Таджикистана в ЕС, выступая за возобновление программы «ТАСИС» в стране. После 11 сентября основной базой размещения французских военных в Центральной Азии стал аэропорт Душанбе. Было открыто посольство Франции, стали развиваться связи между министерствами обороны и внутренних дел. Экономическая помощь выросла с начала 2000-х гг., однако продолжала значительно уступать даже британским показателям.

Двойственные результаты не всегда последовательной политики предшественников, неиспользованные возможности, конкуренция и более слабые позиции по сравнению с другими ведущими странами Евросоюза, особенно Германией, обусловили заметную активизацию Парижа в Центральной Азии после прихода Н. Саркози к власти в мае 2007 г. Дискуссии во французских официальных кругах начались еще в течение 2005 г. при Ж. Шираке, когда по поручению премьер-министра Ж.-П. Раффарена сенатор Э. де Монтескье, многие годы занимающийся странами Центральной Азии, подготовил комплексный доклад с оценками позиций Франции в регионе и предложениями по их укреплению. Однако тогда, с учетом событий в Кыргызстане и Узбекистане, время для новых инициатив оказалось неудачным. При новом президенте сенатор Э. де Монтескье был назначен специальным представителем президента по Центральной Азии.

Во-первых, был взят курс на укрепление позиций Франции в ведущих странах региона, прежде всего на казахстанском рынке, что было благосклон-

но воспринято Астаной с учетом задач экономической модернизации. С сентября 2007 г. была организована серия встреч на высшем уровне, включая государственный визит Н. Саркози в Казахстан 6 октября 2009 г., задействованы существующие двусторонние форматы и созданы новые, использованы иные дипломатические инструменты, как например, желание Астаны быть председателем в ОБСЕ или обновить договорную базу отношений с Евросоюзом. Итогом стало подписание многочисленных контрактов, среди которых — о поставках 200 железнодорожных локомотивов компанией «Альстом», закупке 45 вертолетов ЕС-145 министерством обороны Казахстана, участии «Газ де Франс» и «Тоталь» в разработке месторождения Хвольнское на севере Каспия. В 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в военной, военно-технической сферах и о военном транзите.

Претерпела коррективы политика Франции на узбекском и туркменском направлениях. Начиная с 2008 г., возобновился регулярный диалог между Францией и Узбекистаном на правительственном уровне с целью восстановления «отношений доверия». Идут переговоры об интенсификации экономических связей, однако значимых решений немного, например, покупка Узбекистаном 10 самолетов А320 компании «Эрбас». В отношении Туркменистана официальный Париж нацелен главным образом на поддержку «Буиг» и других строительных компаний с учетом нового строительного бума в стране после прихода к власти Г. Бердымухамедова, а также обеспечение интересов нефтегазовых компаний «Тоталь» и «Газ де Франс». В феврале 2010 г. состоялся визит Г. Бердымухамедова во Францию, в ходе которого было решено учредить межправительственную комиссию по экономическому сотрудничеству по аналогии с существующими франко-казахстанской и франко-узбекской, а в ее составе — рабочую

группу по энергетике. В последние годы объем заказов «Буиг» в Туркменистане значительно вырос, обеспечивая, по данным французского МИДа, около 50% всего оборота строительного подразделения компании¹⁶ и поспособствовав двукратному росту французского экспорта в Туркменистан в 2009 г. В то же время попытки президента Н. Саркози обеспечить доступ французских компаний к туркменским месторождениям пока успеха не имели.

Во-вторых, Франция стала «играть на поле Германии», больше внимания уделяя реальным проблемам стран региона и используя для этого как двустороннюю, так и многостороннюю дипломатию, особенно институты Евросоюза. Франция совместно с Германией стала координатором инициативы Евросоюза в области верховенства права для Центральной Азии, инаугурация которой прошла в ноябре 2008 г. в Брюсселе. В целом Париж сделал регион одним из приоритетов своего председательства в Евросоюзе во второй половине 2008 г. Тогда под эгидой стратегии ЕС 2007 г. в отношении Центральной Азии Франция организовала также министерские конференции по безопасности (Париж, сентябрь 2008 г.), по управлению границами и борьбе с наркоугрозой (Душанбе, октябрь 2008 г.). Совместный визит глав внешнеполитических ведомств Германии Г. Вестервелле и Франции Б. Кушнера в Ош и Бишкек в июле 2010 г. после известных событий на юге Кыргызстана (и первый визит французского министра иностранных дел вообще в истории двусторонних отношений) можно рассматривать как стремление Парижа закрепить роль Франции в координации европейской политики в Центральной Азии. Как и Великобритания, Франция является донором ЦАРИКЦ, а также за-

нимает активную позицию в отношении деятельности ООН и ОБСЕ в регионе.

В декабре 2009 г. было открыто посольство Франции в Бишкеке, что сделало Францию второй страной ЕС после Германии, представленной во всех странах Центральной Азии. Объемы экономической помощи Франции с приходом Н. Саркози были увеличены. Кратно выросла помощь Таджикистану: 5 млн долл. ежегодно в 2007–2009 гг. против 0,3 млн долл. в течение 2001–2006 гг. В настоящее время Таджикистан — единственное место дислокации французских военных в странах Центральной Азии после того, как Парижу не удалось договориться с киргизскими властями о продлении пребывания французского авиаотряда в новом Центре транзитных перевозок в киргизском Манасе. Другие приоритеты программ экономического содействия со стороны Франции — Казахстан (3,3 млн долл. в течение 2007–2009 гг.) и Узбекистан (2,9 млн долл.). Помощь Туркменистану незначительна и эквивалентна объему британской помощи. Двусторонняя дипломатия Франции остается слабой по сравнению с политикой Германии и Великобритании с точки зрения выделяемых экономических ресурсов. Помощь Кыргызстану держится на сравнительно низком уровне — около 1 млн ежегодно в 2007–2009 гг. Общие объемы французской помощи по-прежнему значительно ниже британской. Судя по косвенным данным, в течение 2010 г. деятельность Французского агентства развития, главного агента официальной французской политики развития, расширилась, однако ни регион Центральной Азии, ни отдельные страны так и не стали ее приоритетом.

Заключение

В целом в центральноазиатской политике Германии, Великобритании и Франции отсутствуют некие особые интересы и позиции, которые бы существенно препятствовали выработке общего курса в рамках Европейского Союза. Одновре-

¹⁶ La France et le Turkménistan. Présentation. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo_833/turkmenistan_467/france-turkmenistan_1248/presentation_5474/presentation_14981.html

менно наличие специфических интересов и разные акценты в общей структуре интересов определяют неодинаковый набор страновых приоритетов и разные объемы выделяемых ресурсов в региональной политике Берлина, Лондона и Парижа. Среди трех стран наиболее прочные позиции в Центральной Азии сохраняет Германия, движимая комплексом внешнеполитических, экономических, военных и гума-

нитарных интересов. Конкуренция за казахстанский рынок и за доступ к ресурсам Туркменистана, обострившаяся между европейскими странами в последние годы, является неизбежным структурным аспектом, ослабляющим общую внешнюю деятельность ЕС, но не мешающим согласованию позиций и действий как внутри Евросоюза, так и в других международных форматах.

ПОЛИТИКА США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОДХОДЫ ВТОРОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША (2005–2009 ГГ.) И Б. ОБАМЫ (2009–2010 ГГ.)

Е.Ф. Троицкий

Фактический разрыв летом 2005 г. альянса между Вашингтоном и Ташкентом, лежавшего в основе американской политики в Центральной Азии в 2001–2004 гг., привел к выдворению американской военной базы из Узбекистана и способствовал усилению российских и китайских позиций в регионе. В этих условиях администрация США предприняла ряд «пожарных» мер, за которыми последовала комплексная переоценка целей и приоритетов региональной политики. Уже в конце июля 2005 г. министр обороны Д. Рамсфелд посетил Киргизию и Таджикистан, после чего Бишкек заявил, что авиабаза в Манасе продолжит функционирование, а руководство Таджикистана подтвердило, что поддерживает действия США в Афганистане и сохраняет за антитеррористической коалицией право на использование воздушного пространства страны¹. 1 августа было опубликовано письмо Дж. Буша Н.А. Назарбаеву, в котором выражалось намерение «расширить сотрудничество» с Астаной и была дана высокая оценка экономическим и политическим достижениям Казахстана².

Осенью 2005 г. — весной 2006 г. в Вашингтоне была разработана новая концепция политики на центрально-

азиатском направлении. Ее основным идейным источником стали работы влиятельного американского эксперта по региональной проблематике Ф. Старра, опубликованные весной — летом 2005 г.³ Старр, сделав вывод о начавшемся формировании «Большой Центральной Азии» — нового региона, охватывающего Афганистан и государства Центральной Азии, высказал мнение о необходимости разработки администрацией США общерегионального компонента политики в отношении этих стран. По оценке Старра, основу нового этапа американской политики должны были составить усилия, направленные на форсированное развитие торговых и транспортных связей между странами Центральной Азии и Афганистаном. Выступив в качестве «повивальной бабки при возрождении целого региона», США могли бы закрепить достигнутые в Афганистане успехи, придать странам «Большой Центральной Азии» запас прочности, позволяющий противостоять угрозе со стороны радикальных исламских группировок, и решить важную геостратегическую задачу — не допустить, чтобы в регионе доминировало «какое-либо одно государство»⁴.

Переняв и переформулировав ряд положений концепции Старра, госдепартамент США заявил в апреле 2006 г.,

¹ Socor V. Rumsfeld Visit Firms Up Kyrgyz, Tajik Commitments to U.S.-Led Coalition // Eurasia Daily Monitor. 2005. July 28. URL: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=30722.

² Daly J., Meppen K., Socor V., Starr F. Anatomy of a Crisis: US — Uzbekistan Relations, 2001–2006. Wash., D.C., 2006. P. 55.

³ Starr F. 'A Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. Wash., D.C., 2005; Starr F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. № 4. P. 164–178.

⁴ Starr F. 'A Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. P. 16–17.

что содействие «региональной экономической интеграции», наряду с обеспечением американских интересов в сфере безопасности и поддержкой демократических и рыночных реформ, становится одной из основных целей политики Вашингтона в Центральной Азии⁵. Под «интеграцией» понималось развитие «трансграничных экономических связей» между Центральной и Южной Азией, опирающееся на новую роль Афганистана — «моста», соединяющего два региона⁶. Хотя администрация США подчеркивала, что не стремится подорвать существующие отношения между центральноазиатскими государствами и их «традиционными торговыми и стратегическими партнерами»⁷, фактически Вашингтон поставил масштабную и амбициозную задачу: создать альтернативу интеграционным проектам, осуществляемым Россией в регионе, ограничить роль Китая в Центральной Азии и способствовать формированию макрорегиона «Южная и Центральная Азия», где США, опираясь на контроль над Афганистаном и сотрудничество с Дели и Исламабадом, располагали бы значительным, а возможно, и преобладающим, влиянием. Показательно, что одновременно в заявлениях представителей госдепартамента стал делаться акцент на поддержке суверенитета и независимости центральноазиатских стран, причем

интеграция с Южной Азией и укрепление суверенитета рассматривались как взаимосвязанные процессы («больше выбора» — «больше возможностей и, следовательно, больше независимости»⁸).

Новая концепция американской политики в Центральной Азии успела вызвать резонанс и негативную реакцию в России и Китае, но фактически не стала для Вашингтона руководством к действию. Уже летом 2006 г. была отмечена неожиданная для американских военных резкая активизация движения «Талибан», оказавшаяся началом раскручивания нового витка конфликта между так называемым повстанческим синдикатом (талибами и рядом как связанных с ними, так и автономных афганских и пакистанских группировок) и силами антитеррористической коалиции и Афганской национальной армии⁹. Осенью 2007 г. администрация США признала, что ситуация в Афганистане развивается в неблагоприятном направлении¹⁰, а в сентябре 2008 г. была вынуждена приступить к пересмотру стратегии действий на афгано-пакистанском фронте войны с терроризмом¹¹. Увеличения в 2007–2008 гг. численности американского контингента и сил НАТО в Афганистане на 10 тыс. человек оказалось недостаточно для того, чтобы переломить негативные тенденции¹².

В этих условиях раздающиеся из Вашингтона заявления о необходимости экономической интеграции стран Центральной Азии с Афганистаном выглядели как оторванные от реальности схемы. Новая концепция осталась не подкре-

⁵ Boucher R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia, April 26, 2006. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm>

⁶ Feigenbaum E. Approach to Central Asia. Remarks at the Central Asia — Caucasus Institute, February 6, 2007; Boucher R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2007/80245.htm>

⁷ Feigenbaum E. Regional Economic Integration. Remarks to Participants of the Third Annual Meeting of the U.S. — Central Asia Trade and Investment Framework Agreement, Wash., D.C., July 18, 2007. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2007/88855.htm>

⁸ Ibid.

⁹ См.: Dale C. War in Afghanistan: Strategy, Military Operations, and Issues for Congress. CRS Report for Congress, January 23, 2009. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/115985.pdf>

¹⁰ Katzman K. Afghanistan: Post-War Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report for Congress, February 15, 2008. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/102631.pdf>

¹¹ The New York Times. 2008. December 7.

¹² Dale C. Op. cit.

пленной инструментами и механизмами реализации. Единственной переменной, призванной отразить «сдвиг стратегического ландшафта»¹³, явилось перераспределение обязанностей в госдепартаменте: центральноазиатские государства, с 1992 г. «курируемые» Управлением по европейским и евроазиатским делам, были переданы в ведение нового Управления, отвечающего за Южную и Центральную Азию¹⁴. Общий объем американской помощи, предоставленной странам Центральной Азии в 2006–2008 гг. (818 млн долл.), был на 13% меньше, чем в 2003–2005 гг. (944 млн долл.)¹⁵. При этом средства стали еще больше концентрироваться на финансировании программ в сфере безопасности: если в 2003–2005 гг. на эти цели ушло 42% общей суммы ассигнований, а на содействие экономическим и социальным реформам — 24%, то в 2006–2008 гг. — соответственно 63 и 18%¹⁶. На практике поддержка, оказанная Вашингтоном развитию экономического сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии, ограничилась предоставлением небольших грантов на разработку технико-экономических обоснований проектов экспорта электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан и финансированием строительства автомобильного моста через реку Пяндж, разделяющую Таджикистан и Афганистан¹⁷.

Заявляя о намерении помочь странам Центральной Азии «интегрироваться друг с другом и с соседями»¹⁸, администрация США предпочитала «не замечать» уже действующие в регионе механизмы многостороннего военно-политического и экономического сотрудничества. Вашингтон и руководство НАТО подчеркнуто игнорировали попытки Секретариата ОДКБ установить контакты с Североатлантическим альянсом¹⁹. США отказались поддержать проект Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, поскольку в документе содержалось положение, сохраняющее в силе права и обязанности сторон по Договору о коллективной безопасности; более того, Вашингтон попытался воспрепятствовать присутствию на церемонии подписания договора о безъядерной зоне представителей ООН²⁰. Администрация США демонстрировала скептическое отношение к деятельности и перспективам ШОС, заявляя, что не видит «конкретных достижений» этой организации и не вполне понимает, чем вообще занимается эта структура²¹. Рассуждая об экономическом развитии Центральной Азии, американские официальные лица даже не упоминали о существовании ЕврАзЭС.

В 2006–2008 гг. основные усилия Вашингтона на центральноазиатском направлении сосредоточились на поддержании политического диалога с

¹³ Boucher R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities.

¹⁴ U.S. Department of State. Media Note, February 9, 2006. The Bureau of South and Central Asian Affairs. URL: <http://merln.ndu.edu/archivepdf/centasia/State/60885.pdf>

¹⁵ См.: Nichol J. Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress, March 11, 2010. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/139241.pdf>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См.: Boucher R. Electricity beyond Borders: A Central Asia Power Sector Forum. Istanbul, June 13, 2006. URL: <http://newdelhi.usembassy.gov/pr061306.html>; Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. Сотрудничество Республики Таджикистан

с Соединенными Штатами Америки. URL: <http://mfa.tj/index.php?node=article&id=256>

¹⁸ Feigenbaum E. Approach to Central Asia.

¹⁹ См.: Симмонс Р. Интервью газете «Коммерсант» // Коммерсант. 07.03.2008.

²⁰ См.: Кутнаева Н., Ахтамзян И. О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии // Индекс безопасности. 2007. № 1. С. 131–136; Parish S., Potter W. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite U.S. Opposition. URL: <http://cns.miis.edu/stories/060905.htm>

²¹ Feigenbaum E. The Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia. Remarks at the Nixon Center, Washington D.C., September 6, 2007. URL: http://dushanbe.usembassy.gov/sp_09062007.html

Казахстаном и сотрудничестве с Астаной в усовершенствовании пограничного и таможенного контроля, подготовке офицерских кадров, перевооружении вооруженных сил и развитии военно-морского флота, реализации программы Нанна — Лугара. Администрация США не только не скупилась на похвалы казахстанскому руководству, но и недвусмысленно признала лидерство Астаны в Центральной Азии²². В мае 2006 г. Казахстан был удостоен второго в истории двусторонних отношений визита вице-президента США; в сентябре 2006 г. Н.А. Назарбаев нанес официальный визит в Вашингтон, став единственным из глав государств региона, принятым в Белом доме в течение второго президентского срока Дж. Буша. В конце 2007 г. Казахстан добился от администрации США крупного политикосимволического «бонуса» — согласия на председательство Астаны в 2010 г. в ОБСЕ.

Хотя госдепартамент США ежегодно сообщал конгрессу, что ситуация с соблюдением прав человека в Казахстане не улучшается, ограничения на оказание помощи Астане каждый раз снимались по соображениям национальной безопасности. Из общего объема помощи, выделенной центральноазиатским государствам в 2006/2008 финансовом году, на Казахстан пришлась наибольшая доля — 38,5%; при этом Астана получила 57% средств, потраченных на страны региона в рамках программы «Зарубежное военное финансирование»²³.

После закрытия базы под Ханабатом были фактически «заморожены» американо-узбекские отношения. В результате действия ограничений на оказание помощи Узбекистану ее общий объ-

ем сократился в 2006–2008 гг. в 2,4 раза по сравнению с 2003–2005 гг.²⁴ Только в 2008 г., под влиянием новой ревизии внешнеполитических приоритетов, предпринятой узбекским руководством, в двусторонних отношениях обозначилось осторожное потепление: в январе 2008 г., после визита в Ташкент главы Центрального командования вооруженных сил США (СЕНТКОМ) У. Фаллона, американскому военному персоналу, находящемуся под командованием НАТО, было разрешено останавливаться на пути в Афганистан на действующей в стране немецкой военной базе²⁵.

Убедившись, что борьба за власть, развернувшаяся в Бишкеке после свержения в марте 2005 г. А. Акаева, оттеснила на второстепенные роли политиков, имеющих в Вашингтоне репутацию либерально настроенных, симпатизирующих Америке деятелей, администрация США подчинила отношения с Бишкеком задаче сохранения доступа к авиабазе в Манасе. В конце 2005 г. новое киргизское руководство, откровенно рассматривающее Вашингтон как «дойную корову», потребовало стократного (с 2 до 200 млн долл. в год) повышения арендной платы. В июле 2006 г., после нескольких месяцев напряженных переговоров, США и Киргизия подписали новое пятилетнее соглашение об условиях использования базы, предусматривающее повышение арендной платы до 17,6 млн долл. в год²⁶. Администрация США «закрывает глаза» на теневые схемы снабжения авиабазы топливом, работавшие непосредственно на обогащение членов семьи и ближайшего окружения

²² Rice C. Remarks at Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, October 13, 2005. URL: <http://merln.ndu.edu/archivepdf/centasia/State/54913.pdf>

²³ Nichol J. Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress, March 11, 2010; CDI. Kazakhstan. URL: <http://www.cdi.org/pdfs/kazakhstan.pdf>

²⁴ Nichol J. Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress, March 11, 2010.

²⁵ Spratlen P. Press Conference on U.S. — Kyrgyz Relations. Bishkek, March 18, 2008. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/2008/102900.htm>

²⁶ Nichol J. Kyrgyzstan and the Status of the U.S. Manas Airbase: Context and Implications. CRS Report for Congress, July 1, 2009. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R40564.pdf>

Бакиева²⁷. Бишкек, тем не менее, продолжал «торговать» обещаниями выдворить американских военных из Манаса, пытаясь добиться кредитов и инвестиций от России.

Отношения с Душанбе поддерживались Вашингтоном на уровне, достигнутом в первой половине 2000-х гг.; по общему объему помощи, полученной от Соединенных Штатов, Таджикистан занял в 2006–2008 гг. второе место среди центральноазиатских государств, незначительно опередив Киргизию²⁸. Однако в целом политика США в Центральной Азии при второй администрации Дж. Буша приобрела инерционный характер: сотрудничество с Астаной и Душанбе и следовавшая за смертью С. Ниязова активизация официальных контактов с Ашхабадом²⁹ не могли компенсировать фактического разрыва американо-узбекского партнерства и стратегического «проигрыша» России и Китаю. Показательно, что лишь в марте 2008 г. Вашингтон, признав, что в прикаспийских странах появились «новые возможности» для экспорта нефти и газа, вновь учредил должность пост специального посланника по евразийской энергетике, упраздненную в 2004 г.³⁰

²⁷ См.: International Crisis Group. *Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses*. Bishkek / Brussels, 2010.

²⁸ Nichol J. *Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests*. CRS Report for Congress, March 11, 2010.

²⁹ См.: Feigenbaum E. "Turning the Page" in U.S. Turkmenistan Relations. Remarks at the Carnegie Endowment for International Peace, Wash., D.C., September 17, 2007. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2007/92861.htm>; Reuters, September 27, 2007; Информационный сайт «Гундогар», 26 сентября 2007 г. Президент Туркменистана провел переговоры с госсекретарем США. URL: http://gundogar.org/?topic_id=25;year=2007;month=9.

³⁰ Nichol J. *Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests*. CRS Issue Brief for Congress, June 11, 2008. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/108078.pdf>

Администрация Б. Обамы, пришедшая к власти на фоне широкого общественного недовольства результатами правления республиканцев, незамедлительно приступила к ревизии приоритетов и инструментов американской внешней политики. Было заявлено о намерении отойти от практики чрезмерной опоры на односторонние действия и силовое принуждение, широко использовать «умную силу» — «полный спектр дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных инструментов», восстановить подорванные союзнические и партнерские отношения и работать над созданием более позитивного образа США за рубежом, прежде всего в исламском мире³¹. Вашингтон инициировал «перезагрузку» отношений с Россией и создание нового формата взаимодействия с Китаем — «Стратегического и экономического диалога»³².

Администрация Б. Обамы, признав, что ситуация в Афганистане, «не получившем... необходимого стратегического внимания и ресурсов», «становится все более опасной», объявила Афганистан и Пакистан «центральным фронтом борьбы с терроризмом» и «высшим приоритетом» Вашингтона³³. Уже в феврале 2009 г. было принято решение об увеличении численности американских сил в Афганистане на 17 тыс. человек (почти на 35%), а в марте — об отправке на афганский фронт еще 4 тыс. военнос-

³¹ Clinton H. Statement before the Senate Foreign Relations Committee at Nomination Hearing, January 13, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm>

³² Washington Post. 2009. February 8; The White House. Statement on Bilateral Meeting with President Hu of China, April 1, 2009. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Statement-On-Bilateral-Meeting-With-President-Hu-Of-China/

³³ The New York Times. 2009. February 17; Obama B. Remarks on New Strategy for Afghanistan and Pakistan // The New York Times. 2009. March 27; Clinton H. Statement before the Senate Foreign Relations Committee at Nomination Hearing, January 13, 2009.

лужащих³⁴. 1 декабря 2009 г. Б. Обама, подводя итог пересмотру стратегии действий США на афгано-пакистанском направлении, объявил, что принял решение увеличить численность американского контингента в Афганистане на 30 тыс. военнослужащих (с 68 до 98 тыс. человек)³⁵.

Необходимость наращивания военного присутствия в Афганистане повысила заинтересованность Вашингтона в поддержке со стороны центральноазиатских государств. Столкнувшись с участвовавшими нападениями на автоколонны, доставляющие грузы для американских войск, на северо-западе Пакистана и учитывая высокую стоимость авиаперевозок, СЕНТКОМ в октябре 2008 г. утвердило план создания Северной сети доставки (ССД) невоенных грузов в Афганистан, состоящей из автомобильных и железнодорожных маршрутов, проходящих через Центральную Азию³⁶. В январе — феврале 2009 г. командующий СЕНТКОМ Д. Петреус, посетив все пять стран региона, провел переговоры об их присоединении к ССД. Стремясь заручиться содействием руководства центральноазиатских государств, Вашингтон пообещал, что значительная часть товаров, необходимых для обеспечения американских сил в Афганистане, будет приобретаться в странах региона³⁷.

Миссия Петреуса завершилась успешно: Казахстан, Узбекистан и Таджикистан дали согласие на автомобильный и железнодорожный транзит невоенных грузов в Афганистан, а Туркменистан, ссылаясь на нейтральный статус, — на открытие воздушных коридоров для гуманитарных поставок. В марте 2009 г. первая партия невоенных грузов, предназначенных для американского контингента, была доставлена в Афганистан по маршруту Латвия — Россия (соответствующая договоренность с которой была достигнута еще в апреле 2008 г.) — Казахстан — Узбекистан³⁸. В апреле, выступая на слушаниях в комитете Сената по вооруженным силам, Петреус сообщил, что ССД, призванная сократить расходы на снабжение развернутых в Афганистане сил и снизить зависимость от маршрутов транспортировки, проходящих через пакистанскую территорию, начала действовать³⁹.

Одновременно Вашингтон был вынужден начать переговоры с Киргизией о пересмотре условий использования авиабазы в Манасе. Уже через несколько дней после того, как К. Бакиев заявил во время визита в Москву, что Бишкек твердо решил закрыть американскую базу, киргизское руководство дало понять Вашингтону, что проблема сохранения доступа к Манасу вполне решаема и является «чисто финансовой»⁴⁰. Администрация США спокойно отреагировала на заявления Киргизии, указав, что

³⁴ The New York Times. 2009. February 17; Bowman S., Dale C. War in Afghanistan: Strategy, Military Operations, and Issues for Congress. CRS Report for Congress, February 25, 2010. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/139352.pdf>

³⁵ Obama B. Remarks in Address to the Nation on the Way Forward in Afghanistan and Pakistan. December 1, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-address-nation-way-forward-afghanistan-and-pakistan>

³⁶ См.: Kuchins A., Sanderson Th., Gordon D. The Northern Distribution Network and the Modern Silk Road: Planning for Afghanistan's Future. Wash., D.C., 2009. P. 8–9.

³⁷ Nichol J. Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress, March 11, 2010.

³⁸ Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. CRS Issue Brief for Congress, January 11, 2010. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/137256.pdf>

³⁹ Petraeus D. Statement before the Senate Armed Services Committee on the Afghanistan — Pakistan Strategic Review and the Posture of U.S. Central Command. April 1, 2009. URL: <http://armed-services.senate.gov/statemnt/2009/April/Petraeus%2004-01-09.pdf>

⁴⁰ См.: International Crisis Group. Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses. Bishkek / Brussels, 2010.

Вашингтон готов платить больше, но не «чрезмерную» цену, поскольку Манас «важен, но не незаменим»⁴¹, и воздержалась от гневных инвектив в адрес России, подтолкнувшей Бишкек к расторжению действовавших договоренностей. В июне 2009 г. США и Киргизия подписали новое соглашение, по которому американская сторона обязалась повысить арендную плату до 60 млн долл. в год и вложить 66 млн долл. в обновление инфраструктуры авиабазы (переименованной в Центр транзитных перевозок). Документ был заключен на один год и предусматривал автоматическое продление, если ни одна из сторон не заявит, не позднее чем за 180 дней до истечения срока действия, о его расторжении. В июле 2009 г. Киргизия, кроме того, вошла в число участников ССД⁴².

Администрация Обамы активизировала политический диалог со странами Центральной Азии. В апреле 2009 г. президент США, участвуя в Стамбульском форуме «Альянса цивилизаций», встретился с председателем верхней палаты парламента Казахстана К.К. Токаевым. В беседе с Токаевым Б. Обама подтвердил, что американо-казахстанские отношения носят «стратегический характер», и заявил, что планирует нанести визит в страны Центральной Азии, прежде всего в Казахстан⁴³. В мае 2009 г. в Вашингтоне побывал министр иностранных дел Казахстана, а в июле поездку по странам региона совершила делегация госдепартамента США, возглавляемая заместителем госсекретаря по политическим вопросам У. Бернсом. В сентябре в рамках работы Генеральной ассамблеи ООН со-

стоялись встречи госсекретаря Х. Клинтон с Э. Рахмоном и Г. Бердымухамедовым⁴⁴.

Результатом первых контактов между администрацией Обамы и руководством центральноазиатских государств стало учреждение нового механизма взаимодействия — ежегодных двусторонних консультаций, призванных охватить «полный спектр» вопросов, составляющих повестку дня отношений между США и каждой из стран региона: от проблем безопасности до сотрудничества в сферах здравоохранения и образования⁴⁵. Вашингтон приглушил критику стран Центральной Азии за нарушения прав человека: обращаясь к руководству государств региона, администрация США подчеркнула, что «не претендует на монополию на мудрость» и не собирается «навязывать свою систему»⁴⁶. Было решено расширить помощь центральноазиатским государствам: общий объем средств, выделенных на 2010 г. на реализацию программ помощи, координируемых госдепартаментом, был увеличен на 59% по сравнению с 2009 г. (с 99 до 157 млн долл.) Рост ассигнований коснулся всех стран региона, кроме Казахстана (помощь которому начала постепенно сворачиваться благодаря достигнутой страной экономическим успехам); при этом Таджикистану и Киргизии на 2010 г. было выделено в 1,7 раза больше средств,

⁴¹ Nichol J. Kyrgyzstan and the Status of the U.S. Manas Airbase: Context and Implications. CRS Report for Congress, July 1, 2009.

⁴² Ibid.

⁴³ Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенными Штатами Америки. URL: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35

⁴⁴ Президент Туркменистана встретился с государственным секретарем США. URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/_en/?idr=1&id=090923a; Информационная служба «Авеста», 25.09.2009. Э. Рахмон: «Развитие отношений с США является приоритетом внешней политики Таджикистана». URL: <http://www.avesta.tj/index.php?newsid=2424>

⁴⁵ Blake R. Remarks on the Occasion of the Launch of the Congressional Caucus on Central Asia. November 18, 2009. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/132127.htm>

⁴⁶ Burns W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. — Central Asia Economic Ties. Remarks at U.S. Chamber of Commerce, October 7, 2009. URL: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

чем на 2009 г.⁴⁷, а Туркменистану, вступившему, по оценке госдепартамента, на «позитивную траекторию реформ»⁴⁸, — в 1,9 раза больше. Кроме того, в октябре 2009 г. конгресс, как и обещала администрация, разрешил министерству обороны в течение трех лет приобретать «товары и услуги, произведенные в странах, расположенных вдоль основного пути снабжения Афганистана»⁴⁹, фактически предоставив исполнительной власти еще один экономический инструмент воздействия на государства Центральной Азии, Закавказья и Пакистан.

Приоритетом центральноазиатской политики администрации Обамы стало преодоление кризиса в отношениях с Узбекистаном. Представители госдепартамента сообщили узбекскому руководству, что Вашингтон готов, опираясь на «общие интересы и взаимное уважение», «усилить связи» с Ташкентом и совместно «проработать разногласия»⁵⁰; узбекское руководство, в свою очередь, дало высокую оценку «прагматизму», проявленному администрацией Обамы «по отношению к так называемой политике распространения демократии»⁵¹. Узбекистан вновь разрешил Соединенным Штатам использовать свое воздушное пространство для поставок в Афганистан грузов военного назначения⁵². В ав-

густе 2009 г. СЕНТКОМ и Министерство обороны Узбекистана подписали соглашение, предусматривающее возобновление взаимодействия в подготовке военных кадров; вскоре конгресс вывел эту сферу сотрудничества из-под действия ограничений на оказание помощи Ташкенту⁵³. В октябре Вашингтон поддержал предоставление государственной железнодорожной компании Узбекистана права на строительство узбекско-афганской железной дороги Хайратон — Мазари-Шариф, профинансировать которое согласился Азиатский банк развития⁵⁴. В конце 2009 г. США и Узбекистан провели первые ежегодные двусторонние консультации, завершившиеся принятием плана сотрудничества на 2010 г., предусматривающего, в частности, возобновление поставок в Узбекистан американской военной техники и снаряжения в рамках программы «Зарубежное военное финансирование» и расширение взаимодействия в борьбе с терроризмом и распространением ОМП⁵⁵.

Наконец, определившись со стратегией действий в Афганистане, Вашингтон сформулировал в середине декабря 2009 г. цели политики в отношении стран Центральной Азии. Подчеркнув, что администрация Обамы рассматривает регион как один из внешнеполитических приоритетов, госдепартамент заявил, что Соединенные Штаты стремятся «расширить сотрудничество с центральноазиатскими государствами, направленное на поддержку действий коалиции... в Афганистане и Пакистане» (в том числе повысить «возможности и надежность» Северной сети доставки), обеспечить «развитие и диверсификацию энер-

⁴⁷ Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. CRS Issue Brief for Congress, January 11, 2010.

⁴⁸ Цит. по: Nichol J. Turkmenistan: Recent Developments and U.S. Interests. CRS Report for Congress, September 10, 2009. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/130256.pdf>

⁴⁹ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2010. URL: <http://asafm.army.mil/Documents/OtherDocuments/CongInfo/BLDL/PL/10AUTHpl.pdf>

⁵⁰ Blake R. Uzbekistan — U.S. Relations. Tashkent, October 14, 2009. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/130577.hrm>

⁵¹ См.: Ташкент позитивно отреагировал на обращение Б. Обамы к мусульманскому миру. URL: <http://www.ca-news.org/nes/158551>

⁵² Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. CRS Issue Brief for Congress, January 11, 2010.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Центральноазиатский гуманитарно-информационный центр «Фергана.ру». 01.12.2009. Зачем Узбекистану афганская железная дорога? URL: <http://ferghana.ru/article.php?id=6390>

⁵⁵ Nichol J. Central Asia's Security Issues and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress, March 11, 2010.

гетических ресурсов региона и путей их транспортировки», содействовать «политической либерализации и соблюдению прав человека», стимулировать формирование в странах Центральной Азии «конкурентоспособной рыночной экономики» и предотвратить появление в регионе «несостоявшихся государств»⁵⁶. Фактически новое руководство департамента синтезировало цели и задачи, которые ставили на региональном направлении предшествующие администрации, наполнив их более конкретным, прагматическим и приближенным к интересам стран региона содержанием. «Градус» демократической риторики был снижен оговоркой, что, содействуя политической либерализации, Вашингтон настроен на «долгосрочные результаты», возможность для достижения которых появится с «развитием более содержательных... отношений со странами региона в сферах взаимных интересов»⁵⁷. Администрация Обамы подтвердила, что США по-прежнему намерены способствовать расширению связей между Южной и Центральной Азией и превращению Афганистана и Пакистана в «мост», соединяющий два региона, но, признав, что для реализации этой перспективы «предстоит еще многое сделать», не стала включать тезис о содействии межрегиональной интеграции в обновленный перечень целей и задач американской политики в Центральной Азии⁵⁸.

Конкретизируя заявление о готовности оказать содействие развитию энергетического потенциала стран

Центральной Азии, новые «кураторы» региональной политики Вашингтона выразили политическую поддержку созданию «южного коридора» доставки природного газа в Европу, в том числе намерению построить транскаспийский газопровод, расширению нефтепровода Тенгиз — Новороссийск и развитию Казахстанско-Каспийской системы транспортировки, и подтвердили, что США по-прежнему не видят возможности допустить Иран к участию в транзите каспийских энергоресурсов⁵⁹. В то же время администрация Обамы дала понять, что Вашингтон будет играть «вспомогательную, а не ведущую роль в обеспечении энергетической безопасности Европы и развитии нефтегазового потенциала Каспия», а основные усилия в этом направлении должны предпринимать руководство ЕС и правительства заинтересованных государств⁶⁰.

В 2010 г. администрация Обамы, воздерживаясь от громких заявлений и политизированной риторики⁶¹, достигла успехов на ряде двусторонних направлений региональной политики. В ноябре 2010 г. было заключено американо-казахстанское соглашение о воздушном транзите военных грузов в Афганистан, а Астана присоединилась к числу стран, участвующих в развернутых в Афганистане Международных силах содействия безопасности⁶². «Размораживание» американо-узбекских отношений позволило заключить с Ташкентом соглашение о сотрудничестве в сфере науки и тех-

⁵⁶ Krol G. Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee on Near Eastern and South and Central Asian Affairs, December 15, 2009. URL: <http://foreign.senate.gov/imo/media/doc/KrolTestimony091215a1.pdf>

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ См.: Blake R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, September 9, 2009. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/index.htm>; Krol G. Op. cit.

⁵⁹ Krol G. Op. cit.; Morningstar R. 2010 Outlook for Eurasian Energy. Remarks at the Center for American Progress, January 28, 2010. URL: <http://www.state.gov/s/eee/rmk/136141.htm>

⁶⁰ Morningstar R. 2010 Outlook for Eurasian Energy.

⁶¹ Показательно, что ни Центральная Азия, ни Каспийский регион не упоминаются в «Стратегии национальной безопасности» США, принятой в мае 2010 г.

⁶² U.S. Department of State. Media Note, November 12, 2010. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/11/150867.htm>

ники⁶³. Новое киргизское руководство, пришедшее к власти после свержения в апреле 2010 г. режима К. Бакиева, продолжило аренду Центра транзитных перевозок в Манасе.

В целом в 2000-е гг. американская политика в Центральной Азии отличалась неровной динамикой и приводила к неоднозначным последствиям. После событий 11 сентября 2001 г. американское присутствие и влияние в регионе «скачкообразно» усилилось; сотрудничество с Вашингтоном позволило центральноазиатским странам, в первую очередь Узбекистану, существенно расширить и резко интенсифицировать внешние связи в сфере безопасности, ускорив завершение трансформации региона в международную подсистему. Во второй половине 2000-х гг. позиции США в Центральной Азии ослабли: «увязнув» в Ираке, оттолкнув от себя Ташкент и не проявив готовности к значительным финансовым вливаниям в экономику центральноазиатских стран, Вашингтон не смог выработать адекватный ответ ни действиям России в регионе, ни, в особенности, ки-

тайскому экономическому напору. Тем не менее сохранился фундамент американского влияния в Центральной Азии — военное присутствие в Афганистане, препятствующее втягиванию региона в афгано-пакистанскую зону нестабильности, и заинтересованность Астаны и Ташкента в балансировании отношений с Россией и Китаем, сотрудничестве с Вашингтоном и американской поддержке собственных целей, преследуемых на международной арене и в региональном масштабе. Остались связи и каналы взаимодействия, сформировавшиеся между Вашингтоном и правящими кругами центральноазиатских государств при подготовке и развертывании афганской кампании, реализации программ помощи странам региона и осуществлении крупных инвестиционных проектов в Казахстане, а в американском политико-академическом сообществе сложилось устойчивое представление о Центральной Азии как стратегически важном для США регионе. Соответственно, был сохранен потенциал, позволивший администрации Обамы сделать первые шаги к реформированию и активизации регионального направления американской внешней политики.

⁶³ U.S. Department of State. Fact Sheet, December 2, 2010. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/12/152267.htm>

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ 2000-Х ГГ.

Е.В. Савкович

В конце 2000-х гг. в региональной политике как КНР, так и государств Центральной Азии произошли существенные изменения, которые повлияли и повлияют в дальнейшем и на динамику двусторонних и многосторонних отношений (прямо или опосредованно). Оказалось, что иногда стороны не успевают отреагировать на быстрые изменения геополитической ситуации. Кроме того, регион продолжает в силу ряда причин оставаться далеким от стабильности. На этом фоне Китай расширяет региональное влияние за счет реализации новых двусторонних, многосторонних и собственно китайских проектов.

Итак, попробуем выделить основные изменения, произошедшие в мировой и региональной политике к концу 2000-х гг., которые отразились на отношениях по линии КНР — Центральная Азия. В задачи исследования не входит рассмотрение степени влияния того или иного события на региональную подсистему международных отношений, лишь на аспекты двустороннего взаимодействия.

Главным фактором, который повлиял на региональное экономическое взаимодействие в конце 2000-х гг., стал мировой финансовый кризис. В основном он сказался на двусторонней торговле. При этом для КНР и государств Центральной Азии появились и новые возможности, в частности продолжился поиск новых моделей, форм и сфер сотрудничества. Параллельно государства искали собственные варианты выхода из кризиса. Китайская экономика при значительных вливаниях продемонстрировала возможности со-

хранения достаточно высоких темпов экономического роста. Государства Центральной Азии (кроме Узбекистана и частично — Туркменистана) пострадали значительно. Особенно от кризиса пострадали более «открытые экономики», в частности, Республика Казахстан (РК)¹. Казахстан долгое время оставался лидером в регионе по многим макроэкономическим показателям, в частности, по темпам роста ВВП, которые в 2000–2007 гг. составляли более 10%², однако в 2008 г. упали до 3,2%. Прогнозы на 2009 г. были еще хуже — около 1%. За первые 9 месяцев 2009 г. внешняя торговля сократилась на 40,7% по сравнению с предыдущим годом³. Пострадал и тесно связанный с РК товарный рынок Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) — его показатели по внешней торговле также демонстрировали примерно аналогичную картину (сокращение внешней торговли на 40,2%)⁴. Коснулся кризис и банковских и финансовых учреждений Казахстана. Однако уже во второй половине года намечилось некоторое «оживление» общей экономической ситуации.

¹ Фань Чжипин. 2008–2010: Синьцзян чжоубянь синьшитай (СУАР: Ситуация по периметру границ в 2008–2010 гг.) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Вестник Академии общественных наук СУАР). 2010. № 5. С. 55.

² Данные Межгосударственного статистического комитета СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/.12.05.10>

³ Там же.

⁴ 2009 нянь Синьцзян дуйвай маои чшисюй сяцзян (В 2009 г. внешнеторговый оборот СУАР продолжает снижаться) // Национальный Комитет КНР по развитию и реформе. URL: http://dqs.ndrc.gov.cn/gzdt/t20100119_325462.htm 03.10.2010.

Экономике Республики Узбекистан (РУз), благодаря выбранной экономической модели развития, удалось не только справиться с кризисом, но и выйти на новые показатели роста — так, за первую половину 2009 г. было привлечено иностранных инвестиций на сумму более 1,2 млрд долл.⁵ Рост ВВП в первом полугодии 2009 г. составил 8%⁶, в итоге за год достигнув цифры в 8,1%⁷. Рост промышленного производства составил 9%, для машиностроения и металлообработки динамика составила 17,4% в химической и нефтехимической отрасли — 11%⁸. Инвестиции в основной капитал выросли на 24,8%⁹. Общая сумма товарооборота составила 21,2 млрд долл. при небольшом сокращении импорта. Сократилось положительное сальдо внешнеторгового баланса — с 4,07 млрд до 2,33 млрд долл.¹⁰

Что касается экономики Республики Кыргызстан, то часть показателей имела тенденцию к росту, в то время как другая — к снижению. Снизились инвестиции в капитальное строительство, сократились объемы внешней торговли, на

0,9% сократился ВВП. Как отмечают китайские специалисты, за последние несколько лет это случилось с Кыргызстаном впервые¹¹. Правительство приняло неотложные меры, часть из которых дала результат уже к концу 2009 г. Однако промышленность пострадала достаточно сильно¹².

Существенное сокращение основных показателей продемонстрировала в 2009 г. и экономика Республики Таджикистан (РТ). В связи с тем, что основу экспорта республики составлял первичный алюминий и хлопок, а в условиях кризиса спрос на данное сырье на мировом рынке существенно снизился, это сразу же отразилось на таджикской промышленности. Темпы роста ВВП снизились наполовину от 2008 г.¹³ Выросли внутренние цены на отдельные виды товаров, например на бензин — сразу на 61,6%, на газ — на 89,5%, на электричество — на 56,3%¹⁴. Существенно сократились доходы «отходников» — почти на 60%, что существенно отразилось на благосостоянии их семей, проживающих в республике¹⁵. При этом РТ получила помощи от иностранных государств и организаций на сумму около 1,5 млрд долл., что составило около 32,6% ВВП. Кроме того, МВФ и Азиатский банк развития предоставили помо-

⁵ Чжунго юй Чжунъя гоцзя гуаньси куайсеу фачжань (Быстрое развитие отношений КНР и государств Центральной Азии) // Гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо. Ланьпишу. 2009–2010. (Международная ситуация и дипломатия Китая, 2009–2010 гг. Синяя книга). Пекин : Шици чжиши чубаньшэ, 2010. С. 315.

⁶ ВВП Узбекистана в I полугодии 2009 г. составил более 18,3 трлн сум // Сообщение информационного агентства «Advanta.uz» от 19 августа 2009 г. URL: <http://www.advanta.uz/sections/main/297-vvp-uzbekistana-v-i-polugodie-2009-goda-sostavil.html>. 17.03.2010.

⁷ Макроэкономика. Анализ макроэкономической ситуации по итогам 2009 г. (1 марта 2010 г.) Ташкент : «Avesta Investment Group», 2010. С. 1.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Социально-экономическая и политическая ситуация в российском «поясе соседства» в 2009 г. / отв. ред. проф. С.П. Глинкина. М. : Институт экономики РАН, 2010. С. 71.

¹⁰ Макроэкономика. Анализ макроэкономической ситуации по итогам 2009 г. (1 марта 2010 г.). Ташкент: «Avesta Investment Group», 2010. С. 3.

¹¹ СНГ-2009: полный набор кризисных сценариев // Сообщение информационного агентства «РосФинКом» от 10.03.2010 г. URL: <http://rosfincom.ru/macroeconomic/allanalytics/555832.html>

¹² Промышленность Кыргызстана переживает глубокий кризис // Информационно-справочный центр горнодобывающей промышленности. Горный журнал Казахстана, 08.06.2009. URL: <http://www.mininginfo.kz/?q=kk/node/1259> 05.09.10

¹³ Чжунго юй Чжунъя гоцзя гуаньси куайсеу фачжань... С. 315.

¹⁴ Там же. С. 315.

¹⁵ Умаров Х.У. Влияние мирового финансового кризиса на экономику Таджикистана // Информационно-аналитический портал «Время Востока». 17.08.2009. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/10/704.html> 04.09.10

щи на сумму 30 и 40 млн долл. соответственно¹⁶.

На Туркменистане влияние кризиса практически не сказалось. В основном это связано с независимой финансовой политикой и стратегией экономического развития. Рост ВВП в 6,1% был достигнут за счет притока иностранных инвестиций, а также ускорения капитального строительства, росту экспорта нефти, газа и электроэнергии¹⁷.

Взаимодействие в период кризиса, как отмечают китайские специалисты, продолжало осуществляться по формуле «взаимное доверие в политике, взаимопомощь в экономике, взаимодополняемость в ресурсной сфере» («чжэнчжи ху-синь, цзинци хучжу, цзыюань хубу») ¹⁸. Китай на саммите ШОС в Екатеринбурге летом 2009 г. озвучил размер помощи, которую он может предоставить для борьбы с кризисом, — до 10 млрд долл¹⁹. За несколько месяцев до этого помощь в таком размере была предоставлена в виде кредита для РК²⁰.

¹⁶ АБР завершил реализацию грантовой антикризисной программы в Таджикистане // Сообщение информационного агентства «Авеста» (Таджикистан). 18.02.2010. URL: <http://www.avesta.tj/index.php?newsid=3903> 01.12.2010

¹⁷ СНГ-2009: полный набор кризисных сценариев. М. : Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. Март 2010. С. 2.

¹⁸ Гоци синши хэ Чжунго вайцзяо. Ланьпишу. 2009–2010 // Международная ситуация и дипломатия Китая, 2009–2010 гг. Синяя книга. Пекин: Шицизи чжиши чубаньшэ, 2010. С. 317.

¹⁹ Саммит ШОС в Екатеринбурге узаконил доминирование Китая в экономике региона // Сообщение информационного агентства «Newsru.com». Новости экономики. 16.06.2009. URL: <http://www.newsru.com/finance/16jun2009/shos2.html> 03.09.2010.

²⁰ Визит председателя КНР Ху Цзиньтао позволит расширить сотрудничество между Казахстаном и Китаем в стратегических отраслях // Сообщение Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан от 14.06.2009. URL: <http://www.mtk.gov.kz/?mod=news&lng=rus&opt=viewnews&id=3632> 03.09.2010.

В первой половине 2009 г. объем торговли КНР с государствами Центральной Азии сократился несущественно, составив 10,4 млрд долл.²¹ Китай оказывался одним из крупнейших торговых партнеров всех государств Центральной Азии, кроме Туркменистана.

С середины 2009 г. основные макроэкономические показатели стран ЦА начали демонстрировать тенденцию к росту.

Однако, кроме воздействия мирового финансового кризиса, существовали и другие воздействия на региональную систему международных отношений. Прежде всего, они были связаны с проблематикой, в основном оставшейся от предыдущего периода взаимодействия — конца 1990-х — начала 2000-х гг. Кроме того, следует оговориться, что частично данные воздействия затрагивали и другие регионы либо выходили за рамки собственно региона Центральной Азии.

Изменения вокруг региональной подсистемы международных отношений (ЦА) — Иран, Пакистан, Афганистан

По-прежнему по периметру юго-западной границы КНР продолжает существовать целый спектр проблем, в частности связанный с ядерной программой Ирана. Для Китая Иран является связующим звеном между Центральной Азией и Ближним Востоком, кроме того, он продолжает оказывать влияние на страны Центральной Азии. Нестабильность возрастает как при очередных «успехах» Ирана в осуществлении ядерной программы, так и при очередном давлении на него со стороны стран Запада и ООН. Китай не устраивает и новое появление в регионе «Талибана», однако одновременно — и присутствие США в непосредственной близости от границ, которые в этом случае продолжают реализацию стратегии «окружения Китая» («чжаньюэ фэнсо»). Озвученная амери-

²¹ Чжунго юй Чжунья гоцзя гуаньси куайси фачжань... С. 318.

канским президентом 1 декабря 2009 г. стратегия «Афганистан и Пакистан» пока может только усложнить региональную ситуацию. «Управляемый хаос» или «балканизация Афганистана»²² не нужны ни Китаю, ни странам Центральной Азии. Пакистан, являющийся давним партнером Пекина, сейчас выступает, скорее, как объект региональной политики и не намерен мириться с такой ролью. В итоге при эскалации конфликта в Афганистане талибы вновь могут появиться на южной границе КНР с китайским оружием в качестве освободителей «Восточного Туркестана». Любая же дестабилизация одновременно скажется на регионах Центральной Азии и Ближнего Востока, политической и экономической составляющей двух- и многостороннего сотрудничества.

Изменения, связанные с российско-грузинским конфликтом

Безусловно, российско-грузинский конфликт произошел в другом регионе (Кавказ), однако повлиял и на ситуацию в Центральной Азии. Во-первых, в КНР началась полномасштабная переоценка роли России на постсоветском пространстве, а также всей внешней политики Путина — Медведева²³. Конфликт назван возобновлением «Большой игры»

РФ и США, которая после «революции роз» в Грузии временно переместилась на Кавказ²⁴. Китайские исследователи называют его «самым значительным событием для отношений России и США после холодной войны»²⁵. Для Китая сам конфликт стал неожиданностью — КНР была глубоко погружена в Олимпийские игры в Пекине. Полномасштабные исследования и подробный анализ конфликта и его влияния на КНР и региональную ситуацию появились лишь в конце 2008 и 2009 гг.²⁶ С одной стороны, КНР признавал территориальную целостность и суверенитет Грузии в рамках «пяти принципов», неоднократно его подтверждая, в том числе с режимом Саакашвили²⁷, с другой — не мог пойти на открытую конфронтацию со стратегическим партнером — Россией. Так, «Голос Америки-мобайл» на китайском языке для китайской же публики привел такую позицию: «Хотя Китаю необходимо поддерживать с Россией хорошие отношения, Китай не желает, чтобы Россия в этом регионе (Кавказ. — *Е.С.*) усиливала собственную мощь». Кроме того, достаточно очевидной и сложной проблемой для КНР стало признание Россией территорий Абхазии и Южной Осетии независимыми: «...у Китая вызывает опасение ситуация... если сепаратисты получат

²² См., напр., работу Фань Чжипина «Синьцзян чжоубянь гоцзя шитай» (Ситуация по периметру границ СУАР). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2009.

²³ См., напр.: У Дахуэй. Бэйюэ дункуо, Э-Гэ чунту юй Элосы вайцзяо бяньсин (Изменение российской внешней политики: Расширение НАТО на Восток и российско-грузинский конфликт) // Элосы Дуноу Чжунъя гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной Азии в 2009 г.). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 48–55; Сюй Хунфэн. Э-Гэ чунту дуй Элосы юй сифангоцзя гуаньси дэ инсян (Российско-грузинский конфликт и его влияние на отношения России с Западом) // Там же. С. 55–66; Ван Хайюнь. Э-Гэ чунту дуй гоцзи гуаньси тисидэ инсян // Там же. С. 66–73.

²⁴ См., напр.: Фань Чжипин. 2008–2010: Синьцзян чжоубянь синьшитай (СУАР: Ситуация по периметру границ в 2008–2010 гг.) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Вестник Академии общественных наук СУАР). 2010. № 5. С. 52.

²⁵ Там же.

²⁶ См., напр.: Чжао Хуэйсун, У Хунвэй, Су Чан. Э-Гэ чунту цзици дуй Чжунъя дицуй дэ инсян (Конфликт России и Грузии и его влияние на регион Центральной Азии) // Элосы Дуноу Чжунъя гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной Азии в 2009 г.). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 39–48.

²⁷ Традиционная дружба между Китаем и Грузией укрепляется — 15-я годовщина установления дипломатических отношений между странами // Жэньминь жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5840911.html> 20.11.2008.

признание извне. Именно потому, что в Китае существует проблема сепаратизма, у нас нет возможности следовать за Россией по вопросу предоставления независимости»²⁸.

28 августа состоялся 8-й саммит ШОС в Душанбе (Таджикистан), который стал первым международным форумом, где можно было обсудить уже итоги конфликта. За два дня до этого Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Лидеры Запада опасались начала новой холодной войны, в которой Россия может сблизиться с Китаем. Россия и сама ожидала поддержки своих действия участниками ШОС, однако этого не произошло — большинство государств ШОС не поддержали движение к сепаратизму, самоопределению и нарушению территориальной целостности и суверенитета.

События в Киргизии и последовавшие за этим изменения региональной политики

Что касается ситуации в Киргизии, то она настолько быстро менялась, что ни китайское правительство, ни другие центры силы не успевали реагировать. При этом не отреагировали и региональные организации — ШОС и ОДКБ, что показывает их слабость в свете кризисных ситуаций в регионе. Достаточно взвешенные оценки «новой киргизской революции» появились только по прошествии полугода. Отмечались «внутренние причины революции», а также — «слабость всех государственных структур, созданных в республике, разобщенность кланов» и «болезнь демократии»²⁹. Не-

стабильность в государстве будет сохраняться и впредь, так как при существовании любой государственной власти в ней будет сохраняться элемент нелегитимности (вариант президентской республики либо смешанной). К варианту парламентской республики страна просто не готова. Апрельские события в Киргизии показывают также и слабость всех созданных механизмов (формальных и неформальных) на пространстве Центральной Азии.

Создание Таможенного союза России, РК и Республики Беларусь (РБ)

С точки зрения Китая, Таможенный союз (ТС) организован государствами — «не членами ВТО», что снижает его значимость. Существенное влияние создание и деятельность ТС может оказать на двустороннюю торговлю КНР (СУАР) с Республикой Казахстан. Кроме того, Украина заявила о возможном вступлении в ТС. Кыргызстан в настоящее время проводит исследование возможности вступления в ТС. По сути, это еще один вариант развития экономического сотрудничества в рамках постсоветского пространства при участии наиболее мощных экономик стран СНГ. Частично проект — это еще и «отрывание» более слабых стран Центральной Азии от «формирующегося интеграционного ядра», которым КНР может предложить создание собственных региональных структур. Провал или «торможение» проекта приведет к большей заинтересованности в китайских проектах региональной интеграции — созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) на пространстве ЦА.

События 5 июля 2009 г. в Урумчи.

Случившееся в СУАР КНР (или, в китайской исследовательской литературе, — «события 5 июля») имеет огромное влияние на все сферы развития СУАР — на импорт и экспорт, международный туризм, привлечение иностранных инвестиций. Летом того года произошло

²⁸ Ду Лин. Чжунго дуй Гэлүция личан инци гоци гуаньчжу (Китайская позиция по отношению к Грузии привлекла международное внимание) // Голос Америки-мобайл. Электронная версия. URL: <http://www.voanews.com/chinese/mobile/index.cfm> 13.09.2008.

²⁹ Фань Чжипин. 2008–2010: Синьцзян чжоубянь синьшитай (СУАР: Ситуация по периметру границ в 2008–2010 гг.) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Вестник Академии общественных наук СУАР). 2010. № 5. С. 56.

резкое сокращение количества туристов, практически полностью прекратились поступления и от связанных с туризмом отраслей. При этом внешние инвесторы заняли выжидательную позицию. Единственная сфера, на которой не скажется «5 июля» и подобные события, — это вывоз капитала из СУАР. Так, в 2009 г. сумма инвестиций СУАР в государства Центральной Азии составила 325 млн долл., продемонстрировав рост к предыдущему году в 2,3 раза³⁰. Именно инвестиционное сотрудничество может вывести государство и регион в новую фазу развития и сыграть решающую роль в ближайшей перспективе.

В целом следует констатировать, что возросла активность Китая в регионе. Наиболее активно Китай поддерживает несколько региональных проектов, которые можно назвать «новыми» направлениями взаимодействия КНР с государствами Центральной Азии, обозначившимися в «нулевых годах». Собственно, «новизна» заключается в полном или частичном пересмотре степени важности каждого из данных направлений, прежде всего для китайской стороны, а также в новых региональных инициативах и проектах:

- развитие собственной территории — Синьцзян-Уйгурского автономного района на платформе «транзитного моста», соединяющего запад и восток страны, и одновременно — крупного регионального центра (инфраструктурного, финансового и т.д.), «переднего края» сотрудничества в формате «СУАР КНР — государства Центральной Азии»³¹;

- развитие инфраструктурного сотрудничества со странами региона;
- развитие гуманитарного сотрудничества.

Фактически данные направления находят отражение и в формате ШОС. Для КНР ШОС по-прежнему является единственным работоспособным многосторонним механизмом, который охватывает практически все сферы сотрудничества. Однако такой механизм все чаще оказывается недостаточным.

Во-первых, одно из государств, являясь частью региона Центральной Азии, не входит в ШОС (Туркменистан). Это осложняет реализацию общерегиональных проектов, а также обуславливает низкий уровень торгово-экономического сотрудничества. При этом китайская сторона очень бы хотела видеть Туркменистан в данной региональной организации в перспективе³².

Во-вторых, в рамках региона по-прежнему существует ряд нерешенных проблем, как общерегиональных (трансграничная преступность, наркотрафик и т.д.), так и двусторонних (например, недавно обострившиеся проблемы между Таджикистаном и Узбекистаном (транспорт, энергетика)).

В-третьих, часть государств — членов ШОС просто не в состоянии в полном объеме выполнять взятые на себя обязательства (например, отказ Узбекистана от участия в проекте «Университет ШОС»).

В-четвертых, организация так и не выработала единого подхода к революционной смене власти в государствах региона. Имеется в виду Кыргызстан, в котором в среднем каждые семь лет власть меняется именно таким образом (не смотря на подписанные соглашения по «трем угрозам»).

При наличии очевидных политических угроз существованию ШОС в ее нынешнем виде и появлении новых

³⁰ Сюй Юнься. Синьцзян дуй Чжунъя дишюй чжицзе тоуцзи дэ сяньчжуан юй дуйцэ // Кайфан даобао (Обзор «открытости»). 2010. № 3. С. 14.

³¹ Так, в «документе № 32 (2007) «Некоторые предложения Госсовета о стимулировании развития экономики и общества в СУАР» встречаются такие формулировки: СУАР — это «основная точка экономического роста на Западе КНР», «сырьевая база», «хаб, открытый на Запад» и «стратегическое прикрытие Китая на Северо-Западе».

³² Чжао Хуашэн. Чжунгодэ Чжунъя вайцзяо (Дипломатия Китая в Центральной Азии). Пекин: Шиши чубаньшэ, 2008. С. 196.

китайская сторона продолжает активно применять локальный вариант «мягкой силы». Кроме того, для реализации конкретных задач КНР снова приходится спускаться на уровень двустороннего сотрудничества либо заново конструировать многосторонние проекты (проект газопровода «Центральная Азия — Китай»).

Итак, попробуем рассмотреть данные направления подробнее.

Со стороны Китая мы можем наблюдать формирование качественно новой модели сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии. Коротко ее можно назвать «Модель трансграничной кооперации «центр» («чжунсинь», СУАР (Урумчи)) — «периферия» («чжоубянь», государства Центральной Азии)».

Важным является тот факт, что данная модель органично встраивается и в другие, существовавшие ранее и ныне существующие концепции и стратегии (в частности, в ретро-концепцию «Великого Шелкового пути», стратегию масштабного освоения запада («сибу дакайфан чжаньюэ»), «программу адресной помощи СУАР» («туйкоу юань цзянь») и т.д.).

К периоду 2007–2008 гг., когда в рамках СУАР КНР проводилась корректировка программ, направленных «вовне», на регион ЦА было обращено особое внимание. В этот период начали появляться базовые элементы «новой экономики СУАР», а именно «экономики кольца». Согласно новой стратегии в рамках общегосударственного планирования регион стал участником перераспределения 4 трлн юаней инвестиций³³. Основу стратегии составили элементы «выращивания предприятий» в десяти новых стратегических отраслях, а также изменение собственных региональных стратегий инвестирования. В связи с кризисом в

Китае была сделана ставка на увеличение внутреннего спроса, перераспределение инвестиционных потоков, а также развитие науки и технологий. Это незамедлительно сказалось на региональной экономике — так, рост регионального ВВП СУАР в 2007 г. составил 25,4%³⁴.

Кроме того, на уровне реализации новой модели уже были созданы и частично опробованы экспериментальные проекты (например, в 2006 г. в приграничной с Китаем зоне был создан Китайско-казахстанский центр международного приграничного сотрудничества Хоргос)³⁵. На многостороннем уровне ближайшим и наиболее важным для КНР становится вариант создания зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках ШОС, а также переход части внешней торговли на юань.

Новое качество представленной модели придает тот факт, что, развивая СУАР, Китай собирается развивать Центральную Азию. Для начала изменит свое качество региональный «центр» — СУАР (Урумчи). Для этого государство, кроме огромных финансовых вложений, создаст долгосрочные региональные финансовые механизмы, которые будут иметь возможность даже развиваться достаточно автономно. Далее будет меняться и качество всего окружающего пространства, а именно — «периферии». Пилотным проектом остается пояс «приграничных пунктов открытости».

Следует отметить стратегическое решение ЦК о новой «программе адресной помощи СУАР» («туйкоу юань цзянь»).

³³ Всего за период 2000–2009 гг. было реализовано 120 региональных проектов на северо-западе, с суммой инвестиций в размере 2 трлн 200 млрд юаней.

³⁴ См.: Се Тинтин, Чэнь Вэньсинь. Чжунъя цзиньжун чжунсиньдэ гоуцзян юй шесян (Попытка воссоздания регионального финансового центра в Центральной Азии) // Хуэй цзи чжю (Финансовый помощник). 2010. № 6. С. 36.

³⁵ См., напр.: У Циндун, Чжан Цюфань. Чжун-Ха Хуоэргосы гоцзи бяньцзин хэцзо чжунсинь гуйхуа таньтао (Планирование Китайско-казахстанского центра международного приграничного сотрудничества Хоргос) // Гуйхуаши (Планирование). № 24. 2008. С. 33–35.

Государство выбрало (назначило) 18 провинций (городов)-спонсоров (плюс Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК))³⁶. Были выбраны и центры «нового развития» — это уезды Южного Синьцзяна. Сам регион очень бедный даже по меркам СУАР, что превратило его в базу националистических выступлений. В ходе прошлогодних событий «5 июля» некоторые группы участников беспорядков приехали в Урумчи именно оттуда. Югу СУАР и предоставлен максимальный объем финансовых вливаний, за счет чего в течение ближайших пяти лет возможно полное изменение внутренней среды оазисов. Изменится и роль Синьцзянского производственно-строительного корпуса (СПСК) — для его развития также предусмотрена новая программа «сычжуа сыкань» (овладение четырьмя новыми практиками) и работа на трех уровнях — в армии, обществе и корпусе³⁷.

Для создания новой структуры необходимо наличие и хорошее функционирование трех составляющих:

1) финансовой отрасли самого СУАР и — государств Центральной Азии (в этом направлении идет целенаправленная работа);

2) организация подсистемы перераспределения финансовых ресурсов «центр-периферия», в том числе в виде ссуд и кредитов коммерческих банков;

3) создание системы управления финансовыми потоками.

³⁶ Спонсорами являются все регионы Центрального Китая, а также приморские города и провинции. Исключение сделано для 4 АР, Хайнаня и Запада КНР. Спонсоры и будут осуществлять адресную помощь 80 уездам СУАР. Они должны будут изъять из доходной части бюджета 3–6% (кроме расходов на общественную безопасность и образование) и направить их на поддержку развития Синьцзяна.

³⁷ Гуаньюй сычжуа сыкань ходун шиши фанань (Проект мероприятий по реализации программы «овладение четырьмя новыми практиками») // Информационная сеть «Луньвэнь». URL: http://www.lunwenwang.com/wenshu/qihua/58448_2.html 02.06.2010.

Осуществление проекта будет возложено на региональные и местные власти.

Так как обе стороны имеют природные районы, богатые ресурсами, то и сотрудничество для КНР — это двустороннее производственное сотрудничество. Разработка месторождений и дальнейшая переработка сырья должны вестись с участием иностранного капитала (из СУАР и ЦА соответственно). Разведка углеводородов в регионе в целом завершена, на нынешнем этапе китайская сторона предлагает ускоренно начинать разведку, разработку и переработку ископаемых. Третьей перспективной отраслью является сфера строительства и производства стройматериалов. Для сотрудничества в производственной сфере также были определены станкостроение, производство бытовой электроники, строительство, легкая промышленность, производство товаров народного потребления (ТНП), пищевых продуктов и т.д. То, что уже создано, не обеспечивает потребностей Китая в регионе. Китайская сторона активно изучает возможности для участия в сотрудничестве в области сельского хозяйства. При этом может поставлять различного рода технику, ирригационные системы, гибриды и т.д.³⁸

Есть что предложить государствам Центральной Азии и в сфере обслуживания, транспорта и коммуникаций, почтовых служб.

Наиболее важным стал проект создания и развития высокоскоростных железнодорожных магистралей, в который был органично включен и самый западный регион страны — СУАР³⁹. Стратеги-

³⁸ См., напр.: Чжунья нунье фачжань чжэнцэ гоци яньтаохуэй цзай цзин цзюйсин (В Пекине состоялся международный Форум по проблемам развития сельского хозяйства Центральной Азии) // Шицзе нунье. 2007. № 3. С. 60.

³⁹ Вслед за проектами Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ), оптоволоконной сети на пространстве государств Центральной Азии, а также других форм двустороннего и многостороннего сотрудничества.

ческое решение о строительстве Паназиатской высокоскоростной магистрали было принято 8 января 2010 г. на совещании Министерства железнодорожного транспорта КНР. Согласно планам, к 2020 г. планируется начать строительство. Сложность представляет только большое количество участников проекта и согласование их позиций.

Три направления строительства — следующие:

1) центральноазиатское направление (Урумчи (СУАР) — Кыргызстан, Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Турция и далее — Западная Европа);

2) восточноазиатское направление (Куньмин (Юньнань) — Вьетнам, Камбоджа, Таиланд (или Мьянма) — Малайзия — Сингапур);

3) российское направление (Хэйлунцзян — через территорию Сибири — до Восточной Европы).

Все три направления являются для Китая стратегическими, они позволяют выйти на транспортные и иные рынки Восточной Европы. Такой задачи раньше не ставилось. При этом объективно уже существует выход на рынки государств СНГ и России.

Разные ветки призваны решать разные задачи. Что касается центральноазиатского направления, то это стимулирование развития западных районов КНР, а также удобная перевозка ресурсов.

Реальной альтернативы проекту нет, несмотря на другие региональные проекты⁴⁰. Фактически только КНР может предложить достаточно большой объем финансовых ресурсов, несмотря на последствия мирового финансового кри-

зиса. Обе стороны (с одной стороны — Китай, с другой — государства региона) заинтересованы в развитии такого рода проектов. Государства Центральной Азии в проекте импонируют то, что Китай готов предоставить всю техническую документацию, оборудование, подвижной состав, даже обеспечить ремонт дорог тем государствам, откуда импортирует ресурсы, причем практически бесплатно.

Строительство будет окончено примерно за 10 лет (2020–2030 гг.). Подписание полномасштабных соглашений с государствами-партнерами планируется на ближайшие несколько лет, а с 2020 г. — начало полномасштабного многостороннего сотрудничества. Россия и государства ЦА станут транзитными регионами (при смещении акцента на ЦА).

В качестве промежуточного итога можно отметить, что проект в любом варианте может повлиять на геополитику региона.

Еще один инфраструктурный проект в этом ряду — завершающийся проект «три севера» (2001–2010 гг.)⁴¹, касающийся создания новой сети автомобильных дорог, которые бы связали крупнейшие части «китайского севера» — северо-восток, север (в традиционном понимании, «хуабэй») и северо-запад.

Данную сеть планировалось полностью создать к началу 2011 г. с выходом через существующие пограничные переходы СУАР (в настоящее время — 17) на соседние государства. Один из крупнейших трансрегиональных проектов Китая уже обозначил — это строительство Евроазиатской автотранспортной магистрали через территорию Казахстана и России с выходом на пространство го-

⁴⁰ В инфраструктурных проектах на территории государств ЦА уже принимает участие большое количество «внешних» для региона инвесторов — есть европейский проект ТРАСЕКА, японские инвестиции в строительство автодорог, средства Мирового банка и Азиатского банка развития (в Казахстане, Киргизии, Таджикистане), китайские проекты ТАЖМ и нового «Шелкового пути» и т.д.

⁴¹ См., напр.: Саньбэй гуанлу. Цзю шэнцзюй «Ди и тьянь» (Проект «Три севера» пройдет по территории девяти административных образований. Первые предложения) // Синьцзян тьяньшаньван. URL: <http://www.tianshannet.com.cn/GB/channel3/17/200403/03/68716.html>, 03.03.2004.

сударств Европы⁴². Частично проект начал реализовываться и в соседнем Казахстане. В настоящее время при поддержке различных международных и региональных структур, поддерживающих развитие (например, АБР), республика осуществляет строительство магистрали на собственной территории. Сдача казахстанского участка планируется к 2015 г. на всем протяжении⁴³.

Собственно на китайской территории, а именно в СУАР, проект «саньбэй» получил региональное обозначение, «Саньхэн лянцзун, лянхуань ба тундао» («Три горизонтали, две вертикали, два кольца, восемь магистралей»). План является составной частью регионального проекта «Средне- и долгосрочный план развития автодорожной сети СУАР (2003—2020 гг.)», текст которого был одобрен правительством в 2005 г.⁴⁴ В свою очередь, он является частью 124-страничного «Плана создания в Китае сети высокоскоростных автодорог», опубли-

кованного Министерством транспорта КНР 13 января 2005 г.⁴⁵

Заинтересованность Китая в Центральной Азии наиболее отчетливо проявляется как раз в сферах инфраструктурного сотрудничества и энергетики. Приоритетами остаются государства со значительными запасами углеводородного сырья (Казахстан и Туркменистан). Как отмечает в своей работе О. Столповский, интересы Китая постепенно расширяются на новые сферы сотрудничества (атомная энергетика в РК, электроэнергетика в РТ), а также экономически включают более слабые государства региона в торгово-экономические связи (Таджикистан и Кыргызстан)⁴⁶.

В сфере энергетики наиболее важным стал проект строительства газопровода «Центральная Азия — Китай» (еще одно название — Трансазиатского газопровода «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай»). 14 декабря 2009 г. при участии президента Туркменистана и лидеров трех стран, по территории которых проходит трубопровод, состоялась торжественная церемония ввода в строй «крупнейшей энергетической магистрали XXI века». Сейчас в стадии обсуждения находятся и проекты других веток⁴⁷. Есть планы строительства второй очереди газопровода.

Это — единственный многосторонний проект в регионе, в котором прини-

⁴² См., напр.: Шустов А. Китайский Шелковый путь // Фонд стратегической культуры (Электронное издание). URL: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=2729>, 27.01.2010.

⁴³ Казахстан планирует построить автодорогу из Китая в Европу стоимостью 2,3 млрд долл. // Сообщение агентства «Отдых в Азии». URL: <http://www.tio.kz/news/Kazakhstan-planiruet-postroit-avtodoroguz-Kitaja-v-Evropu-stoim.html>. 02.05.2007; Н. Назарбаев: «Строительство автодороги Западная Европа — Западный Китай должно стать всенародной стройкой для Казахстана» // Сообщение информационного агентства «Казахстан Сегодня». URL: <http://www.zakon.kz/58135-stroitelstvo-avtodorogi-zapadnaja.html>, 21.05.2009; Казахстан завершит строительство своих участков международных автодорог к 2015 г. // Сообщение информационного агентства «Синапс.кз». 03.11.2009. URL: <http://synapse.kz/inkz/2016-kazakhstan-zavershit-stroitelstvo-svoikh.html> и т.д.

⁴⁴ Синьцзян вэйвуэр цзычжицью луван гуйхуй хуаньцин инсян пинцзя (План развития дорожной сети в СУАР и оценки его влияния на окружающую среду) // Сообщение Департамента транспорта и коммуникаций СУАР. URL: http://www.moc.gov.cn/2006/06xinjiang/tongzhigg/200609/t20060901_75425.html. 11.08.2006.

⁴⁵ Архив документов Министерства транспорта КНР за 2006 г. URL: <http://www.moc.gov.cn/2006/06xinjiang/tongzhigg/>

⁴⁶ См.: Столповский О. Китайский юань в Центральной Азии // Независимый обозреватель стран содружества. 07.04.2010. URL: <http://www.nob.su/2010/04/07/kitajskij-yuan-v-centralnoj-azii.html>. 03.09.2010.

⁴⁷ У Хунвэй. 2009 нянь Чжунъя чжэнчжи цзинци синши юй вэйлай фачжань цюши (Политическая и экономическая ситуация в государствах Центральной Азии в 2009 г. и прогнозы на будущее) // Элосы, Дуноу, Чжунъя гоцзя фачань бао гао (Ежегодный отчет по развитию России, стран Восточной Европы и Центральной Азии). Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2010. С. 95.

мает участие Туркменистан. Кроме того, это первое и пока единственное в регионе многостороннее соглашение в сфере энергетики с участием КНР. В качестве еще одно промежуточного итога следует отметить следующее. Китай — один из наиболее активных игроков в региональной энергетике. Беспроцентные и другие льготные кредиты позволили добиться не только строительства газопровода «ЦА — Китай», но и существенно снизить цену на поставляемый газ⁴⁸. Экономические интересы Китая не ограничиваются только заинтересованностью в природных ресурсах, хотя главные интересы — это по-прежнему нефть и газ. К существующему наземному нефтепроводу (Казахстан — Китай) добавился и наземный же газопровод. К тому же он имеет практический результат — доступ и обеспечение газом наиболее ресурсозатратных частей КНР (Шанхай, Гуанчжоу). По планам реструктуризации топливной промышленности, к 2020 г. использование газа в качестве источника энергии должно составить 10–12% (сейчас — около 3–4%)⁴⁹. По прогнозам, к этому периоду Китаю потребуется около 300 млрд куб. м газа⁵⁰. Нехватка поставок будет составлять около 80 млрд куб.м, однако сотрудничество с государствами Центральной Азии поможет изменить структуру потребления энергии в стране.

⁴⁸ Контракт закрытый, однако по оценкам экспертов, цена оказывается существенно ниже российской — Туркменская карта на газовом рынке // Программа «Диалог» (Канал «Рос-БизнесКонсалтинг»). 15.11.2010.

⁴⁹ Тунци сяньши вога тяньжяньци сюццю цзэнчжан суду 2020 нянь шию сюцю лян да 4 и дунь (Статистические прогнозы по росту потребления газа до 2020 г.) // Сообщение «Чжунго цзинци синьси ван» (Китайская информационная сеть по экономике) от 9 января 2007 г.

⁵⁰ Чжоу Цзипин: 2020 нянь тяньжяньци сяофэйлян да 3000 и лифанми (Чжоу Цзипин: Потребление газа в 2020 г. будет составлять около 300 млрд кубометров) // Ди и цайдин жибао (Первая финансово-экономическая газета). 09.06.2010.

Безусловно, место и роль Китая в Центральной Азии с реализацией подобных проектов возрастает, а присутствие стабильно расширяется.

Параллельно КНР проводит и другие мероприятия, а именно — исследование и создание механизмов, которые можно будет применить в региональном масштабе. Так, например, в сфере науки государственные гранты на исследования получили представители специальных рабочих групп Синьцзянского университета (Школа экономики и финансов). Именно они принимали участие в исследовании и формулировании основных направлений сотрудничества с государствами Центральной Азии в области финансов и инвестиций на региональном уровне⁵¹.

Качественно изменился в СУАР подход к гуманитарному сотрудничеству. Медицина и здравоохранение, туризм, наука, техника, образование — вот отрасли, сотрудничество в которых достаточно быстро развивается, являясь частью политики «мягкой силы» КНР. В этих областях также возможно и инвестирование и обеспечение функционирования отдельных элементов систем, в том числе с прибылью и высокоэффективно.

Для развития контактов в гуманитарной сфере с государствами Центральной Азии Китаю понадобилось в короткие сроки создать и по возможности развить региональную научно-исследовательскую базу, формируя важную составляющую «центра». В идеале региональные вузы СУАР должны были доминировать на пространстве Центральной Азии по всем основным пока-

⁵¹ В этом ряду можно отметить грант правительства КНР «Исследование регионального сотрудничества СУАР КНР с государствами ЦА: формы, механизмы и планы» (номер проекта — 2009-39-17), а также региональные гранты университета, например, Синьцзянского финансового университета, и его научно-исследовательского фонда «Маркетинговые риски предприятий СУАР при выходе на рынки ЦА и механизмы их прогнозирования».

зателям. Помощь в этом могли оказать ведущие университеты КНР. В этом направлении государство за последние 10 лет проделало огромную работу. Так, 13 июня 2001 г. Министерство образования КНР опубликовало проект «О мерах адресной плановой поддержки высших учебных заведений запада КНР». Основной задачей данного проекта являлась связь между ведущими университетами запада и востока страны и плановая адресная помощь развитию региональных вузов (СУАР) с выходом на Центральную Азию.

Было определено 16 участников проекта⁵², а для его фактического наполнения «плана мероприятий» в апреле 2005 г. Министерство образования одобрило специализированный «План помощи СУАР в создании научно-исследовательского потенциала»⁵³. В нем ставилось достаточно много задач, в частности, «углубление адресной помощи и поддержки, улучшение научно-исследовательской структуры вузов СУАР, стимулирование научно-технического строительства, ускорение внутреннего развития высшего образования в СУАР, повышение качества образования в СУАР и т.д.»⁵⁴. План стал составной частью «Большой стратегии освоения запада КНР» («Сибу да кайфан чжаньлюэ»).

С этого периода новые исследовательские центры уже имеющихся вузов

при поддержке ведущих научных центров КНР начинают активно развивать контакты и масштабное сотрудничество с аналогичными учреждениями «периферии». Формируется некая «сцепка» на нескольких уровнях (научно-техническое сотрудничество, международные академические обмены, культурное сотрудничество и т.д.). Кроме того, государство финансово поддерживает развитие регионального «центра» и региональные исследования. Следует отметить тот факт, что большинство крупных исследовательских проектов и индивидуальных исследователей получают грантовую поддержку со стороны государства⁵⁵. Для исследователей существует возможность одновременно получать грантовую поддержку и от центрального правительства, и от правительства регионального. Также появилась практика совместных исследований — ведущие исследователи могут одновременно представлять несколько исследовательских центров и проводить исследования по различной проблематике. Центром, как и в других проектах, становится Урумчи (Синьцзянский университет и его научно-исследовательские и образовательные подразделения).

К созданным достаточно давно «старым исследовательским центрам»⁵⁶, занимающимся проблематикой Центральной Азии, добавились и «новые» исследовательские центры и структуры⁵⁷, в основном — региональные.

⁵² Всего было отобрано 40 ведущих университетов «внутреннего Китая» (основные — это Университет Цинхуа, Пекинский университет, Центральная партийная школа КНР) для оказания адресной поддержки 11 высшим учебным заведениям СУАР (Синьцзянский университет, Университет Шихэцзы, Синьцзянский педагогический университет и другие).

⁵³ Чжунъян цайцин дасюэ лижу цзяоюйбу «Юань цзян сюэжэ цзяньшэ цихуа (Центральный финансовый университет вошел в список университетов, принимающих участие в программе адресной помощи вузам СУАР) // Чжунго дасюэшэн цзай сянь. URL: <http://www.univs.cn/newweb/news/campus/zhxw/2006-04-14/594756.html>. 14.04.2006

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Например, грант Министерства образования КНР (Академия общественных и философских наук) «Исследование стратегии КНР в Центральной Азии и формирование адекватной политики» № 06JZD0012.

⁵⁶ Исследовательский центр Центральной Азии Синьцзянского отделения Академии общественных наук КНР (год основания — 1980), Исследовательский центр культур Центральной Азии Синьцзянского университета (год основания — 1985).

⁵⁷ Центр исследований Центральной Азии при Шэньсийском педагогическом университете (2004), Исследовательский центр России и Центральной Азии Фуданьского университета и Исследовательский центр ШОС (2005),

Важную роль в развитии новой сети научно-исследовательских структур по изучению Центральной Азии сыграл документ, изданный Госсоветом КНР и известный как «документ № 32 (2007)» («Некоторые предложения по стимулированию экономического и общественного развития СУАР КНР»). Документ полностью так и не стал достоянием широкой общественности, однако в исследовательских работах, посвященных СУАР и Центральной Азии, повсеместно встречаются отсылки к нему. Именно он определил направления и основные задачи развития для вновь создаваемых структур по исследованиям Центральной Азии, а также расширения научно-технических обменов и сотрудничества региональных вузов «центра» с вузами «периферии» — Центральной Азии.

Параллельно стартовали и другие мероприятия, направленные на формирование достаточно мощной (при необходимости, а зачастую и опережающей финансовой поддержке) инфраструктуры в гуманитарной сфере. В частности, инструментом для «сцепки» выступил китайский язык и его распространение фондом «Ханьбань».

Основой для распространения стали Всекитайская конференция по распространению китайского языка в мире, а также сеть Институтов Конфуция. Более конкретно каждый вуз СУАР одобрил собственный подробный план работы на 2008–2010 гг. по распространению китайского языка. Совершенно естественным полем для распространения стало образовательное, информационное, на-

учное и культурное пространство сопредельных государств. Как отмечалось в докладе регионального комитета по распространению г. Кульджа (Инин), «развитие сотрудничества должно исходить из основного направления распространения китайского языка»⁵⁸.

Надзор за исполнением вузом планов полностью ложился на региональные власти, в частности на министерство образования автономного района, департамент по внешним связям при правительстве СУАР. Создавались специализированные рабочие группы по проектному менеджменту.

Основными достижениями в этой области следует назвать следующие:

1) Большое количество исследований по проблематике Центральной Азии, выпущенных в СУАР и за его пределами (в основном — в рамках созданных исследовательских структур). Достаточно активно исследователи публиковались в научных изданиях СУАР⁵⁹.

2) Налаживание и развитие системы научных контактов и академических обменов с государствами Центральной Азии и России. В этом направлении представители китайских центров по центральноазиатским исследованиям достаточно активны. Налажены контакты с Институтом Дальнего Востока РАН, Институтом востоковедения РАН, Казахским национальным университетом имени Аль-Фараби, Центром культурных обменов с КНР (РК), Казахстанским

Исследовательский центр по Центральной Азии Илийского педагогического университета (2005), Научно-исследовательский центр Центральной Азии при Синьцзянском университете (2007), Исследовательский центр проблем Центральной Азии университета Шихэцзы (2008), Исследовательский центр по Центральной Азии Синьцзянского педагогического университета (2009), Исследовательский центр проблем Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков (2010).

⁵⁸ Гуаньюй чжидин 2008–2010 нянь ханьюй гоцзи туйгуан (Об утверждении плана по распространению китайского языка за рубежом на 2008–2010 гг.) // Сообщение информационной новостной сети «Образование в СУАР». URL: <http://www.xjedu.gov.cn/10000/10006/10009/2008/19490.htm>. 11.07.2008.

⁵⁹ В основном — в «Вестнике Академии общественных наук КНР» (филиал в СУАР), «Вестнике Синьцзянского университета», «Вестнике Синьцзянского педагогического университета», «Вестнике Илийского педагогического университета», «Вестнике университета Шихэцзы».

институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ). Китайские исследовательские центры активно приглашают иностранных специалистов, представителей ЦА, организуют совместные конференции, форумы⁶⁰. Достаточно большое количество студентов из государств ЦА обучается в китайских вузах.

3) Сотрудничество в области культуры, спорта, туризма, кроме многостороннего, реализуется и на двустороннем уровне. В рамках ШОС развивается молодежное сотрудничество. В КНР был организован и начал проводиться конкурс китайского языка для детей Центральной Азии («Ханьюй баобэй»). Создан китайско-казахстанский форум наследия и обменов в области казахской культуры⁶¹. На уровне многостороннего сотрудничества следующим этапом стало создание Университета ШОС. Кроме того, был налажен механизм «национальных годов» и «годов национального языка».

В качестве итогов отметим, что в развитии сотрудничества с государствами Центральной Азии к концу 2000-х гг. Китай добился неплохих успехов. Это было связано с разрешением наиболее острых проблем в конце 1990-х гг. (пограничная проблема, некоторые другие проблемы безопасности), а также с развитием экономической и политической ситуации в самих государствах Центральной Азии, а также вокруг нее. К 2010 г. практически все страны ЦА (в том числе и при помощи китайских кредитов) нача-

ли выходить из уже второго за историю их независимого существования финансового кризиса.

Кроме достаточно хорошо изученных направлений взаимодействий (внешняя торговля, энергетика, транспорт, коммуникации) следует отдельно выделить начавшиеся масштабные изменения в региональной научно-исследовательской структуре. Началось плановое изучение соседнего региона (ЦА) и связанные с этим взаимодействия в социогуманитарной сфере. В связи с развитием СУАР, Китай частично начал развивать и «периферию» (ЦА), создавая новые финансовые механизмы и обеспечивая транспортный доступ к государствам региона. Большая часть двусторонних связей на региональном уровне приходится на взаимодействие СУАР — Казахстан, по многим показателям они даже сопоставимы⁶². Кроме того, на территории СУАР проживает большое количество казахов.

После десятилетия политики «открытости запада», КНР начинает реализацию новой масштабной стратегии. Каково будет ее название и как она будет реализовываться — можно будет узнать в ближайшие несколько лет. Пока очевидно, что Китай продолжает строить сетевые структуры в Центральной Азии при содействии ШОС. В данном случае речь идет о финансово-инвестиционной структуре с центром в Урумчи.

На межгосударственном уровне фактически страны Центральной Азии согласились сотрудничать с Китаем в новых условиях кризиса и частично приняли китайскую позицию по инвестиционному сотрудничеству — в основном после прошедшего 15–16 июня 2009 г. саммита ШОС.

⁶⁰ Например, ежегодно проводится совместный китайско-казахстанский форум торгово-экономической форум (Чжун-Ха цзинмао цытаньхуэй).

⁶¹ Чуанчэн Хасакэ вэньхуа цзяолю хуэй чжаокай (Создан китайско-казахстанский форум наследия казахской культуры) // Сообщение информационного агентства «Китайский Синьцзян». 21.01.2010. URL: http://www.chinaxinjiang.cn/dmtzx/xjxw/t20100121_532656.htm. 03.09.2010.

⁶² См.: Чжао Чанцин. Чжунья уго юй Чжунго сибуда кайфа (Пять государств Центральной Азии и открытость Запада КНР). Пекин: Куньлунь чубаньшэ, 2004. С. 127–134.

ПОЛИТИКА ВЫБОРА. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СИНЬЦЗЯНА ПОСЛЕ САМОРОСПУСКА ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1946–1947 ГГ.)

В.А. Бармин

Отдельные сюжеты, связанные с политикой Советского Союза в отношении самой крупной провинции Китая, Синьцзян, в 20–40-х годах XX в., исследованы сравнительно слабо, несмотря на активный интерес российских и зарубежных историков. В ряде случаев они, в связи с отсутствием источников, страдают фрагментарностью, а зачастую и вовсе остаются за рамками работ. К таким сюжетам с полным правом можно отнести вопросы выработки и реализации советским руководством политики в отношении повстанческого движения коренных народов Синьцзяна против китайских властей в 1944–1949 гг., деятельности непризнанной Восточно-Туркестанской республики, созданной повстанцами на освобожденной ими территории, а также попыток примирения противостоящих сторон путем создания коалиционного правительства.

Между тем без восприятия и понимания всего комплекса событий, разворачивавшихся здесь, невозможно восстановить реальные истоки решений, принятых в Москве. Особенно это касается вопросов, связанных с решением прекратить поддержку самопровозглашенной Восточно-Туркестанской республики и настоять на участии повстанцев в создании и деятельности коалиционного правительства провинции. В то же время после формирования такого правительства советское руководство не пошло на восстановление с ним торго-

экономических отношений, продолжив развивать связи с так называемыми освобожденными районами.

В ноябре 1944 г. в трех северных округах китайской провинции Синьцзян: Тарбагатайском, Илийском и Алтайском — началось мощное национально-освободительное восстание коренных народов Синьцзяна против китайского владычества. 15 ноября, после освобождения от китайских войск столицы Илийского округа, г. Кульджи, повстанцы провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики. Летом 1945 г. в территориальные границы ВТР вошли Тарбагатайский и Алтайский округа. К осени 1945 г. армия ВТР, пользуясь материальной и военно-технической поддержкой Советского Союза, не только полностью освободила от китайских войск территорию всех трех округов, но вышла к реке Манас, от которой до столицы Синьцзяна, Урумчи, оставалось около 220 км.

Однако 14 августа 1945 г. Советский Союз, готовясь к вступлению в войну против милитаристской Японии, подписал с Китаем «Договор о дружбе и союзе», что резко изменило его позицию в отношении повстанческого движения в Синьцзяне. Советское руководство настояло на том, чтобы правительство ВТР вступило в переговоры с делегацией Центрального правительства Китая с целью подписания мирного договора. В октябре 1945 г. эти переговоры начались, 2 января

1946 г. между сторонами было подписано предварительное соглашение «О прекращении военных действий и мирном урегулировании спорных политических и экономических вопросов». Оно вступило в силу после утверждения его Центральным правительством Китая 6 июня 1946 г. В соответствии с этим соглашением создавалось коалиционное правительство, в которое входили и представители освобожденных районов. 1 июля 1946 г. коалиционное правительство Синьцзяна приняло на себя всю полноту власти в провинции.

Взаимоотношения Советского Союза и провинции Синьцзян после заключения мирного соглашения между Центральным правительством и повстанцами, создания и начала деятельности коалиционного правительства носили весьма сложный и противоречивый характер. На содержании этих отношений сказывались многие обстоятельства как объективного, так и субъективного характера. Но основной задачей, которую продолжало решать советское руководство в этом регионе в рассматриваемый период, по-прежнему оставалось сохранение здесь политического и экономического влияния.

Это влияние было почти полностью утеряно на большей части территории провинции в 1942–1943 гг. и возвращено в полном объеме только в трех освобожденных округах: Илийском, Тарбагатайском и Алтайском — после победы здесь национально-освободительного движения в 1945 г. Но, во-первых, на территории именно этих округов находились разработки наиболее ценных и необходимых Советскому государству полезных ископаемых, а во-вторых, вероятный успех в гражданской войне антигоминьдановских сил во главе с КПК, которые поддерживались Советским Союзом, делали перспективу возврата былого влияния на всю провинцию вполне реальной. Нет сомнений, что эти факторы играли существенную, если не основ-

ную, роль в отношениях, которые складывались между СССР и Синьцзяном в 1946–1947 гг.

Члены коалиционного правительства Синьцзяна и его председатель, генерал Чжан Чжичжун, хорошо осознавали, что выход из глубочайшего экономического кризиса, в котором в это время находилась провинция, был во многом связан с восстановлением полнообъемных торгово-экономических связей с Советским Союзом. Объемы торговых операций Синьцзяна с Советским Союзом, до 1942 г. во многом определявшие экономическое благополучие провинции, продолжали сокращаться, а поставка некоторых видов товаров и сырья, как например, хлопка, кожсырья, пушнины, сухофруктов, шелка-сырца, китайской стороной была прекращена¹. В то же время прекращение завоза советских промышленных товаров на синьцзянский рынок привело к тому, что в 1944–1946 гг. цены на хлопчатобумажные ткани и обувь выросли в 100 раз, на сахар — в 35 раз, а большая часть товаров повседневного спроса перешла в разряд дефицитных². Поэтому попытки нормализации этих отношений были предприняты руководством провинции уже в первые месяцы после начала деятельности нового правительства.

Инициатором восстановления утраченного доверия между сторонами и возврата основ былого сотрудничества выступил сам председатель правительства провинции. Опыт политика подсказал Чжан Чжичжуну, что начинать этот процесс необходимо с восстановления работы тех общественных организаций и объединений, прекращение деятельности которых в свое время стало олицетворением разрыва советско-китайских отношений в Синьцзяне.

¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР и Китая (1917–1974). М., 1977. С. 152.

² Там же. С. 151.

Десятого ноября 1946 г. на имя председателя правления «Всесоюзного общества культурных связей с заграницей» Кеменова поступила информационная записка из генерального консульства СССР в Урумчи, которая достаточно наглядно характеризует меры, принятые Чжан Чжичжунем в этом направлении. В информации сообщалось, что «...по инициативе генерала Чжана в середине сентября месяца сего года был поднят вопрос об организации общества советско-китайских культурных связей в Синьцзяне. Для этого была создана специальная инициативная группа в количестве 7 человек. В нее вошли мэр Урумчи Цю, уполномоченный МИД Китая в Синьцзяне Лю Цзэжун, начальник департамента просвещения Абдукерим Аббасов и от советского консульства Ульмасов, Константинов и Суворов. 22 октября инициативной группой под руководством генерала Чжана было созвано первое учредительное собрание общества. На собрании участвовало, примерно, 160 человек. ... Собрание прошло с большим подъемом. На собрании с большой речью выступил генерал Чжан, который все свое выступление посвятил задачам укрепления дружбы между обеими странами»³.

Весьма показательным примером того, какое внимание уделял на первых порах председатель правительства вопросам восстановления сотрудничества с Советским Союзом, является состав членов правления воссозданного Китайско-советского культурного общества в Синьцзяне. В него вошли от китайской стороны сам Чжан Чжичжун в качестве председателя, членами правления стали заместители председателя коалиционного правительства, несколько ключевых фигур из числа членов правительства, а также известные общественные и политические деятели провинции.

Еще до восстановления китайско-советского культурного общества в Синьцзяне при содействии провинциальных властей активизировалась работа русского клуба в Урумчи. В информации, направленной вице-консулом консульства СССР в Урумчи Ульмасовым на имя заместителя управления «Экспортфильма» Чукина, сообщалось: «В уйгурском и русском клубах... было показано 113 кинофильмов, в том числе художественных — 81, документальных — 32, из них озвученных на уйгурском языке — 31»⁴. Кроме того, в качестве жеста доброй воли правительство Синьцзяна предложило Советскому Союзу оказать всяческое содействие по доставке на советскую территорию товаров, закупленных в самой провинции и поставленных из центральных районов Китая до начала боевых действий с повстанцами. Эти товары ранее не представлялось возможным перевезти через линию фронта, и они с конца 1944 и до начала 1947 г. оставались на синьцзянских базах. С января по июнь 1947 г. все эти товары с помощью китайских властей были доставлены в Советский Союз⁵.

После некоторого оживления общественных связей между сопредельными сторонами и подобных жестов доброй воли, которые должны были обозначить смену политической линии руководства провинции в отношениях с СССР, Чжан Чжичжун считал возможным обратиться к советскому правительству с предложением о восстановлении торгово-экономического сотрудничества. Следует отметить, что и Центральное правительство Китая считало необходимым восстановление экономических связей Синьцзяна с Советским Союзом при условии, что они будут носить взаимовыгодный и рав-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 18. Д. 47. Л. 11–12.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Шэн Ли. Синьцзян Э Су Маои Ши 1600–1900 (История торговых отношений Синьцзяна с Россией в 1600–1990 гг.). Урумчи, 1994. С. 539.

ноправный характер. Эти соображения также определялись ясным пониманием невозможности для провинции другого выхода из экономического кризиса. Оказать Синьцзяну реальную экономическую помощь в условиях послевоенной разрухи и начавшейся гражданской войны сам центр не мог. Об этом свидетельствовала безрезультатная поездка за такой помощью председателя провинциального правительства зимой 1946–1947 гг.⁶

Четвертого ноября 1946 г. Чжан Чжичжун передал генконсулу СССР в Урумчи А.И. Савельеву адресованные советскому правительству предложения о восстановлении торгово-экономических связей Синьцзяна с Советским Союзом и о создании в рамках предполагаемого сотрудничества смешанных китайско-советских обществ, которые должны были вести разведку и добычу вольфрама, олова и нефти⁷.

Предложения китайской стороны были достаточно выгодны и вызвали заинтересованность как у Министерства внешней торговли СССР, так и у других советских ведомств, которых они в той или иной мере касались. Однако руководство Советского Союза отнеслось к предложению Чжан Чжичжуна достаточно сдержанно. Причин этой сдержанности было несколько. Прежде всего, активизация сотрудничества с Синьцзяном вела к объективному укреплению экономической базы гоминьдановского правительства в этом регионе. Между тем в условиях борьбы Гоминьдана с КПК всякое укрепление экономики в районах, контролируемых правительством Чан Кайши, противоречило интересам Советского Союза, который поддерживал китайских коммунистов.

⁶ Benson L. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949. Armonk, New York, London, 1990. P. 106.

⁷ Сладковский М.И. Указ. соч. С. 156; Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 144.

Весьма существенную роль в сдержанном отношении советских лидеров к возобновлению экономического сотрудничества с Синьцзяном играло и то, что, по их мнению, Центральное правительство Китая и его представители в правительстве провинции во главе с самим председателем стали активными проводниками усиления американского и английского влияния в этом районе. Понимая опасения советской стороны и пытаясь снять небезосновательные подозрения, Чжан Чжичжун в беседах с советским послом в Китае А.А. Петровым настойчиво доказывал, что в Синьцзяне нет «...ни китайско-американских, ни китайско-английских отношений, а есть только китайско-советские отношения», и Синьцзян может и должен стать «образцом китайско-советской дружбы». Для того чтобы добиться этого, сторонам необходимо в позитивном ключе урегулировать все проблемные вопросы и «ускорить заключение советско-китайского соглашения об экономическом сотрудничестве в этой провинции»⁸. Однако заверения Чжан Чжичжуна воспринимались в Москве весьма скептически, ибо наряду с извечной подозрительностью здесь располагали и действительными фактами усиления в Синьцзяне влияния англичан и особенно американцев, начиная с 1943 г.

Попытки провинциального правительства Синьцзяна форсировать процесс восстановления торгово-экономических отношений с Советским Союзом закончились неудачей. Уже на уровне предварительного обсуждения положений будущего соглашения стало ясно, что советская сторона, выдвигая заведомо неприемлемые условия, затягивает начало договорного процесса. У истоков череды все новых предварительных условий перед началом возможных переговоров стояло советское консульство в Урумчи.

⁸ Ледовский А.М. На дипломатической работе в Китае в 1942–1952 гг. // Новая и Новейшая история. 1993. № 6. С. 114.

Во время одной из своих постоянных встреч с американским консулом, в апреле 1947 г., Чжан Чжичжун с очевидным раздражением заметил, что он признает огромное содействие генеральному консульству СССР в установлении мирных отношений с повстанцами. Однако, по его мнению, «...в настоящее время сотрудники консульства ... не проявляют ни готовности к сотрудничеству, ни разумной трезвости при обсуждении вопросов, глупо хватаясь за малейшие выгоды. Ему пока непонятно, чем обусловлены эти перемены в действиях сотрудников консульства: сменой личного состава консульства или изменениями в политической линии советского правительства»⁹.

К середине 1947 г. китайцам стало ясно, что предложение синьцзянского правительства относительно восстановления торгово-экономических связей с Советским Союзом не находят у руководства последнего поддержки. Тем не менее они неоднократно давали понять, что это предложение остается в силе. В августе 1947 г. Москва, решив снять проблему, обозначила формальную причину отказа от обсуждения, внесенного китайцами предложения. В.М. Молотов отдал распоряжение генеральному консулу СССР в Урумчи А.И. Савельеву, чтобы китайцам в случае, если они вновь поднимут вопрос о торгово-экономическом сотрудничестве в Синьцзяне, было заявлено, что советская сторона готова будет приступить к обсуждению этого вопроса после заключения нового соглашения о советско-китайской авиалинии «Хамиата»¹⁰. Однако к переговорам относительно авиалинии советская сторона по тем же самым причинам намеревалась приступить не ранее февраля 1949 г.¹¹

Таким образом, вопрос о восстановлении советско-китайского экономического сотрудничества в Синьцзяне в рассматриваемый период был, по существу, снят с повестки дня. Стратегические планы советского правительства в этом регионе исключали пусть выгодные, но не отвечающие политическим интересам Советского Союза, связи с контролируемой гоминьдановцами провинцией.

Не желая восстанавливать торгово-экономические отношения с правительством Синьцзяна, советские руководители в то же время продолжали курс на активное всестороннее сотрудничество с освобожденными округами. Хозяйственно-экономическая структура этих округов после подписания мирного соглашения между повстанцами и Центральным правительством продолжала действовать совершенно автономно, имея собственную управленческую и финансовую систему. При этом, по целому ряду объективных обстоятельств, экономика этих районов имела более выгодные условия для развития, нежели остальные семь округов провинции. К этим условиям необходимо отнести, прежде всего, наличие у всех трех округов границы с Советским Союзом и восстановленные со своим северным соседом, уже в начале 1945 г., хозяйственные связи.

Следует также отметить, что торговые операции освобожденных округов с советскими торговыми организациями имели постоянную тенденцию к росту. Объемы товарооборота с этими округами уже к середине 1946 года стали столь значительны, что Совсиньторг вынужден был создать в Хоргосе, Бахты и Май-Капчагае новые оптовые торговые базы, «...где синьцзянские коммерсанты обменивали свои товары по ценам, установившимся в предшествующие годы»¹².

Более того, для упрощения и облегчения торговли советскими властями и администрацией освобожденных округов были приняты меры, по существу

⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1947. Volume VII. P. 552.

¹⁰ АВП РФ. Ф. Референтура по Китаю. Оп. 34. П. 255. Д. 43. Л. 9–10.

¹¹ Ледовский А.М. Указ. соч. С. 114.

¹² Сладковский М.И. Указ. соч. С. 153.

отменявшие формальности при переходе границы. В июне 1946 г. командование советских погранвойск, дислоцированных на советско-китайской границе Средней Азии, было отдано распоряжение «О дальнейшем нелегальном пропуске через границу в СССР жителей Синьцзяна по надобностям торговли»¹³. Автор вышедшей в 1994 г. в Синьцзяне фундаментальной работы «История торговых отношений Синьцзяна и Советского Союза (1600–1990)» профессор Ли Шен, касаясь этого вопроса, также указывает, что, после того как Советский Союз помог мятежникам установить власть в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, созданное ими временное правительство ликвидировало на советско-китайской границе все таможи. Основные торговые операции с Советским Союзом в 1945–1946 гг. вела созданная этим правительством «Илийская компания развития», поставляя в СССР, без уплаты каких-либо таможенных сборов, кожу, шерсть, козий пух, верблюжью шерсть, свиную щетину и т.д.»¹⁴.

О значительном росте товарооборота между СССР и освобожденными округами в 1945–1947 гг. говорит, например, тот факт, что поставки скота из этих районов уже к концу 1945 г. возросли на 15–20%. Так, в отчетах контора «Заготскот» и «Скотоимпорт» Казахской ССР за 1945 г. указывается, что Алма-Атинской конторой «Скотоимпорт» дополнительно «для приемки импортного скота в 1945 году установлено 2 пограничных приемных пункта, а именно: 1. Сумбе-Нарынокольского района и 2. Кульджа-Уйгурского района»¹⁵. Семипалатинская контора «Скотоимпорт» за 8 месяцев 1945 г. закупила в Синьцзяне 21 577 голов крупного рогато-

го скота при плане 18 680, перевыполнив свои обязательства на 15,5%¹⁶.

Однако основными и важнейшими видами продукции, которые Советское государство закупало в освобожденных округах, являлись редкие и цветные металлы. Основные разработки вольфрама и олова велись на территории Алтайского округа и обслуживались советскими инженерами, техниками и мастерами. Американский исследователь Ли Чанг, ссылаясь на данные Министерства национальной безопасности гоминьдановского правительства за 1948 г., приводит следующие цифры, характеризующие объемы добычи и вывоза в Советский Союз вольфрама: «В 1945 году добыто 150 тонн, занято 3000 рабочих; в 1946 — 450 тонн при 10 000 рабочих; в 1947 — 1000 тонн при 20 тысячах рабочих»¹⁷. При этом, по утверждению Ли Чанга, на рудниках постоянно работали и были заняты 1000 советских специалистов, 3000 шахтеров и 4120 человек охраны¹⁸. Даже с учетом возможного завышения приведенных данных есть все основания считать, что Советский Союз вел на территории трех округов масштабные работы по разведке и добыче полезных ископаемых.

Английский исследователь и журналист И. Моррисон, встречавшийся и беседовавший в августе 1948 г. с Оспанбатыром, бывшим руководителем повстанческого движения в Алтайском округе, перешедшим позже на сторону китайских властей провинции, пишет, ссылаясь на его утверждение, что «русские теперь контролируют вольфрамовые шахты на Алтае и увеличивают ежедневную добычу»¹⁹. С 1 июля 1947 г. были возобновлены промысловые работы

¹³ ГАРФ. Ф. Р-9401 («Особая папка» Л.П. Берии). Оп. 2. Д. 148. Л. 76.

¹⁴ Шен Ли. Указ. соч. С. 531–532.

¹⁵ Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1677. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Chang Li. The Soviet Grip on Sinkiang // Foreign Affairs An American Quarterly Review. Vol. XXXII. № 3, April 1954. P. 502.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Morrison I. Some Notes on the Kazaks of Sinkiang // Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. XXXVI, January 1949. Part I. P. 70.

на нефтяных промыслах Тушанцзы. Сюда было доставлено советское оборудование и прибыли советские специалисты. Причем значительная часть добываемой здесь нефти и производимого бензина также вывозилась на советскую территорию²⁰.

Помимо добычи нефти, цветных и редких металлов советскими специалистами велись в этом регионе активные геологоразведочные работы. В итоге в 1946–1948 гг. были открыты промышленные залежи алмазов, золота, висмута, асбеста, гипса, ртути и других полезных ископаемых²¹. Столь целенаправленная работа позволяет предполагать наличие масштабных и конкретных планов, существовавших у советского руководства в отношении этого района.

Следует заметить, что отношения Советского Союза с освобожденными округами Синьцзяна не ограничивались только торгово-экономическим сотрудничеством. Начиная с 1945 г. с этими районами были возобновлены культурные связи населения советских среднеазиатских республик. Сюда выезжали уйгурские, казахские и киргизские концертные бригады и театральные коллективы. В гг.: Чугучак, Кульджа, Шара-Сумэ — завозились книги, газеты и кинофильмы на казахском и уйгурском языках. В свою очередь, выходившие в этих округах газеты и журналы (в освобожденных округах выходило 11 газет и 4 журнала с разовым тиражом в 1490 экземпляров)²² знакомили своих читателей с событиями, происходившими в Советском Союзе. Например, газета «Халк Айвази» («Голос народа»), выходившая в г. Чугучак в течение 1947 г., поместила на своих страницах 52 статьи и перепечатки о Советском Союзе. Газета «Циклобачил Яшлар» («Революционная молодежь»), также вы-

ходившая в Чугучаке, — 20 статей и перепечаток. Кроме того, в этой газете регулярно выходили так называемые русские страницы²³.

Довольно часто населению освобожденных округов оказывалась экономическая помощь, что в условиях послевоенной разрухи было весьма непросто. Так, в июне 1946 г. министр внутренних дел СССР Круглов направил В.М. Молотову следующее письмо: «По сообщению Всесоюзного экспортно-импортного объединения по торговле с Синьцзяном (Совсиньторг), губернатор Алтайского округа Синьцзяна, в связи с затруднениями в снабжении хлебом и зернопродуктами для селян занятых повстанцами районов, обратился через советского консула с просьбой об отпуске 500 тонн пшеницы. Просьба была удовлетворена, и зерно уже доставлено в Тополев Мыс, в 70 км от границы на нашей территории.

Председатель объединения «Совсиньторг» просит разрешения на пропуск через границу синьцзянского каравана из 300 верблюдов с погонщиками до Тополева Мыса и обратно; караван уже прибыл из Синьцзяна к нашей границе. МВД СССР против пропуска каравана не возражает»²⁴. Подобного рода эпизоды были частым явлением в отношениях между освобожденными округами и Советским Союзом.

Начиная с мая 1947 г., после назначения на должность председателя коалиционного правительства Масуда Сабри, одного из общепризнанных идеологов и лидеров пантюркизма, отношения между Советским Союзом и Синьцзяном начали вновь быстро ухудшаться. Их окончательное охлаждение наступило после того, как в начале июня 1947 г. в местечке Байташань на синьцзянском участке китайско-монгольской границы произошел серьезный инцидент с участием войск Монгольской Народной Республики

²⁰ Chang Li. Op. Cit. 502.

²¹ Ibidem.

²² Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение в Синьцзяне в 1931–1949 гг. : в 2 ч. Ч. II. М., 1974. С. 93.

²³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 82. Л. 37–41.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9401-с («Особая папка» В.М. Молотова). Оп. 2. Д. 142. Л. 306.

и Китая, а в августе того же года было разорвано мирное соглашение между освобожденными округами и гоминьдановским правительством.

По официальной версии правительства Монгольской Народной Республики, 2 июня 1947 г. отряд казахов, насчитывавший несколько сот человек, во главе с Оспан-батыром и поддерживавшие их подразделения регулярной гоминьдановской армии, уничтожив монгольскую пограничную заставу, пересекли китайско-монгольскую границу и проникли вглубь монгольской территории. Подошедшие в район нарушения монгольские войска 5 июня 1947 г. в ходе ожесточенного боя вытеснили нарушителей за линию государственной границы, нанеся им существенный урон. В ходе боевых действий части монгольской армии поддерживались авиацией²⁵.

Однако те же события в версии, изложенной Центральным телеграфным агентством китайского правительства в сообщении от 9 июня, выглядели совсем иначе. По данным, которыми располагало агентство (эти данные могли быть предоставлены только синьцзянскими властями, поскольку гоминьдановские правительственные структуры, по мнению американских дипломатов, даже не знали, в какой точке провинции находится Байташань. — *В.Б.*), кавалерийское подразделение Монгольской Народной республики 5 июня, нарушив государственную границу в районе местечка Байташань, напало на китайские части, дислоцировавшиеся в этом районе. В ходе боев это подразделение продвинулось вглубь китайской территории на 200 миль. Сообщалось также, что боевые действия монгольских частей «...поддерживали 4 самолета, имевшие опознавательные знаки СССР». Советские самолеты, по версии китайской стороны, продолжали бомбардировку и об-

стрел китайских войск и в последующие несколько дней²⁶.

Одиннадцатого июня посол Китая в Москве Фу Бичан вручил В.М. Молотову телеграмму министра иностранных дел Ван Шицзе, в которой тот обвинял Советский Союз в том, что «5 июня сего года 4 самолета с опознавательными знаками СССР, нарушив границу, перелетели на территорию Китая в Синьцзян и на расстоянии 200 км от границы над пунктом Байташань произвели бомбометание и обстрел китайских войск». В связи с этим, по поручению своего правительства министр заявлял «энергичный протест» и требовал «немедленного наказания виновников»²⁷. В ответ на обвинения китайцев 14 июня было опубликовано заявление ТАСС, в котором эти обвинения отвергались как «не соответствующие действительности и являющиеся провокационным вымыслом»²⁸. После этого между сторонами прошел обмен нотами с взаимными обвинениями и протестами²⁹.

Инцидент в Байташане осложнил и без того весьма непростые взаимоотношения Советского Союза и Китая в Синьцзяне. В то же время разрыв мирного соглашения между повстанцами трех округов и Центральным правительством, произошедший в августе того же года и приведший к новому витку противостояния между провинциальными властями и национально-освободительным движением, окончательно похоронил надежду на казавшуюся близкой и достижимой нормализацию этих отношений.

И Центральное правительство Китая, и руководители провинции, как уже

²⁶ Op.cit. P.567.

²⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П. 164. Д. 7. Л. 130.

²⁸ Правда. 14.06.1947.

²⁹ См.: ноты Поверенного в делах СССР в Китае министру иностранных дел Китая Ван Ши-цзе от 20 июня и 5 августа 1947 года и ноту министра иностранных дел Китая Ван Ши-цзе поверенному в делах СССР в Китае от 8 июля 1947 года // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П.164. Д. 7. Л. 62, 73, 87.

²⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Paper. 1947. Volume VII. P. 566.

было отмечено, не сомневались в том, что восстание 1944–1945 гг. было инспирировано и поддерживалось Советским Союзом. Председатель провинциального правительства Чжан Чжичжун неоднократно заявлял об этом американскому консулу, ссылаясь на собственные наблюдения в качестве доказательств правоты. Не сомневался в этом и преемник Чжан Чжичжуна Масуд Сабри. Поэтому после разрыва мирного соглашения у них не было сомнений в том, что политическое и военное руководство освобожденных округов, за спинами которого стоит Советское государство, вернется к идее силового свержения существовавшей в провинции власти. Это было тем более реально в условиях, когда Советский Союз практически открыто поддерживал Компартию Китая, ведущую борьбу против гоминьдановского правительства.

Американский исследователь Г. Вэй, касаясь августовского политического кризиса в Синьцзяне, пишет в своей работе «Китай и Советская Россия»: «...Ситуация стала настолько критической, что правительству Китая пришлось отправлять в Урумчи оружие и боеприпасы на самолетах, так как имелись все основания ожидать нового восстания»³⁰. Понятно, что в этих условиях предложения о восстановлении и развитии торгово-экономических связей с Советским Со-

юзом, с которыми выступили провинциальные власти, были окончательно отставлены.

Таким образом, политика Советского Союза в отношении провинции Синьцзян в период действия мирного соглашения и деятельности коалиционного правительства определялась следующими обстоятельствами. С одной стороны, в Советском Союзе были убеждены в верности прогнозов о скором поражении гоминьдановского правительства от сил КПК в идущей гражданской войне. Приход к власти в Китае коммунистического режима должен был обеспечить возврат прежнего влияния СССР в Синьцзяне. В этих условиях руководители Советского государства не считали возможным идти навстречу предложениям о восстановлении экономических отношений с провинцией, ибо такое сотрудничество противоречило их планам и целям. С другой стороны, активное всестороннее сотрудничество с освобожденными округами позволяло советскому правительству сохранять на территории провинции своеобразный плацдарм для возможных будущих операций и одновременно удовлетворять, хоть и частично, нужды собственной промышленности в полезных ископаемых, имеющихся на территории этих районов. События 1948–1949 гг. в значительной степени подтвердили верность такой политической линии.

³⁰ Wey G. China and Soviet Russia. Princeton, New York. 1980. P. 207.

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА В КИТАЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Е.В. Савкович, А.Г. Данков

Торговые пути издревле служили кровеносными сосудами цивилизации, способствовали межкультурному общению, развитию стран и территорий и распространению инноваций. Проблема транспортных коммуникаций остается актуальной и в наши дни, поэтому в современном в политическом лексиконе мы можем наблюдать появление еще одного термина, применительно к сфере безопасности: «коммуникационная безопасность»¹. Так или иначе в зоне потенциальных и существующих конфликтов находятся транспортные коммуникации. В связи с этим при возникновении какой-либо угрозы возникает проблема доступности определенной точки пространства с целью устранения данной угрозы в максимально короткие сроки. Общие угрозы коммуникационной безопасности в Центральноазиатском регионе накладываются на общие сферы интересов государств.

При анализе состояния и перспектив сотрудничества в области развития инфраструктуры необходимо отметить тот факт, что для всех государств Центральной Азии характерно наличие транспортной проблемы (и в целом недостаточ-

ный уровень развития инфраструктуры). В регионе существует большое количество конкурирующих транспортных проектов, охватывающих все виды транспорта, которые призваны решить проблему обеспечения и расширения существующих связей с сопредельными государствами. Инициаторами проектов выступают, в большинстве случаев, различные международные силы. Проекты и их реализация на практике связаны с большими капиталовложениями. Со стороны кредиторов одним из условий предоставления кредитов зачастую становилась внутривнутриполитическая стабильность. Также достаточно часто кредиты обставлялись некими политическими условиями для получателей, в том числе автономным управлением проектами². Это обусловило переход данной проблемы из экономической в политическую сферу.

Транспортные проекты в Центральноазиатском регионе в настоящее время имеют большое геополитическое значение. Руководства независимых государств с момента обретения ими независимости стремились принимать активное участие в подобного рода проектах. От уровня развития транспортных коммуникаций напрямую зависит доступ на внешние рынки — и, как следствие, уровень развития внешней торговли.

К началу 1990-х инфраструктура в регионе Центральной Азии (ЦА) и Западного Китая в период практически по-

¹ См., напр.: Сыздыков М. Особенности и приоритеты национальной стратегии безопасности Казахстана // Национальный институт стратегических исследований при Президенте Украины. URL: <http://www.niss.gov.ua/book/strateg/018.htm>. 12.10.2008; Грабовецкий Д.В. О проблеме электронной и коммуникационной безопасности в современной холодной войне // Политология в России. URL: <http://www.polit.mezhdunarodnik.ru>, 12.10.2008.

² Blank S. Reconstructing Inner Asia. Conflict Studies Research Centre. August 2002. London. P. 5.

всем показателям характеризовалась как недостаточно развитая³. Это обстоятельство являлось и одним из препятствий развития регионального сотрудничества.

После обретения независимости государствами Центральной Азии, роль и место Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР) в рамках «политики реформ и открытости» изменились. Изменилось и геостратегическое значение района, а правительство КНР попыталось максимально использовать новую ситуацию. Как известно, СУАР КНР географически доступнее как раз из Центральной Азии, чем из внутренних районов Китая. На СУАР, согласно данным китайской таможи, приходилось около 80% внешнеторговых операций КНР с государствами ЦА⁴. Причем большинство операций СУАР — на два «пункта открытости» — Алашанькоу и Хоргос.

Движение к «открытости» в КНР началось еще во времена «позднего СССР». Точкой отсчета современного этапа развития сотрудничества принято считать 1982 г., в апреле которого между министерствами внешней торговли КНР и СССР было заключено соглашение о приграничной торговле. Что касается сотрудничества в сфере инфраструктуры и транспорта, то здесь отправной датой считается 1 сентября 1990 г., когда председатель КНР Цзян Цзэминь проехал на поезде от Урумчи до пограничного с СССР КПП «Алашанькоу», а 12 сентября этого же года участок железнодорожной трассы «Ланьчжоу — Синьцзян» (*китайское наименование — «Лань-Синь», по пер-*

вым иероглифам в обозначении регионов. — Авт.), примыкающей к границе КНР на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района соединили с советским КПП «Дружба». В этот же день было официально открыто железнодорожное сообщение Алашанькоу (КНР) — «Дружба» (СССР). Этот момент стал ключевым для развития сотрудничества КНР с СССР, а затем — с независимым Казахстаном в области инфраструктуры. Китайские исследователи считают эту дату официальной датой создания новой транспортной магистрали, которая связала Европу и Азию⁵. Проект назывался «новым мостом», который соединил Евроазию «по горизонтали»⁶, «транспортной артерией для открытости на западе КНР»⁷. Было положено начало формированию новой Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ) и системе «транспортных коридоров».

Важными элементами вновь формирующейся Китаем инфраструктурной системы вокруг Центральной Азии в этот период становятся контрольно-пропускные пункты (КПП) или, по китайской терминологии, «открытые порты» («коуань»). СУАР имеет непосредственную границу с тремя государствами Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном) протяженностью около 3000 км, 17 «пунктов открытости»⁸. С июля 1991 г., когда было открыто временное транспортное сообщение, начинает повышаться роль КПП «Алашанькоу» в региональном грузообороте и пассажиропотоке. Так, уже в 1992 г. через КПП «Алашанькоу» было перевезе-

³ См., напр.: Азовский И.П. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М., 1999. 95 с.; Infrastructure development in Kazakhstan. Transport and communications. New Delhi. 1996. P. 2.

⁴ Фэн Син. Синьцзян да ваймао гэцзюй цзибэнь синчэн вэй сибу «маои цянтю бао» (В рамках внешнеторговой структуры в СУАР уже сформирован «торговый мост» на Западе КНР) // Сообщение информационной сети «Чжунго цзинци ван» (Китайская экономическая сеть). 04.06.2009.

⁵ Ван Фэнюнь. Синьцзян Алашанькоу коуань цзай Чжунго юй Чжунъя гоцзи гуаньсичжундэ цзоюн (Роль «Алашанькоу (СУАР) в международных отношениях КНР с государствами Центральной Азии) // Социализм в Чунцине (журнал). 2010. № 13 (3). С. 24.

⁶ Там же.

⁷ Фэн Син... Указ. соч.

⁸ Анивар А., Гун Лу, Люй Гуанхуэй (Анализ «портов открытости» в Синьцзяне) // Вестник Синьцзянского университета (Серия: Общественные науки). 2010. № 38 (2). С. 1–4.

но 470 тыс. тонн грузов⁹. Перевозка пассажиров официально началась с 23 июня 1992 г., когда начал ходить пассажирский поезд № 13/14 «Урумчи — Алматы». Маршрут стал регулярным, а сообщение стало осуществляться на постоянной основе два раза в неделю в обе стороны. В 1993—1994 гг. маршрут пытались протянуть до Ланьчжоу, однако развитие такого рода новшество не получило. К 2004 г. было перевезено более 10 млн тонн грузов, зарегистрировано около 600 тыс. пересечений границы (пассажиры-раз)¹⁰. КПП стал самым быстроразвивающимся в КНР, по основным показателям только немного уступая КПП «Маньчжурия» и получил статус «КПП первой категории». За период 1992—2004 гг. грузооборот Алашанькоу увеличивался в среднем за год на 25%, на него приходилось более 90% от всех КПП, территориально относящихся к СУАР¹¹. По контейнерным перевозкам он составлял конкуренцию и Транссибирской магистрали.

Несмотря на то что к началу 1990-х в Синьцзяне уже существовала развитая система пропускных пунктов и различного рода «экономических зон»¹²,

именно в этот период СУАР становится главным звеном «открытости на западе», впоследствии став частью более масштабной «стратегии открытости на западе», принятой в 1999 г.

Началось формирование зон свободной торговли в форме «техно-экономических открытых районов» и «приграничных районов экономического сотрудничества», которые должны были выполнять функции в том числе и обеспечения экспортно-импортных операций. Вслед за КПП «Алашанькоу» (1990), в 1992 г. были открыты КПП «Бахты» и «Зимунай» («Цзимунай»), в 1992 г. — «Дулаты» («Дурата»), «Ахтубек» («Ахэйтубэйкэ») и «Мучжартэ» («Мучжаэрчи») (на границе с Казахстаном). Также в 1992 г. правительство Китая и Казахстана подписали соглашения об открытии КПП «Майкапчигай»¹³.

Китай придавал большое значение развитию проекта как на двустороннем уровне (с Республикой Казахстан), так и на многостороннем. Так, уже в 1992 г. с РК были подписаны соглашения об открытии пунктов пропуска через границу, строительстве железных и автомобильных дорог, а также воздушном сообщении между странами. Важнейшими документами, подписанными в этот период, стали «Соглашение об открытии пунктов пропуска через государственную границу», а также «Соглашение о международном автомобильном сообщении». «Протокол о переговорах по вопросам сотрудничества в сфере железнодорожного транспорта» предусматривал организовать с 1 июня 1994 г. беспрепятствен-

⁹ Цит. по: Чжунъя шичан синь шицзяо (Рассмотрение рынков Центральной Азии под новым углом зрения) / под ред. Цинь Фанмин. Пекин : Изд-во Китайской академии наук, 2006. С. 165.

¹⁰ Чжао Жуюй. Чжунго юй Чжунъя гоцзя цзяоюй бяньли хуа (Создание «удобной» инфраструктуры: Китай и Центральная Азия) // Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы. № 6. 2006. С. 23.

¹¹ Цит. по: Чжунъя шичан синь шицзяо (Рассмотрение рынков Центральной Азии под новым углом зрения) / под ред. Цинь Фанмин. Пекин, Изд-во Китайской Академии наук, 2006. С. 165.

¹² Так, начиная с конца 70-х годов в СУАР КНР «открываются» города и районы, ранее закрытые для иностранцев. В 1978 г. такими городами стали Урумчи и Шихэцзы, позднее — г. Турфан, а в 1984 г. — г. Кашгар. Кроме того, была восстановлена деятельность трех контрольно-пропускных пунктов (КПП): Хоргос и Туругарт (с республиками Казахстан и Кыргызстан) и Худжераб (на границе с Индией). В 1986 г. этот список пополнился гг. Хами, Чанцзи, Корла, Аксу и Артуш.

В 1988 г. к ним присоединились Кульджа, Болз, Куйтун, Чугучак (вместе с «приграничными районами сотрудничества»).

¹³ В марте 2002 г. официально были открыты КПП «Цзимунай» (КНР) и «Майкапчигай» (Казахстан) для граждан третьих стран с целью повышения пассажирооборота и грузооборота через них и стимулирования развития пограничных районов двух стран. Еще в начале XX в. район Цзимунай служил одним из шести выходов Китая в царскую Россию.

ный пропуск через железнодорожный переезд «Достык (Дружба) — Алашанькоу» всех грузов Казахстана во все районы КНР и обратно, из всех районов Китая, других стран в Казахстан, Среднюю Азию и иные государства, что фактически означало открытие переезда для третьих стран¹⁴. Это стало возможным ввиду реализации совместной «Программы развития и использования международных магистралей»¹⁵.

29 октября 1994 г. Китай, Россия и пять центральноазиатских государств (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения и Таджикистан) подписали соглашение об улучшении эффективности функционирования Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ), которая связала голландский Роттердам и порт Китая Ляньюньган в Желтом море. Как отметил глава Министерства железных дорог КНР, «...комплексное использование этой железной дороги должно увеличить торговлю, экономические и культурные обмены среди стран АТР, Средней Азии, Ближнего Востока, и Европы»¹⁶. В этот период было положено начало развитию сети «коридоров ТАЖМ» на территории Центральной Азии с выходами на другие регионы. Существенную роль в таком развитии сыграли подписанные соглашения с Республикой Казахстан и Россией.

Дополнительное соглашение с Республикой Казахстан в сентябре 1995 г. «Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об использовании морского порта Китая Ляньюньган для переработки и транспортировки казахстанских грузов» частично

позволило Казахстану выйти из транспортного тупика.

В марте 1995 г. Казахстан, Кыргызстан, Пакистан и КНР подписали соглашение о взаимном транзите через территории стран — участников соглашения. К сожалению, договоренности, предусмотренные соглашением, не выполнялись, что привело к тому, что в 1997 и 1998 гг. представители этих стран проводили консультации по вопросам реализации подписанного соглашения¹⁷. Однако официальное открытие транзитных перевозок состоялось только 15 мая 2004 г., после экстренных консультаций Китая, Казахстана, Кыргызстана и Пакистана.

К началу 2000-х гг. международный переход Достык (Дружба) — Алашанькоу признается «ключевым пунктом Трансазиатской железнодорожной магистрали, приоритетным в развитии транспортного коридора «Восток — запад» и важной частью ТАЖМ»¹⁸.

Для Китая развитие проекта коридоров открывало новые возможности, а именно — транспортный доступ к региону Центральной Азии (в основном — ресурсный доступ и доступ к рынкам), а в дальнейшем — выход на Центральную Россию, Восточную и Западную Европу. Центральная Азия в проекте играла роль транзитного региона. Наибольшую активность в сфере инфраструктурного сотрудничества Китай начал демонстрировать после принятия в 1999 г. новой политики «открытости западных районов» страны. Кроме того, положительную роль сыграло создание в 2001 г. региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

¹⁴ Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / под общ. ред. Е. Кожокина. М.: М., 1995. С. 349.

¹⁵ Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. Алматы, 1997. С. 275.

¹⁶ Цит. по: China Daily, 29 октября 1994 г., р. 5; Сообщение агентства «Синьхуа», 20 октября 1996 г.

¹⁷ Казахстан — Китай — Киргизия — Пакистан. 15 мая открывается Трансцентразийский автотранзит // Официальный сайт агентства «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1082056080>. 12.03.2000.

¹⁸ Лай Гуанлинь. Новый Шелковый путь и экономическое развитие Синьцзяна // Стратегия развития западных районов КНР: демографическая политика и политика открытости. Экспресс-информация. № 10. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 70.

В самом Китае начала реализовываться программа «нового освоения запада». В 2000 г. Государственный плановый комитет КНР утвердил десять основных объектов, имеющих отношение к освоению западного региона. В их число попали крупные проекты по строительству участка «Сиань — Хэфэй» железнодорожной магистрали «Сиань — Нанькин» длиной 955 км; магистрали «Чунцин — Хуайхуа» длиной 640 км; строительство шоссе дорог (государственных магистралей), аэродромов в Сиани, Чэнду, Куньмине, Ланьчжоу и Урумчи¹⁹. Началось и перераспределение инвестиционных потоков. Всего за период 2000–2009 гг. было реализовано 120 региональных проектов на северо-западе, с суммой инвестиций в размере 2 трлн 200 млрд юаней. Общий объем инвестиций только по 23 новым проектам составил 682 млрд юаней²⁰.

Китайская сторона активно развивала собственные пункты пропуска, в частности, инвестиции только в Алашанькоу за 1990-е гг. составили 2,2 млрд долл.²¹. Ожидалось, что товарооборот к 2007 г. достигнет цифр в 1,7 млрд тонн²².

За первые годы функционирования ТАЖМ произошел существенный рост контейнерных перевозок по данной железной дороге. Официальное открытие данной магистрали относится к 1996 г. и

уже за январь — август этого года из Китая были отправлены более чем 4000 контейнеров, что составило 150% к тому же периоду предыдущего года²³. Однако в последующие годы долгое время не удавалось согласовать тарифы на перевозки, прежде всего между КНР и Казахстаном, что отразилось на объемах транспортировок.

К началу 2000-х гг. обострилась экономическая и геополитическая конкуренция между ТАЖМ и Транссибом. Так, с 1 июля 2000 г. китайская сторона снизила транзитные ставки для товаров, идущих через ТАЖМ, на 40% для перевозок металлов и на 70% для контейнеров. Существовал и объективный фактор — функциональность ТАЖМ по сравнению с Транссибом была выше, расстояние от Ляньюнгана до портов Латвии — значительно меньше (на 1500 км); так, если транспортировка морем занимала 20–30 дней, то по железной дороге — всего 11 дней²⁴.

Первоначально оцениваемый многими аналитиками, особенно российскими, как связанный с непомерно большими расходами, а следовательно, невыполнимый, проект ТАЖМ все-таки был реализован. Однако в проекте присутствовали как положительные, так и отрицательные моменты. Так, в проекте ТАЖМ суверенное государство взяло на себя расходы по обустройству участка железной дороги в пределах своих границ²⁵. Несомненно, это условие придавало жизнеспособность проекту, так как государство сохраняло монополию на прокладку железнодорожных путей и получение прибылей от их использова-

¹⁹ Цю Сунхуэй. Влияние политики открытости западного региона на экономику Китая // Стратегия развития западных районов КНР: демографическая политика и политика открытости. Экспресс-информация. № 10. М., 2001. С. 39.

²⁰ Цзиньнянь сибу дакайфа синь кайгун 23 сяч чжундянь гунчэн (В этом году по программе «открытости западных районов КНР» будет реализовано 23 новых крупных проекта) // Чжунго чжэнцзюань бао (Ценные бумаги КНР). 06.07.2010. A02.

²¹ Ван Хайянь. Цзинцзи хэцзо юй фачжань. Чжунья ую юй Чжунго Синьцзян (Экономическое сотрудничество и развитие. Пять государств Центральной Азии и Синьцзян). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 171.

²² Там же.

²³ Shirk S. How China Opened Its Door: The Political Success of the PRC's Foreign Trade and Investment Reforms. Wash.D.C.: Brookings Institution. 1994. P. 213.

²⁴ Джалилов А. Начала работать крупнейшая в мире Транс — Азиатско — Европейская магистраль // Панорама. 16.05.1998.

²⁵ Об экономическом присутствии России в регионе Центральной Азии // База данных Синологической библиотеки ИДВ РАН.

ния. С другой стороны, не исключалась возможность участия иностранных инвесторов, что не гарантирует косвенное вмешательство одних государств во внутренние дела других. Кроме того, собственно государство могло пойти по пути сокращения издержек и использования более рационального и эффективного маршрута.

Существовало мнение, что российская сторона от реализации проекта не пострадает, а конкуренции между двумя транспортными путями не будет, так как в большей степени Япония и Республика Корея (после соединения Транскорейской магистрали с Транссибом), а в меньшей степени США заинтересованы в доставке грузов через Транссибирскую магистраль. Однако только от того, что в 1999 г. Карагандинский металлургический комбинат «Испат-Кармета» переориентировал свой экспорт в Китай с российских железных дорог на казахстанскую, российские железные дороги недополучили 800 тыс. тонн грузов²⁶. Собственные планы как по модернизации железнодорожной сети, так и по формированию качественно нового подхода к решению проблемы поставок — организации на основе существующих магистралей «транспортных мостов» или «транзитных транспортных коридоров» разрабатывались в России²⁷, Казахстане²⁸, Китае.

Россия активно включилась в конкурентную борьбу, начав реструктуризацию отрасли. В 2009 г. по Транссибу было перевезено более 173 тыс. стандартных контейнеров (это при том, что из-за

кризиса объемы перевозок в сравнении с 2008 г. сократились на 56%), а рыночная доля ТАЖМ стала падать — с порядка 50% в 1997 г. до 8% в 2003 г.²⁹ Проблемной для китайской стороны оказалась и перегрузка контейнеров, а также нехватка вагонов в сопредельных государствах (например, Казахстане).

Идея транспортно-экономической системы в Центральной Азии — комплексная и включает в себя не только железнодорожные, но и автомобильные маршруты³⁰. Кроме того, она начинает заново связывать части бывшей советской инфраструктуры в регионе, а также создавать новые, в том числе — межрегиональные и международные.

Современные китайские разработки в этой сфере в настоящее время призваны облегчить КНР доступ к Центральной Азии, а также, по возможности, «оживить» Трансзиатскую железнодорожную магистраль с ее системой коридоров. С этим связано и большинство региональных проектов Китая. Многие из них берут начало в середине — конце 1990-х гг.

Во-первых, это строительство второй ветки ТАЖМ, пока на участке Кашгар — Андижан (Узбекистан), длиной около 500 км. Далее ветка должна проходить по краю Каспийского и Черного морей и заканчиваться на южном побережье Франции³¹. Для самого Синьцзяна проект — стратегический, так как связывает север и юг региона. В 2000 г. закончилось строительство железнодорожной ветки Корла — Кашгар (продолжение ветки Турфан — Корла, построенной еще в дореформенный период). Кашгар

²⁶ Китай — Казахстан // Сообщение ИНТЕРФАКС. 16.02.2001.

²⁷ См., напр.: Хоменко А.П. Транспортный коридор и экономический пояс // Ежегодная экономическая газета. Экономика, право, менеджмент. Ирк. 2002. № 44. 8 с.; Стратегия развития России в АТР в XXI веке. М., 2000. 45 с. и т.д.

²⁸ См., напр.: Гусева Л.Ю., Исингарин Н.К. Транспортно-экономический коридор — потенциал развития // Казахстан — Спектр. 2003. № 1 (23). С. 3–6.

²⁹ Чжунъя шичан синь шицзяо (Рассмотрение рынков Центральной Азии под новым углом зрения) / под ред. Цинь Фанмин. Пекин, Изд-во Китайской академии наук, 2006. С. 165.

³⁰ См. подробнее: Гусева Л.Ю., Исингарин Н.К. Транспортно-экономический коридор... С. 3–6.

³¹ Китай — Казахстан // Сообщение ИНТЕРФАКС. 16.02.2001.

стал самой западной точкой железной дороги в КНР. С июля 2008 г. началось сооружение 488-километровой железнодорожной ветки до Хотана. Ввод в эксплуатацию намечается на конец 2010 г. или начало 2011³². На центральноазиатском участке планируется связать Китай с Кыргызстаном и Узбекистаном. Проект уже включен в планы 11-й пятилетки. Таким образом, китайские железные дороги смогут выйти еще на один новый участок за пределами КНР — часть бывшей Западно-Туркестанской железной дороги. Китайской стороне необходимо достроить участок до границы с КГ длиной в 168 км, по территории КГ — 248, от Карасу до Андижана трасса уже есть, около 50 км. В настоящее время проект находится в процессе обсуждения и согласования. Кроме всего прочего, проект рассчитан и на развитие трех округов Южного Синьцзяна — наиболее бедного региона даже в масштабах СУАР. Долгое время регион был отрезан от транспортных коммуникаций, прежде всего из-за отсутствия финансовых средств, а также — из-за географической труднодоступности.

По мнению китайских официальных лиц, эта дорога должна будет усилить экономические связи Китая со странами Центральной Азии, а также Ближним Востоком и Европой. Объем грузоперевозок, перевозимых по этой дороге, по расчетам специалистов, составит 10 млн тонн³³. Магистраль станет еще одной частью транспортного моста «Европа — Азия» (или «Азия — Европа»), а также позволит изменить региональную транспортную структуру в Синьцзяне, до сих пор «привязанную» к северу СУАР. Но-

вым региональным центром в перспективе станет и Кашгар.

Во-вторых, это новый проект высокоскоростных магистралей. Проект как внутрикитайский, так и международный. Планы будут реализованы поступательно в рамках стратегии развития железных дорог КНР — «сыцзун сыхэн» («4 вдоль, 4 поперек» или «4 + 4»). Здесь Китай собирается выстроить собственную полноценную сеть железных дорог (в том числе высокоскоростных) к 2015–2020 гг. Будет сформировано так называемое «большое кольцо» или города, находящиеся в радиусе 1–8 часов езды от Пекина. При этом концепция «4 + 4» обеспечит охват всех наиболее населенных регионов Китая, или около 60% населения и основных центров экономического развития Китая «Бохайского кольца», дельты реки Жемчужной, дельты Янцзы и другие. Также данный проект стал частью перспективного среднесрочного плана развития сети железных дорог в Китае.

В проект был включен и самый западный регион КНР — СУАР. 8 января 2010 г. на рабочем совещании Министерства железнодорожного транспорта КНР было принято решение о начале строительства Паназиятской высокоскоростной железнодорожной магистрали. В развитии данной темы 13 марта 2010 г. на повестке дня третьей сессии 11-го созыва Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) был заслушан доклад «Направления развития китайских высокоскоростных железных дорог». В докладе отмечается, что общая длина высокоскоростных железных дорог в Китае к 2012 г. должна превысить 13 тыс. км. *В итоге время поездки от провинциальных центров до любой внешней границы существенно сократится и составит от получаса до часа.*

В прессе заявление о начале масштабного освоения рынка соседних государств было сделано первоначально на не очень высоком уровне. Профессор Пекинского университета транспорта

³² См.: Чжун-Цзи-У телу цзяншэ дуй Синьцзян цзинцидэ инсян (Влияние строительства железнодорожной магистрали КНР — Кыргызстан — Узбекистан на экономическое развитие Синьцзяна) // Цзинци дили (Экономическая география). Вып. 29. № 8. 2009. С. 1272.

³³ Там же.

и коммуникаций, академик Китайской академии инженерных наук Ван Мэншу в интервью гонконгскому журналисту сообщил, что «Китай планирует создание материковой магистральной сети скоростного транспорта и распространение ее на Россию, ЦА, а также государства Восточной Азии — всего планирует охватить 17 государств»³⁴.

Также он отметил, что сейчас в КНР существует как минимум три плана строительства магистралей, которые «мы передадим вышеозначенным государствам». В настоящее же время «ведутся переговоры с этими государствами». Также говорится о целой сети железных дорог, которые охватят Россию, Центральную Азию и позволят выйти на железные дороги Восточной Азии и Европы. Согласно плану, к 2025 г. планируется начать строительство.

Три направления строительства — следующие:

1) Центральноазиатское направление. Ветка начнется от Урумчи, пройдет через территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Турции и других государств; в итоге появится выход с территории материкового Китая на ФРГ.

2) Восточноазиатское направление. Ветка начнется в Куньмине, далее через Вьетнам, Камбоджу, Таиланд (или через Мьянму), через Малайзию до Сингапура.

3) Российское направление. Из Хэйлунцзяна (начало ветки уже существует) через территорию Сибири — до государств Восточной Европы.

Разные ветки призваны решать разные задачи. Что касается центральноазиатского направления, то это стимулирование развития западных районов КНР,

а также удобная перевозка ресурсов³⁵. В этом заинтересованы и власти самих западных районов КНР, потому что такое масштабное строительство — это и новые инвестиции и новая инфраструктура. Кроме того, освоение железных дорог позволит стимулировать развитие других отраслей промышленности, как отмечает Ван Мэншу, «будут открываться новые шахты, заводы, торговые центры»³⁶. Кроме собственно Синьцзяна, являющегося географическими воротами в Центральную Азию, в проект будут включены и другие регионы КНР, являющиеся «слабыми» или «отсталыми» по макроэкономическим показателям и уровню развития региональной экономики, например провинция Ганьсу.

У Китая, экономика которого, несмотря на мировой финансовый кризис, продолжает расти очень хорошими темпами (около 8% по итогам 2009 г.), есть и финансовые и иные ресурсы.

В-третьих, необходимо отметить один инфраструктурный проект в этом ряду «три севера», который будет реализован к началу 2011 г., по развитию существующей сети автомобильных дорог и создания новой. В планах китайской стороны — связать три региона — северо-запад, север и северо-восток при помощи высокоскоростных автодорог³⁷.

³⁵ Чжуня гаоте цзян хэ фэйци и ян куай (Центральноазиатскую высокоскоростную магистраль по скорости можно сравнить с авиасообщением) // Сообщение информационного агентства Сибу шанвань (Ланьчжоу).

³⁶ Чжунго гаотэ юй лянцзе 17 го (Китай хочет связать высокоскоростными железными дорогами 17 государств) // Сообщение информационного агентства «Цюаньчжоу ваньбао». URL: <http://news.163.com/10/0311/09/61G0F5NN000146BB.html>. 11.03.2010.

³⁷ См., напр.: Саньбэй гуңлу. Цзю шэнцжюй «Ди и тьянь» (Проект «Три севера» пройдет по территории девяти административных образований. Первые предложения) // Синьцзян тьяньшаньван. URL: <http://www.tianshannet.com.cn/GB/channel3/17/200403/03/68716.html>. 03.03.2004.

³⁴ Чжунго гаотэ юй лянцзе 17 го (Китай хочет связать высокоскоростными железными дорогами 17 государств) // Сообщение информационного агентства «Цюаньчжоу ваньбао». URL: <http://news.163.com/10/0311/09/61G0F5NN000146BB.html>. 11.03.2010.

На 2008 г. протяженность автомобильных дорог в СУАР составляла: высокоскоростные шоссе — 541 км, автодороги «первой категории» — 1322 км, автодороги «второй категории» — 7321 км, «третьей категории» — 16 тыс. 379 км, «четвертой категории» и ниже — 86 тыс. 687 км³⁸. Основная проблема и направление реформ — это повышение качества существующих автомагистралей.

Сеть будет полностью создана к началу 2011 г. с выходом через существующие пограничные переходы СУАР на соседние государства. Один из крупнейших трансрегиональных проектов Китая уже обозначил — это строительство Евроазиатской автотранспортной магистрали через территорию Казахстана и России с выходом на пространство государств Европы³⁹.

На региональном уровне СУАР проект «саньбэй» получил региональное обозначение «Саньхэн лянцзун, лянхуань ба тундао» («Три горизонта, две вертикали, два кольца, восемь магистралей»). План является составной частью регионального проекта «Средне- и долгосрочный план развития автодорожной сети СУАР (2003–2020 гг.)», текст которого был одобрен правительством в 2005 г.⁴⁰ В свою очередь, он является частью 124-страничного «Плана создания в Китае сети высокоскоростных автодо-

рог», опубликованного Министерством транспорта КНР 13 января 2005 г.⁴¹

Проект частично повторяет контуры других проектов — железнодорожной магистрали ТАЖМ и нового проекта Паназиатской высокоскоростной железнодорожной магистрали, являясь частью проекта «транспортных коридоров» через территорию Центральной Азии. При поддержке китайской стороны проект начал реализовываться и в соседнем Казахстане. Финансовые средства были найдены и у международных и региональных структур, поддерживающих развитие (например, АБР), республика осуществляет строительство магистрали на собственной территории. Сдача казахстанского участка планируется к 2015 г. на всем протяжении⁴². Проект позволит Казахстану модернизировать собственную сеть автодорог, а также, как отметил президент РК Н.А. Назарбаев, «уже сейчас является частью плана индустриализации экономики»⁴³. Однако, при содействии китайских специалистов, сроки сдачи автодороги могут быть

³⁸ Цит. по: Чжу Синьлинь. Синьцзян цзяотун даолю юньшу сяньчжуан юй фа чжань дуйцэ // Цзяотун цие гуаньли. 2008. Вып. 23. № 1. С. 28–29.

³⁹ См., напр.: Шустов А. Китайский Шелковый путь // Фонд стратегической культуры (Электронное издание). URL: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=2729>. 27.01.2010.

⁴⁰ Синьцзян вэйвуэр цзычжишюй луван гуйхуй хуаньцин инсян пинцзя (План развития дорожной сети в СУАР и оценки его влияния на окружающую среду) // Сообщение Департамента транспорта и коммуникаций СУАР. URL: http://www.moc.gov.cn/2006/06xinjiang/tongzhigg/200609/t20060901_75425.html. 11.08.2006.

⁴¹ Архив документов Министерства транспорта КНР за 2006 г. URL: <http://www.moc.gov.cn/2006/06xinjiang/tongzhigg/>

⁴² См., напр.: Казахстан планирует построить автодорогу из Китая в Европу стоимостью 2,3 млрд долл. // Сообщение агентства «Отдых в Азии». URL: <http://www.tio.kz/news/Kazakhstan-planiruet-postroit-avtodoroguz-Kitaja-v-Evropu-stoim.html>. 02.05.2007; Н. Назарбаев: «Строительство автодороги Западная Европа — Западный Китай должно стать всенародной стройкой для Казахстана» // Сообщение информационного агентства «Казахстан Сегодня». URL: <http://www.zakon.kz/58135-stroitelstvo-avtodorogi-zapadnaja.html>. 21.05.2009; Казахстан завершит строительство своих участков международных автодорог к 2015 г. // Сообщение информационного агентства «Синапс.кз». 03.11.2009. URL: <http://synapse.kz/inkz/2016-kazakhstan-zavershit-stroitelstvo-svoikh.html> и т.д.

⁴³ Н. Назарбаев: «Строительство автодороги Западная Европа — Западный Китай должно стать всенародной стройкой для Казахстана» // Сообщение информационного агентства «Казахстан Сегодня». URL: <http://www.zakon.kz/58135-stroitelstvo-avtodorogi-zapadnaja.html>. 21.05.2009.

даже сокращены. Кроме того, все китайские проекты дополняют «Транспортную стратегию Республики Казахстан» на 2006—2015 гг.⁴⁴

Сотрудничество по всем новым проектам выгодно всем участникам, однако прежде всего Китаю, который всеми средствами стремится к созданию в регионе зоны свободной торговли (ЗСТ) «КНР — Центральная Азия». Напомним, что с 1 января 2010 г. у КНР действует соглашения о ЗСТ с АСЕАН.

Строительство и функционирование новых магистралей играет важную роль в реализации стратегии Китая по широкомасштабному освоению западных регионов страны, кроме того, реализации и других программ по развитию. Уже к концу 1990-х гг. основной поток грузов через «первый» и «второй» транспортные мосты идет из Китая⁴⁵. Внешняя торговля с КНР меняет и региональные рынки Центральной Азии.

Возможно повышение роли ШОС и ее участия в региональных многосторонних проектах. Перспективно также привлечение к транспортным проектам и Туркменистана, особенно после реализации проекта строительства газопровода «Центральная Азия — Китай». Начинается работа и с другими региональными «игроками», в частности, начались проектно-изыскательские работы по расширению железнодорожной сети на соседний Пакистан. В ноябре 2009 г. Пакистан и КНР подписали соглашение о создании совместной компании по разработке трансграничной железнодорожной трассы через Хунджеабский перевал.

Для КНР организация успешной работы китайских участков авто- и железной дороги просто не стоит, главное сейчас зависит от государств-партнеров.

До настоящего момента у КНР существует лишь один собственный маршрут транспортировки грузов с востока на запад — ТАЖМ. Кроме того, обеспечение доступа к Южному Синьцзяну поможет стабилизировать социально-экономическую ситуацию в регионе. Как известно, сегодня ситуация в этом регионе характеризуется национал-сепаратистскими движениями.

Для внутриматериковых стран строительство современных транспортных сетей является важнейшим средством для выхода из изоляции и, как они полагают, повышения своего статуса в мировой экономике и политике⁴⁶; а также даст импульс экономическому сотрудничеству в регионе, привлечет иностранные инвестиции. По максимуму может использовать свой транзитный потенциал Казахстан, который «долго и тщательно готовился к разумной эксплуатации своего основного стратегического ресурса — географического положения государства в центре Евразии»⁴⁷. Россия и Казахстан уже сейчас являются конкурентами в области железнодорожных перевозок, а в перспективе конкуренция может еще и возрасти, в ближайшей перспективе — за счет строительства сети современных автодорог.

В перспективе китайские специалисты считают, что в рамках новых проектов Трансазиатская железнодорожная магистраль (ТАЖМ) превратится в комбинированную трансконтинентальную коммуникационную линию, включающую в себя железные дороги, автотрассы, воздушные пути, водные пути, нефтепроводы и магистральные кабели связи, что соответствует мировой тенденции экономической глобализации и региональной кооперации.

Достаточно долгое время осуществление проекта тормозилось отсутствием

⁴⁴ Транспортная стратегия Республики Казахстан // Официальный сайт Правительства Республики Казахстан. URL: <http://ru.government.kz/resources/docs/doc5.02.10.2010>.

⁴⁵ Отрасль уже начала осуществление проектов развития // Панорама. 16.04.1998.

⁴⁶ Shirk S. How China Opened Its Door... P. 213.

⁴⁷ Абишев А. Внешняя политика Казахстана // Центр внешней политики и анализа при Президенте РК. URL: http://www.cvi.kz/text/External_policy/External_pol.html. 01.06.2000.

необходимых финансовых ресурсов, однако сейчас такие ресурсы у Китая есть. Таким образом, сейчас перед Россией встает вопрос об адекватном ответе на вызов со стороны такого важного игрока в сфере транспортных коммуникаций в Азии, как Китай. Сможет ли Россия

выстроить верную стратегию развития собственной системы коммуникаций, в первую очередь в Сибири и на Дальнем Востоке, и включиться в международные процессы в этой сфере? Времени для принятия решений осталось крайне мало.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рамакант Триведи

Безопасность — это стремление избавиться от угроз и способность государств и обществ сохранять свою независимую идентичность и свою функциональную целостность в неприкосновенности от тех перемен, которые рассматриваются ими как враждебные. Нижней линией безопасности является выживание, но к безопасности разумно отнести и существенную разноплановую обеспокоенность в отношении условий существования¹.

Подход Барри Бузана получил все возрастающую поддержку со стороны экспертного сообщества после дезинтеграции Союза Советских Социалистических Республик и окончания холодной войны в 1991 г. В биполярную эпоху доминировал традиционный подход к проблемам обеспечения безопасности — военно-политический. Однако в период, наступивший после окончания холодной войны, нетрадиционные угрозы заняли важное место в общей проблематике международной безопасности. В процессе выявления набора данных нетрадиционных угроз безопасности можно упростить проблему и заявить, что любая потенциальная угроза государству, которая не относится к традиционным, подходит под определение «нетрадиционная».

В список данных угроз включаются:

- 1) религиозный экстремизм;
- 2) терроризм;

- 3) торговля людьми;
- 4) экологические преступления;
- 5) торговля наркотиками;
- 6) пиратство;
- 7) контрабанда оружия;
- 8) контрабанда оружия массового уничтожения или его компонентов.

Поскольку нетрадиционные угрозы безопасности охватывают столь обширные области, в рамках статьи можно сконцентрироваться лишь на одной из таких областей. Нами были выбраны угрозы безопасности стран Центральной Азии, исходящие от религиозного экстремизма, для углубленного анализа в сравнительной перспективе. Религиозный экстремизм создает прямые угрозы безопасности государств региона, что вызывает необходимость незамедлительной активной реакции (включая использование силы) для их нейтрализации. Важно также отметить, что уже определенное время центром этих экстремистских сил стала Ферганская долина.

После распада Советского Союза некоторые ученые предрекали, что религиозный экстремизм превратит Центральную Азию в один из наиболее неустойчивых регионов мира. Этот тезис обладает некоторыми достоинствами, поскольку позднее мы стали свидетелями роста религиозного экстремизма, о чем явно свидетельствует деятельность двух наиболее мощных религиозно-экстремистских групп в Центральной Азии — Исламское движение Туркестана и «Хизб-ут-Тахрир». С 1991 г. начались столкновения секуляристских и экстре-

¹ Buzan B. *New Pattern of Global Security in Twenty First Century* // International Affairs. Vol. 67. No. 3. London: RIIA, 1991. P. 431–451.

мистских сил в Центральной Азии, и произошло много насильственных инцидентов. Некоторые центральноазиатские аналитики связывают подъем экстремизма с политическими потерями, ухудшением экономических условий, коррупцией, чрезвычайным падением жизненного уровня, безработицей, плохим управлением в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. С этим обобщением можно частично согласиться. Однако тогда трудно понять, почему «Хизб-ут-Тахрир» и «Исламское Движение Туркестана» ставят задачу создания халифата. События в Андижане (Узбекистан) в мае 2005 г. были вызваны не только социальными и экономическими требованиями. Существуют сильные религиозные и политические мотивы², и борьба за власть будет открыто проявляться еще какое-то время. Эксперты также указывают на внешнюю финансовую поддержку, оказываемую террористам³. Помимо этого, специалисты по Центральной Азии предположили, что «цветные революции», которые прокатились за последнее время по территории бывшего Советского Союза, отбросили тень на узбекскую часть Ферганской долины. Данный тезис представляется простой экстраполяцией, основанной на неадекватной базе данных. Однако есть обоснования для постоянного наблюдения и анализа развития событий, потому что Ферганская долина — самый населенный регион Центральной Азии, и травматические изменения в нем будут иметь важные геополитические последствия для всех соседей по региону. Религиозный фактор всегда был очень важен в Ферганской долине. После 1991 г. экономические тяготы и лишения укрепили его позиции, причем существует тенденция к усилению экстремистских настроений.

² Akiner Sh. Violence in Andijon 13 May 2005: An Independent Analysis. URL: http://www.silkroadstudies.org/new/inside/publications/0507_Akiner.pdf

³ Ibid.

Проблема религиозного экстремизма в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане претерпевает сейчас радикальные перемены. Данный фактор стал заметен практически на всей территории Центральной Азии, хотя степень его развития значительно разнится. В Казахстане, Киргизии и Туркмении ислам исторически играл менее важную политическую роль, тогда как в Узбекистане и Таджикистане — очень значительную. Эти государства географически близки к Исламской Республике Иран, Афганистану и Пакистану, а их исламские институты насчитывают века. Узбекистан и Таджикистан связывают институционализированные отношения с мусульманскими культурами Западной и Южной Азии. Именно в этих странах наиболее велик потенциал для существенного роста экстремистского ислама. Осознание этого окончательно сложилось после гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.), взрывов бомб в Ташкенте (февраль 1999 г.) и последовавшего в том же году вторжения в Киргизию, попыток захватить Узбекистан и Киргизию в 2000 г. и событий в Андижане (узбекская часть Ферганской долины) в мае 2005 г.

Ислам в Центральной Азии

В течение VIII в. Ферганская долина была в центре ожесточенного соперничества между китайской династией Тан и расширявшимся мусульманским миром. Таласская битва в 751 г. ознаменовала победу ислама и отказ Китая от Центральной Азии. Архивные записи показывают, что правитель «Ферганы» платил налоги халифату Аббасидов, а в IX в. местные чиновники были обращены в ислам. Впоследствии долина оставалась ареалом распространения ислама. В ней перенесли нашествие монгольских орд в XIII в. легче, чем в большинстве других захваченных территорий, поскольку сами монголы начали принимать ислам. После ослабления монгольского

влияния в Ферганской долине возникло Кокандское ханство, одно из трех государственных образований, существовавших в Центральной Азии за последние 400 лет. В начале XIX в. войска российского императора начали продвижение в Центральную Азию. Хивинское ханство и Бухарский эмират были захвачены в 60-х годах XIX в., а Коканд продержался до конца 70-х годов.

Перепись населения 1897 г. показала существование острых различий в Ферганской долине: наличие большого ареала вокруг Ходжента, населенного таджикоговорящими людьми, и доминирование оседлого тюркоговорящего населения в других частях долины. Эти лингвистические и культурные отличия были в целом отражены советскими властями, проводившими границы после 1924 г. Единственным исключением стал город Ош, населенный преимущественно узбеками, но включенный в состав Киргизии. В современных исторических исследованиях региона отсутствует один важный элемент: речь идет о сартах⁴. Этот термин был запрещен советскими властями в 1920 г. как «уничижительный». Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что существует ясное отличие между давно поселившимися в регионе тюрками, близкими по культуре к Персии и говорившими на огузском диалекте (очень близком к уйгурскому языку), и теми, кто называл себя узбеками (они появились в регионе во время походов Шайбани-хана в XVI в.). Существование и осознание в Ферганской долине этой разницы было документировано в переводе Тимура Бейсимбиева

⁴ Сартами назывались различные оседлые тюркские племена, поселившиеся в районе реки Сыр-Дарья (в Средневековье именовавшаяся Ак-сарт). У сартов не было никакой определенной этнической идентификации. Этот термин использовался еще в тюркской книге «Кудатку Билик» (Благодатное знание), датированной 1070 г. В дореволюционной российской литературе данный термин использовался для тюркоговорящих жителей Бухары, Самарканды и Ферганы.

«Жизни Алимкула», изданном в Лондоне в 2003 г. Однако в 1924 г. советская власть издала предписание называть всех оседлых тюрков в Центральной Азии узбеками. Сейчас Ферганская долина воспринимается как центр узбеков.

Вскоре после Октябрьской революции люди Центральной Азии поняли, что советская идея равенства означает дальнейшее правление русских, и в Ферганской долине произошло восстание. Здесь появилась группа, получившая название «басмачи» и начавшая воевать против Советской армии. Сейчас многие жители региона считают их героями. Басмачей объединяла вера в ислам, а местные мусульманские лидеры играли ключевую роль в оказании им помощи. Басмачи были в конечном счете разгромлены и оттеснены на юг долины, но их рейды продолжались еще в 30-х годах XX в.

Возрождение ислама в Центральной Азии

После распада Советского Союза в Центральной Азии началось возрождение ислама. Естественно, центром этого процесса стала Ферганская долина. В регион прибыло много мусульманских миссионеров, в основном из Пакистана и Саудовской Аравии, в центре внимания которых оказался район с самой высокой концентрацией не только населения, но и мечетей⁵. В этих условиях неудивительно, что в Ферганской долине либо образовалось большинство религиозных экстремистских групп, либо они получили наибольшую поддержку.

Идеологи экстремизма полны решимости распространять и в конечном счете навязать свое понимание ислама, которое совершенно не соответствует историческим традициям региона, и это разожгло давнюю борьбу между сторон-

⁵ Во время визита в Ферганскую долину в июне 2005 г. автор убедился, что в каждой махалле в Андижане есть мечеть (подобное положение отличается в целом от других районов Центральной Азии).

никами и оппонентами экстремистской идеологии. Другими словами, полемика вокруг ислама стала сегодня в Ферганской долине вопросом безопасности. Исламизация является либо орудием в геополитической борьбе, либо одной из форм антимодернизации, либо результатом неэффективности политической и экономической системы (что повышает уровень политических рисков). В Центральной Азии присутствует комбинация всех трех факторов.

В советский период были наложены ограничения на исполнение исламских обычаев, поскольку было обесценено социальное и личностное значение религии⁶. После распада Советского Союза политический ислам стал приобретать значение в Ферганской долине. До того как перейти к рассмотрению вопросов возникновения религиозных экстремистских групп, организаций, движений и партий, необходимо провести краткий анализ корней и предпосылок появления религиозного экстремизма.

Источники религиозного экстремизма в Центральной Азии

Как отмечалось, некоторые специалисты по Центральной Азии полагают, что политические потери и коррупция привели к разочарованию и неудовлетворенности, что породило религиозный экстремизм⁷. Экономисты выделяют важность социально-экономических условий в деле появления экстремизма. Американский специалист Г. Фуллер отмечает связь между ухудшением экономического положения в Ферганской долине и ростом экстремизма⁸. Предполагается, что источниками появления экстремизма выступают безработица, бедность, инфляция и недоразвитость.

Но подобный подход не объясняет, почему в одних странах происходит подъем экстремизма, а в других — нет, хотя экономические условия у них одинаковые.

Подходы к изучению религиозного экстремизма

Известно, что существуют мусульманские идеологические школы и движения, которые являются ортодоксальными, бескомпромиссными и жесткими. Они критически относятся к мусульманам, которые нарушают «аутентичные» нормы ислама. Салафизм и ваххабизм отказываются позитивно воспринимать религиозные, культурные и традиционные обычаи в Центральной Азии⁹. Профессор Джорджтаунского университета (Вашингтон) Дж. Эспозито полагает, что религиозные экстремисты игнорируют классические исламские определения даже термина «джихад»¹⁰. Многие исламские теологи также критикуют «моджахедов», действующих в Кашмире, Ташкенте, Чечне, Андижане и в других местах, за нарушения базовых мусульманских принципов. Они утверждают, что ислам не оправдывает самоубийц-террористов, и цитируют текст из Хадис пророка Мохаммеда: «Если кто-нибудь убьет себя любым путем, то в аду его будут терзать этим же способом» и «Если кто-нибудь убьет себя любым путем в этом мире, то в День воскресения из мертвых его будут терзать этим же способом»¹¹.

Некоторые эксперты утверждают, что за действиями террористов-смертников стоят психологические и поведенческие мотивы. В рамках психологического подхода утверждается, что люди действуют скорее эмоционально, чем рационально, т.е. в принятии реше-

⁶ Bennigsen Alexandre and Broxup Marie. *The Islamic Threat to the Soviet State*. London: Croom Helm LTD, 1967, pp. 42–45.

⁷ Интервью с британским профессором Ширин Акинер (август 2005 г.).

⁸ Fuller G. *Central Asia: The Quest for Identity* // *Current History*, 93 (582), April 1994, p. 147.

⁹ Интервью с казахскими учеными из Алматы и Астаны (декабрь 2005 г.).

¹⁰ Esposito John L. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. Oxford: Oxford University Press; 2002, p. 157.

¹¹ Lewis Bernard. *Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror*. New York: Modern Library, 2003, pp. 153–154.

ний эмоции важнее, чем логика и здравый смысл. Вместе с тем в рамках подобных подходов религиозный экстремизм рассматривается как особый тип поведения, основанный на нетерпимости и исключительности.

Для анализа возникновения религиозных экстремистских групп, движений, партий и организаций необходимо применять многофакторный подход, включающий анализ религиозных, культурных, социологических, политических и идеологических основ.

Возникновение религиозного экстремизма в Центральной Азии. Исламские партии и группы

Существуют следующие тесно связанные с исламом группы и партии в Центральной Азии:

- Партия исламского возрождения Узбекистана;
- «Адолат» (Справедливость);
- «Ислом Лашкарлари» (Воины ислама);
- «Товба» (Покаяние);
- «Иймончилар» («Верующие» — самоназвание); известны как «Акрамийа», или «Халифатчилар», — Приверженцы халифата);
- Исламское движение Узбекистана;
- «Хизб-ут-Тахрир» (Партия освобождения);
- Исламское движение Туркестана;
- Партия исламского возрождения Таджикистана.

Религиозные экстремисты отрицают традиции суфизма¹², в форме которого ислам распространен во многих районах Центральной Азии. К сожалению, судя по всему, они пользуются значительной поддержкой в Ферганской долине.

¹² Под суфизмом (или тасаввуфом, как он называется на арабском языке) обычно понимается внутреннее, мистическое или психологическо-духовное измерение ислама. Однако некоторые мусульманские школы, такие как салафиты и ваххабиты, не согласны с данным определением.

Эти группы сходятся на определенном наборе требований¹³:

- возврат к базовым принципам и заповедям ислама; очищение ислама от более поздних ересей и отступлений от канонов;
- создание политической системы, основанной на хакимии (суверенитете) и халифате;
- введение юридической системы, основанной на шариате, и предоставление ей приоритета перед светскими ветвями власти (судебной и исполнительной).

Истоки религиозного экстремизма восходят еще к 50-м годам XX в. Мухаммед Хиндустан Рустамов, или Хаджи Домла (учитель), был очень влиятельным, хотя и неофициальным, духовным лидером Центральной Азии. Он родился в Коканде (Ферганская долина) в начале 90-х годов XIX в., учился в Бухаре, Афганистане и Деобанде¹⁴ в Индии. Рустамов вернулся в 1929 г. в Узбекистан, где был арестован по обвинению в пропаганде салафизма и отправлен на 15 лет в Сибирь¹⁵. Он в 1947 г. переехал в Душанбе, где работал в Институте востоковедения при Академии наук Таджикистана. Рустамов умер в 1989 г. в Душанбе. В 1970-е гг. некоторые из его последователей¹⁶ присоединились к ваххабитским

¹³ Интервью с бывшим заместителем иностранных дел Узбекистана, профессором Абдусаматом Хайдаровым (Дели, январь 2006 г.).

¹⁴ Деобандское (по имени города Деобанд) движение получило развитие в результате реакции на антимусульманские действия Британии. Оно находилось под влиянием Сайеда Ахмеда Кхана, сторонника реформирования и модернизации ислама, и возникло вокруг традиционалистской исламской школы — Дарул-Улума.

¹⁵ Roy Oliver. *The New Central Asia: The Creation of Nations*. London: I B Tauris Publishers, 2000, p. 154.

¹⁶ См.: Muminov Ashirbek. *Traditional and Modern Religious Theological School in Central Asia* // Johnson Lena and Esenov Murad, eds., *Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia*, Swedish Institute of International

и салафитским движениям. Записи их речей до сих пор имеют хождение среди ваххабитов и используются для вербовки новых членов. С недавних пор ваххабитские группы стали принимать и женщин в целях расширения социальной базы. Последователи ваххабизма в Центральной Азии получают помощь от своих партнеров и «духовных учителей» из-за рубежа. Под видом туристических поездок (для избегания проверок), жители Центральной Азии отправляются в Турцию, Саудовскую Аравию и Пакистан, где они подвергаются идеологической обработке и проходят специальную подготовку. Более того, эти лица получают небольшие деньги, чтобы по возвращении открыть собственный доходный бизнес.

Исламская партия возрождения СССР была создана в июне 1990 г. в Астрахани. Она стала действовать в Узбекистане, но вскоре была запрещена правительством республики. Члены и сторонники партии продолжили работу подпольно¹⁷. Имам мечети Ата Вали Хан Тура в Намангане Абд Аль-Ахад, ваххабит, со своими сторонниками призывал к установлению шариатского права. Они утверждали, что установление данной системы решит все социально-экономические проблемы и положит конец деспотизму, неравенству и преступности¹⁸.

Сторонники запрещенной Исламской партии возрождения создали в 1991 г. партию «Адолат» («Справедливость»). В том же году в Наманганской, Андижанской и Ферганской областях были созданы две подпольные группировки: «Ислом Лашкарлари» (Вои-

ны ислама)¹⁹ и «Товба» («Покаяние»)²⁰, которые поставили целью основание исламского государства²¹. Партия «Адолат» устраивала в Намангане демонстрации, призывая к реализации этой же цели. Серьезный инцидент произошел в Намангане в декабре 1991 г. Глава наманганской городской администрации не давал разрешения на строительство мечети в выбранном партией «Адолат» месте, и члены и сторонники организации захватили областной комитет Коммунистической партии Узбекистана²².

«Иймончилар» также тем или иным способом пытались помочь «общему делу» — созданию халифата. Их основателем считается Акрам Юлдашев²³. Деятельность этих групп и партий ознаменовала начало развития религиозного экстремизма в постсоветской Центральной Азии.

К этому времени в Ферганской долине появился «сильный» лидер — Тохир Юлдашев²⁴. Религиозные экстреми-

¹⁹ См.: URL: <http://www.uzreport.com>

²⁰ Эта партия была образована Тохиром Юлдашевым и Джумой Хаджиевым (известным как Джума Намангани). Ее цель — исламизация Узбекистана.

²¹ См. Jihad Rashid. *The Rise of Militant Islam in Central Asia*. London: Yale University Press, 2002. P. 139.

²² Интервью со специалистами Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, октябрь 2005 г.).

²³ Akiner Shirin. *The Politicisation of Islam in Post Soviet Central Asia // Religion, State and Society*, London, N 31, 2003, p. 119.

²⁴ Т. Юлдашев родился в 1967 г. в Намангане. Был лидером партии «Адолат». Является талантливым оратором и организатором. Узбекское правительство обвинило его в организации покушения на президента И. Каримова в феврале 1999 г. В мае того же года Т. Юлдашев получил у талибов разрешение на создание военного тренировочного лагеря для членов Исламского движения Узбекистана, которое он в тот период возглавлял, на севере Афганистана. После разгрома «Талибана» и объявления о смерти Джумы Намангани он передислоцировался на границу Афганистана и Пакистана. Были сообщения о его ранении в 2004 г. во время военной операции пакистанских войск в районе Вазирабада.

affairs, Sweden, Conference Paper 24, 1999, p. 109.

¹⁷ Интервью с Бахтияром Абидовым, научным сотрудником Института востоковедения имени Бируни, Академии наук Узбекистана (Ташкент, декабрь 2005 г.).

¹⁸ Интервью с профессором Музаффаром Олимов, директором Центра «Шарк» (Душанбе, май 2005 г.).

сты были уверены, что могут начать войну для свержения правительства Ислама Каримова. Узбекское правительство было обеспокоено активностью данных группировок и предприняло целый ряд жестких мер в их отношении. К 1995 г. их деятельность была взята под контроль.

Статья 31 Конституции Узбекистана, принятой 8 декабря 1992 г. в Ташкенте на одиннадцатом заседании Верховного Совета Республики Узбекистан, гласит: «Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов. Создание тайных обществ и объединений запрещено». Статья 61 декларирует: «Религиозные организации и объединения отделены от государства и равны перед законом. Государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений».

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подчеркивает необходимость борьбы с религиозным экстремизмом и международным терроризмом, назвав ее приоритетом национальной безопасности. Президент Казахстана отметил, что укрепление и расширение международного сотрудничества в борьбе против терроризма, организованной преступности, торговли наркотиками, контрабанды оружия предполагает активное участие Казахстана в разработке и практической реализации соответствующих международных договоров и соглашений. Он подчеркнул необходимость более тесного регионального сотрудничества в борьбе с религиозным экстремизмом²⁵. В феврале 2005 г. Казахстан принял закон «О противодействии экстремизму». В соответствии с ним введена уголовная ответственность за финансирование террористической и экстремистской деятельности, запрещена пропаганда идей терроризма и экстремизма. Была запре-

щена деятельность религиозных организаций, которые выступают за верховенство религиозных принципов, разжигают религиозную рознь, создают и пропагандируют идеи религиозного экстремизма.

По мнению экспертов, угроза религиозного экстремизма более чем реальна в Казахстане. В 2004 г. в республике было зарегистрировано 182 факта распространения листовок экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир». В том же году было запрещено функционирование Южно-Казахстанской гуманитарной академии, созданной казахстанским филиалом кувейтской благотворительной организации «Общество социальных реформ», из-за участия в такой религиозной деятельности, которая могла повлиять под угрозу конфессиональную и общественную стабильность.

Казахстан присоединился к 11 международным конвенциям по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Помимо этого, Казахстан является членом Шанхайской организации сотрудничества, члены которой подписали Конвенцию по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Республика также принимает активное участие в деятельности Организации Договора о коллективной безопасности и Антитеррористического центра СНГ.

Следует особо отметить, что большинство экстремистских группировок возникли в Ферганской долине, где исторически исламские традиции были сильными. Она занимает только 5% от общей площади Центральной Азии, но в ней проживает 20% населения региона²⁶.

Еще один аспект, который требует особого внимания, — связь между транснациональным лобби контрабанды наркотиков и религиозными экстремистскими партиями. Члены и

²⁵ URL: <http://www.inform.kz/txt/showarticle.php?lang=eng&id=141122>

²⁶ Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia (Report of the Ferghana Valley Project of the Council on Foreign Relations). New York: Century Foundation Press, 1999, p. 5.

сторонники этих организаций были вовлечены в перевозку опиума из Афганистана в Центральную Азию и другие страны. Эти связи сохраняются, а зона деятельности и объемы торговли растут. По оценкам ООН, Афганистан является крупнейшим в мире производителем опиума. Средства, полученные от торговли наркотиками в 2003 г., равнялись 2,3 млрд долл., что составило половину объема экономики страны. В 2004 г. общий объем опиума, произведенного в стране, превысил 4 тыс. тонн²⁷.

Исламское движение Узбекистана и Исламское движение Туркестана: сравнительный анализ

Исламское движение Узбекистана было создано Тохиром Юлдашевым в 1996 г. после того, как Объединенная таджикская оппозиция собралась подписать мирное соглашение с таджикским правительством²⁸. Вместе с полевым командиром Джумой Намангани²⁹ он способствовал созданию и укреплению базы новой организации.

Т. Юлдашев еще после начала гражданской войны в Таджикистане стал выезжать в Афганистан, Саудовскую Аравию, Иран, Пакистан, ОАЭ и Турцию, где установил связи с исламскими партиями и государственными организациями. Служба межведомственной разведки Пакистана предоставляла в период с 1995 по 1998 г. ему и его сторонникам

средства и убежище в Пешаваре, «центре не только пакистанских и афганских исламских активистов, но и панисламских группировок джихада»³⁰. Полную поддержку Исламскому движению Узбекистана оказала и пакистанская партия «Джамиат-ул-Улама-и Ислам», которая также предоставила средства для обучения узбекских студентов в медресе³¹.

Исламское движение Узбекистана декларировала в качестве основных целей свержение правительства Ислама Каримова в Узбекистане и основание исламского государства. С самого начала своей деятельности члены организации принимали активное участие в контрабанде наркотиков из Афганистана через Таджикистан и Киргизию в Россию, Восточную и Западную Европу. Бизнес на наркотиках играл важную роль в финансовом обеспечении партии.

Джума Намангани возглавил боевиков и вместе с силами Объединенной таджикской оппозиции принял активное участие в борьбе с правительственными войсками Таджикистана. Он стал заметной фигурой в деле обучения узбекских боевиков организации диверсий и террористических актов. Организация организовала убийство старших офицеров полиции в Намангане в декабре 1997 г. Эти действия побудили узбекское правительство принять законы «О религиозной деятельности», предложенные Олий Мажлисом (парламентом) в мае 1998 г., которые были направлены на усиление контроля за нелегальной религиозной деятельностью. Были наложены значительные ограничения на функционирование нелегально действующих мечетей и медресе, которые использовались Исламским движением Узбекистана для осуществления нападений в Намангане.

Узбекское правительство обвинило руководство Исламского движения Узбекистана, вместе с лидером партии «Эрк» (Свобода) Мухаммадом Солихом,

²⁷ Rampant production and cultivation of opium in Afghanistan. URL: http://english.people.com.cn/200509/06/eng20050906_206792.html

²⁸ Хамадов Султан. Международный контекст — афганский фактор // Религиозный экстремизм в Центральной Азии: проблемы и перспективы. Душанбе, 2002. С. 130–150.

²⁹ Джума Намангани, уроженец Наманганской области, был призван в Советскую армию в 1987 г. Некоторое время он служил в Афганистане в составе советских войск. С 1989 г. начал изучать ислам и получил религиозное образование у известного богослова Абдували Мирзоева. С 1991 г. стал активным сторонником салафизма и ваххабизма. Прошел военное обучение в Афганистане у арабских и пакистанских инструкторов.

³⁰ Rashid J. The Rise of Militant Islam... p. 140.

³¹ Ibid., p. 141.

в организации серии взрывов в Ташкенте 16 февраля 1999 г., в ходе которых погибли 16 человек и более сотни получили ранения (Ислам Каримов не пострадал в результате покушения). Данная террористическая акция привела к дальнейшему усилению борьбы правительства с религиозными экстремистами. Правда, международные круги критиковали узбекское правительство за то, что оно использовало этот инцидент в целях изоляции демократически настроенной оппозиции. Некоторые британские эксперты считают, что для обвинения Исламского движения Узбекистана «нет неопровержимых доказательств. На деле существуют серьезные свидетельства того, что взрывы в Ташкенте были организованы одним из политических оппонентов Каримова, связанным с влиятельными организациями»³². Вместе с тем автор находился в Ташкенте во время взрывов, и его последующие дискуссии с узбекскими учеными позволяют прийти к определенным выводам. Очень велика вероятность участия Исламского движения Узбекистана, наряду с другими международными террористами, в организации данного террористического акта. Важным итогом судебных разбирательств по поводу взрывов стало обвинение лидера партии «Эрк» в их организации и осуждение его, наряду с лидерами Исламского движения Узбекистана. Признание М. Салиха виновным не оставило надежды на возобновление диалога между узбекским президентом и партией «Эрк».

В августе 1999 г. Исламское движение Узбекистана предприняло попытку вторжения на территорию Узбекистана для дестабилизации ситуации в стране и создания исламского государства в Ферганской долине³³. В августе 2000 г. была

предпринята вторая попытка вторжения. Боевики прошли подготовку в Тавильдарском районе Таджикистана. Данный факт вызвал напряженность между Душанбе, Ташкентом и Бишкеком. В июле 2001 г. боевики организации совершили нападение на правительственные войска на юге Узбекистана. Все эта цепочка событий, начиная с взрывов в Ташкенте в 1999 г. и заканчивая попытками вторжения в Киргизию и Узбекистан в 1999–2001 гг., привела к серьезным переменам в оценке угрозы экстремистских сил.

Эксперты полагают, что экстремисты действительно ответственны за события в Андижане 13 мая 2005 г.³⁴ Город находится в непосредственной близости от Ошской и Джалал-Абадской областей, где в марте 2005 г. прошли успешные выступления против Президента Киргизии Аскара Акаева, закончившиеся его бегством в Москву (события были названы «тюльпановой революцией»). Арест 23 бизнесменов, которых узбекское правительство обвинило в принадлежности к организации «Акрамийа», произошел по ст. 159 узбекского Уголовного кодекса (т.е. за антиконституционную деятельность). Полагают, что этот арест и последовавший за ним суд послужили причиной восстания в Андижане. Сторонники арестованных бизнесменов смогли захватить здания региональной Ассамблеи на короткий срок, но силы безопасности вскоре отобрали их назад. Столкновения оказались очень кровавыми. По данным узбекского правительства³⁵, число убитых составило 187 человек (94 «террориста», 20 полицейских, 11 военнослужащих, 57 гражданских и 5 неопознанных лиц). Однако, по сооб-

³² Makarenko Tamara. The Changing Dynamics of Central Asia Terrorism // Jane's Intelligence Review, February 2002, pp. 1-2.

³³ Interfax: August 24, 1999, 16.18 (Kyrgyzstan/terrorism/militants)

³⁴ Интервью с Ширин Акинер.

³⁵ Об этом на пресс-конференции, проведенной 13 июля 2005 г., сообщил прокурор Андижанской области Бахтияр Декханов. Ранее власти Узбекистана сообщали о 176 убитых и 295 раненых (Доклад Государственной прокуратуры парламентской комиссии по событиям в Андижане. URL: <http://www.uz.uz/eng/news/?id=505424>).

щениям средств массовой информации, эта цифра составила 400 человек. Волнения перекинулись и на соседний город Корасув.

События в Андижане подчеркивают крайнюю необходимость международного сотрудничества в поддержании стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Исламское движение Узбекистана было преобразовано к 2003 г. в Исламское движение Туркестана. Новая организация провозгласила своей целью свержение конституционной системы правления и основание исламского государства³⁶. Исламское движение Туркестана находится в списке Государственного департамента США, куда были включены наиболее опасные международные террористические организации. Оно получает финансовую помощь от международных организаций и узбекской диаспоры в мусульманских странах. Кроме того, Исламское движение Туркестана периодически получает финансовые средства от спецслужб Пакистана и ряда других стран. В организацию входят несколько различных группировок из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Туркмении, Чечни и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. После поступивших сведений о гибели Джумы Намангани в Афганистане, где он воевал на стороне «Талибана», идеологическое и военное руководство Исламским движением Туркестана взял на себя Тохир Юлдашев. Лидеры организации сотрудничают с рядом международных и региональных исламистских террористических организаций и движений, прежде всего с «Аль-Каидой», «Талибаном», «Хизб-ут-Тахрир» и Обществом братьев-мусульман («Ихваналь-муслимин»). Некоторые аналитики считают, что Исламское движение Туркестана участвовало в организации терактов в Узбекистане в марте 2004 г.³⁷

Поддержка Исламского движения Узбекистана и Исламского движения Туркестана не только организациями, но и государственными структурами Пакистана четко показывает, что поддержка религиозного экстремизма стала интегральной частью внешней политики Пакистана в регионе. В то же время Саудовская Аравия на протяжении 1990-х гг. оказывала финансовую и идеологическую поддержку религиозным экстремистам в Ферганской долине в частности и в Центральной Азии в целом. После событий 11 сентября 2001 г. правительство Саудовской Аравии предприняло ряд мер для взятия подобной помощи под контроль. Однако Исламское движение Туркестана продолжает получать финансовую и идеологическую помощь от крупной узбекской диаспоры, проживающей в этой стране. Без всякого сомнения, позиция Пакистана и Саудовской Аравии стала важным фактором, способствовавшим обострению религиозного экстремизма в Ферганской долине.

«Хизб-ут-Тахрир»

«Хизб-ут-Тахрир» была основана шейхом Такиюддином Набхани Фаластини в 1953 г. в Иерусалиме. За короткое время организация завоевала популярность в Западной Азии, Северной Африке и Юго-Восточной Азии. В целом ряде стран ее деятельность была запрещена, а члены организации арестованы³⁸. Есть данные, что штаб партии находился в Лондоне. После взрывов в Лондоне в июле 2005 г. давление на «Хизб-ут-Тахрир» со стороны западных стран сильно возросло, но вопрос о пребывании ее штаба в Великобритании остается открытым. Источники финансирования партии неизвестны, но в целях распространения своей идеологии она публикует книги, небольшие брошюры и пропагандистские листовки. В век Интернета «Хизб-

³⁶ Интервью с М. Олимовым.

³⁷ Интервью с М. Олимовым.

³⁸ Организация была запрещена в России и Германии в 2003 г.

ут-Тахрир» активно использует свой веб-сайт для охвата большей аудитории.

«Хизб-ут-Тахрир» действует на двух уровнях. Во-первых, она работает в мусульманской общине, разъясняя, что каждый мусульманин обязан стремиться к созданию халифата и жить по нормам ислама, чтобы не терять своей исламской идентичности. Во-вторых, она стремится сформировать в глазах широкой аудитории образ ислама как политической и интеллектуальной системы³⁹. Основной целью «Хизб-ут-Тахрир» является «божественный призыв» (дава'ат), т.е. точное следование нормам ислама и соблюдение всех религиозных ритуалов в том виде, как это делалось первоначально⁴⁰.

В Центральной Азии данная международная чрезвычайно влиятельная организация появилась в 1990-х гг. (есть, правда, мнение, что ее ответвления существовали здесь и раньше). Деятельность «Хизб-ут-Тахрир» запрещена во всех странах Центральной Азии. По некоторым оценкам, здесь в тюрьмах находятся около 7–8 тыс. членов этой организации (большая часть — в Узбекистане)⁴¹. Правда, эта цифра кажется преувеличенной.

Первые сведения об активности организации в регионе относятся к 1992–1993 гг., когда началось распространение ее листовок в Ташкенте. Постепенно деятельность «Хизб-ут-Тахрир» стала распространяться на всю территорию Центральной Азии. Влияние партии заметно ощущается в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях Киргизии, в Туркестанском районе и Алма-Атинской области Казахстана; в Согдийской области Таджикистана; в узбекской части Ферганской долины и в Ташкентской области Узбекистана. В 1990–1998 гг. основная деятельность партии была направлена на религиозную пропаганду и вербовку новых членов. В раз-

личных частях Ферганской долины были образованы ячейки (халька) из 4–5 человек, которые является основой партийной структуры.

Взрывы в Ташкенте 16 февраля 1999 г. ознаменовали новый этап деятельности организации. Члены партии начали открыто распространять экстремистские листовки в людных местах. Новой формой информационной пропаганды стала также раздача аудиокассет. Книги, такие как «Мусульманское братство», «Исламское государство» и «Халифат», используются членами и сотрудниками партии как учебники.

Результатом событий 11 сентября 2001 г. стало временное ослабление связей между экстремистскими и террористическими организациями. Но вскоре «Хизб-ут-Тахрир» присоединилась к «Аль-Каиде», «Талибану» и Исламскому движению Узбекистана. Их общей целью стало создание всемирного халифата. «Хизб-ут-Тахрир» все больше склоняется к использованию радикальных методов для достижения конечной цели. Организацию объединяет с Исламским движением Узбекистана общая задача — свержение существующих светских правительств стран Центральной Азии.

В начале 2004 г. «Хизб-ут-Тахрир» в Центральной Азии раскололась. Есть данные, что «Замот», отделившаяся от партии группа, несет ответственность за взрывы в Ташкенте 28 марта — 1 апреля 2004 г., в результате которых погибли 46 человек, а еще десятки были ранены. Как полагают, взрывы в Ташкенте могли быть осуществлены в ответ на кровавые столкновения сил безопасности Узбекистана с боевиками «Замот»⁴². Что касается взрывов перед зданиями посольств США и Израиля 30 июля 2004 г. (семь человек погибли, а несколько были ранены), то высказывается мнение, что террористы-смертники, осуществившие их, принадлежали к партии «Хизб-ут-

³⁹ URL: <http://www.jamestown.org>

⁴⁰ URL: <http://www.hizb-ut-tahrir.org>

⁴¹ Ibid.

⁴² URL: <http://www.uzreport.com>

Тахрир»⁴³. Правда, «Хизб-ут-Тахрир» отрицает свое участие в организации взрывов⁴⁴, а партия «Исламский джихад» и Исламское движение Узбекистана взяли на себя ответственность за них⁴⁵. Действия террористов-смертников в Узбекистане в марте, апреле, июле 2004 г. и в мае 2005 г. четко указывают на усиление угроз безопасности и продолжающуюся активность религиозных экстремистских организаций.

Общей целью всех выше отмеченных религиозных экстремистских групп является создание теократического государства в Центральной Азии. Является это случайностью или нет, но данная задача находит отклик в таких странах, как Саудовская Аравия, в которых ислам — это и религия, и правительство, и общество. Здесь религия не является частным делом человека, официальный ислам во многом управляет мусульманином и его взаимоотношениями с обществом.

В целом задачи религиозных экстремистских группировок в Центральной Азии схожи и сводятся к следующему:

- свержение существующей конституционной системы и образование исламского халифата;
- политизация ислама;
- установление надежных каналов связи с зарубежными исламскими центрами и организациями, которые ставят перед собой сходные цели;
- использование финансовых средств для политических нужд исламских партий;
- внедрение своих членов в государственные органы для подрыва политической стабильности и дискредитации светской формы правления.

Бесспорно, существуют и внутренние факторы, прямо или косвенно способствующие деятельности экстремист-

ских религиозных группировок и партий. К ним относятся:

- социально-экономические проблемы, особенно в сельских районах Ферганской долины;
- отсутствие достоверной информации и транспарентности проводимых правительственных социальных, религиозных и политических программ;
- отсутствие взаимодействия и координации деятельности между различными мусульманскими советами (муфтиятами) в республиках Центральной Азии;
- слабое сотрудничество правоохранительных органов стран региона в деле обмена разведывательными данными и совместных действий и контроля над деятельностью нелегальных или запрещенных религиозных экстремистских организаций.

Международное и региональное сотрудничество в целях борьбы с религиозным экстремизмом

Страны Центральной Азии, особенно Киргизия и Таджикистан, зависят от России в плане противостояния этой угрозе. Россия же до сих пор предпочитала прибегать к военным методам. Среди региональных организаций, которые борются с религиозным экстремизмом в Центральной Азии, самой важной является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Сотрудничество в рамках ШОС, направленное на борьбу с религиозным экстремизмом, стало весьма значимым фактором. Во время встречи руководителей членов организации (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) в июне 2004 г. в Ташкенте была выражена единодушная решимость ликвидировать религиозный экстремизм. Создание в Ташкенте Антитеррористического центра ознаменовало институционализацию данной борьбы. На саммите организации, проведенном в июле 2005 г. в Астане, было подтверждено стремление членов организации бороться

⁴³ Ibid.

⁴⁴ URL: <http://www.jamestown.org>

⁴⁵ Cohen Ariel. Terror in Tashkent // The Washington Times. 05.08. 2004.

сы с религиозным экстремизмом и прозвучал призыв к антитеррористической коалиции, возглавляемой США, объявить срок вывода своих войск с территории стран — участниц ШОС. Соединенным Штатам вряд ли удастся проигнорировать его. Представляется, что смысл данного призыва состоит в том, что Шанхайская организация сотрудничества способна самостоятельно бороться с религиозным экстремизмом и терроризмом в Центральной Азии. На это явно указали совместные российско-китайские военные учения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вашингтон попытался отклонить призыв ШОС, сославшись на то, что присутствие войск НАТО в Центральной Азии основывается на двусторонних соглашениях с Узбекистаном и Киргизией.

Однако официальные власти Узбекистана в июле 2005 г. уведомили Соединенные Штаты, что у американского контингента осталось шесть месяцев для того, чтобы эвакуировать свою военно-воздушную базу «Карши-Ханабад» (К-2), расположенную в Кашкадарьинской области Узбекистана (примерно в 150 км севернее афганской границы). Тогдашний министр иностранных дел Киргизии Роза Отунбаева заявила по этому поводу: «Все мы являемся членами антитеррористической коалиции, в том числе и наша страна. Однако существуют временные ограничения для тех, кто располагается где-то, не на своей территории. Мы — члены ШОС и вместе поднимаем этот вопрос»⁴⁶. Подобные заявления четко показывают, что страны Центральной Азии становятся ближе к России и Китаю по вопросам экономики и безопасности.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

Узбекистан не является членом Организации Договора о коллективной без-

опасности ОДКБ, но сотрудничество между другими странами Центральной Азии в рамках данной организации является позитивным фактором, способствующим сдерживанию религиозных экстремистских сил в регионе. Ежегодно Таджикистан, Казахстан и Киргизия участвуют в совместных военных учениях вместе с Россией. Последние учения были проведены в Таджикистане в 2005 г.

Российско-узбекский Договор о союзнических отношениях, подписанный 14 ноября 2005 г. президентами России Владимиром Путиным и Узбекистана Исламом Каримовым в Москве, означает возвращение Узбекистана на российскую орбиту. Договор предоставляет России новые возможности оказать Узбекистану помощь по вопросам безопасности. Это соглашение необходимо рассматривать в контексте андижанских событий и Договора о стратегическом партнерстве, подписанного Москвой и Ташкентом 16 июня 2004 г.

Согласно второй статье Договора 2005 г., «в случае совершения против одной из Сторон акта агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, это будет рассматриваться как акт агрессии против обеих Сторон... Другая Сторона предоставляет ей необходимую помощь, включая военную, а также оказывает поддержку иными находящимися в ее распоряжении средствами». По-видимому, в регионе перестали осуществлять крен в сторону США, особенно по вопросам безопасности.

Этап после начала операции в Афганистане

Правительства Киргизии и Узбекистана сотрудничают с США в борьбе с силами «Талибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане. Авиационные базы «Ханабад» (К-2) в Узбекистане и «Манас» в Киргизии были задействованы Военно-воздушными силами США для проведения воздушных налетов на объекты движения «Талибан». Боевики Исламского

⁴⁶ Foul play in the Great Game. URL: http://atimes.com/atimes/Central_Asia/GG13Ag01.html

движения Узбекистана сражались вместе с талибами против американских войск, но возглавляемая США коалиция нанесла серьезный удар по ИДУ в Афганистане. Вместе с тем поступают тревожные сообщения о том, что боевики Исламского движения Туркменистана проводят перегруппировку сил в Центральной Азии⁴⁷. На это указывают и столкновения между силами безопасности Узбекистана и религиозными экстремистами в Андижане в марте 2005 г.

Утверждают, что присутствие США в Центральной Азии сыграло позитивную роль в нейтрализации экстремистских сил. Безусловно, разрушение инфраструктуры международного терроризма в Афганистане значительно снизило угрозу, исходящую государствам региона от религиозного экстремизма в Центральной Азии. Однако некоторые аналитики⁴⁸ полагают, что продолжительное пребывание вооруженных сил США на территории Центральной Азии не является позитивным фактором ни для центральноазиатских республик, ни для Индии, ни для России и Китая⁴⁹. «Цветные революции» в бывших советских республиках указывают на то, что подобные замечания не являются обоснованными. Государства Центральной Азии объединились с Россией и Китаем для того, чтобы противостоять определенным шагам США в регионе. Правительства стран Центральной Азии приходят все к более четким выводам о возможных последствиях политики Соединен-

ных Штатов, по мере того как исламские деятели и оппозиционные лидеры встречают теплый прием в Вашингтоне.

Что касается Индии, то важно определить, направлено ли американское присутствие в Центральной Азии на ликвидацию сети религиозных экстремистов и террористов или Вашингтон просто стремится замаскировать свои истинные намерения, направленные на обеспечение постоянного военного присутствия США в регионе.

Религиозный экстремизм в Центральной Азии и Индия

Станет ли религиозный экстремизм в Центральной Азии угрозой безопасности Индии?

Последствия противостояния между светскими и экстремистскими силами в Центральной Азии окажут влияние на все страны, которые выбрали демократическую, плюралистическую и светскую форму правления. Существуют данные, что члены экстремистских группировок из центральноазиатских стран сражались в составе отрядов пакистанских моджахедов в индийском штате Джамму и Кашмир. Очевидна связь между Партией исламского возрождения, Исламским движением Туркестана, пакистанской партией «Джамат-и-Ислами», «Талибаном» и «Аль-Каидой». Индия может проигнорировать подобное развитие событий в соседних странах только на свой собственный риск. Победа экстремистов в Центральной Азии укрепит боевой дух экстремистов в Джамму и Кашмире и во всех других районах Индии. Географическая близость Центральной Азии делает Индию крайне заинтересованной стороной.

Выводы

Религиозный экстремизм в Центральной Азии является одной из наиболее серьезных нетрадиционных угроз безопасности республик Центральной Азии. Ухудшение экономической ситу-

⁴⁷ URL: <http://www.uzreport.com>

⁴⁸ Бабалджанов Б. Повторение Большой игры в Центральной Азии : Доклад на международном семинаре, посвященном недавним событиям в Центральной Азии (Нью-Дели, 10 августа 2005 г., Фонд «Индия — Центральная Азия»).

⁴⁹ Tolipov F. Regional Security in Central Asia in the Context of the Fight Against Terrorism // Santhanam, K., Dwivedi, R. (ed.). India and Central Asia: Advancing the Common Interest. New Delhi: Anamaya Publishers, 2004, pp. 26–32.

ации, коррупция, ощущение несправедливости и недостаток демократии будут притягивать людей к Исламскому движению Туркестана и «Хизб-ут-Тахрир». Поэтому для ослабления привлекательности религиозного экстремизма крайне важно, чтобы правительства региона смогли предпринять меры, направленные на предотвращение ухудшения экономической ситуации. Население республик Центральной Азии (за исключением значительных групп в Намангане, Андижане и других частях Ферганской долины) не поддерживает радикальный ислам. Однако они не будут сопротивляться, если их заставят исполнять ортодоксальные нормы ислама. Осложняют ситуацию последствия неразрешенного конфликта в Афганистане и такие международные угрозы, как например, контрабанда наркотиков. Разгул экстремистской деятельности создает благоприятные условия для торговли наркотиками и организованной преступности.

Влияние внерегиональных держав также остается важным фактором. Стратегической целью Пакистана является раскачивание всего региона (от Афганистана до центральноазиатских стран) для постепенного установления над ним контроля. Для Индии Центральная Азия является непосредственным соседом, имеющим стратегическое значение. Деятельность исламистских экстремистов в регионе оказывает серьезное влияние

на безопасность самих государств Центральной Азии, Индии и России.

Ислам как таковой не является угрозой безопасности и стабильности Центральной Азии. Однако исламизация политики и политизация ислама в духе требований Исламского движения Туркестана и организации «Хизб-ут-Тахрир» представляют серьезную опасность для стабильности, развития и модернизации. Всем странам Центральной Азии необходимо разработать всеобъемлющий, совместный и скоординированный план действий для отражения данной угрозы. Государствам региона следует объединить усилия и выработать единое видение будущего в целях эффективного противостояния возникающим международным угрозам. Еще один аспект совместных действий — финансирование экстремистских группировок, а эти источники необходимо перекрыть.

Что касается вопросов демократизации, то было бы желательно возникновение подлинной политической оппозиции в Центральной Азии. Здесь, конечно, невозможно дать какие-либо рекомендации. Права человека, гражданское общество и демократия воспринимаются в регионе как новые инструменты увековечивания гегемонии. Эти концепции не будут работать, если их навязать извне. Они должны расти на местной почве, учитывая исторические, социальные, экономические и политические процессы в регионе.

Конференции молодых ученых университетов Сибири в 2010 г.

В 2010 г. в Томском госуниверситете были проведены четыре конференции студентов и аспирантов университетов Сибири (всего с 2004 г. было проведено 16 сибирских молодежных конференций). Цели проводимых конференций — стимулировать интерес молодых исследователей к актуальным международным проблемам. В 2010 г. это, прежде всего, были проблемы сотрудничества в сфере образования, науки и инноваций, изучение международного опыта инновационного развития (США, Германия, Китай, Израиль).

Как оказалось, университеты, за исключением Томского государственного университета, к данной проблематике готовы не были. В лучшем случае речь шла о программах сотрудничества в области образования, инициатива в осуществлении которых принадлежала зарубежным странам. То, что в повестке дня трех конференций был поставлен вопрос инновационного развития, вынуждало наших коллег обратиться к этой тематике. Но это только начало пути. Необходимо постоянное, в течение ряда лет, исследование вопросов, связанных с проблематикой инновационного развития. Учитывая реалии, на каждой конференции значительное внимание уделялось классической тематике. Участники конференции получали возможность выслушать мнение известных специалистов, в том числе иностранных, в первую очередь. Российских специалистов пригласить на конференцию зачастую сложнее, чем иностранных.

В любом случае эта «учебная» составляющая является необходимой в структуре молодежных конференций. Наиболее результативно это проявилось в программе и в содержании летней школы по проблемам ядерного нераспро-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

странения. В значительной степени это является результатом целенаправленных действий шведского Агентства по радиационной безопасности, СИПРИ и Сибирского молодежного центра по изучению проблем нераспространения ОМУ.

Вообще, должен отметить серьезное внимание, которое проявляют к самому факту проведения конференций иностранные представительства (посольства): выделение средств, направление специалистов. Со стороны отечественных структур добиться такого внимания сложно. Приглашая студентов и аспирантов к участию в конференции, оргкомитет берет на себя расходы по проезду, проживанию и питанию ее участников. На последней (ноябрь 2010 г.) конференции мы были вынуждены отказаться от оплаты питания — имеющихся средств оказалось недостаточно. Иностранные спонсоры, естественно, не могут принять на себя все расходы. Мы еще не научились использовать возможности делового мира Сибири. Положительные примеры имеются: в 2008–2009 гг. это были томские предприниматели Ю.Д. Зельвенский и С.Л. Закурский, в 2010 г. — новосибирская фирма «Байт Транзит Континент». Должен отметить, что впервые за все время проведения сибирских молодежных конференций на конференции американистов присутствовал и выступил зав. отделом департамента Северной Америки Министерства иностранных дел России А.В. Коржуев.

Конференции стимулируют участие студентов в исследовательской работе, на них выступило 59 студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ и 73 иногородних участника (от 8 до 11 университетов из 6–8 регионов Сибири). Все это способствует налаживанию контактов между молодыми исследователями, возникает возможность формирования на этом уровне неформальных

научных связей при ведущей роли студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ.

В то же время необходимо отметить, что научная результативность конференции значительно снижается в результате того, что далеко не все участники конференции присылают свои выступления для публикации. Возможно, это результат поверхностного отношения участников конференции (и их руководителей) к содержательной части выступлений.

*С.В. Вольфсон,
руководитель отделения
международных отношений
исторического факультета ТГУ,
доцент*

Томская летняя школа по ядерному нераспространению

22–27 августа 2010 г. в Томске прошла летняя школа «Новое будущее ядерного нераспространения после саммитов 2010 г.: результаты и перспективы». Это уже пятая школа, проведенная Томским госуниверситетом при финансовой и организационной поддержке Шведского управления по радиационной безопасности (SSM). Речь на школе шла о результатах Восьмой обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО и Вашингтонского саммита по ядерной безопасности, а также о проблемах ядерной безопасности и о перспективах ядерного разоружения после заключения Россией и США нового договора об СНВ.

Среди лекторов школы — преподаватели ТГУ и УрГУ, а также признанные эксперты в области безопасности, контроля над вооружениями и ядерного нераспространения из Стокгольмского международного института изучения проблем мира (Виталий Федченко — SIPRI, Швеция), Центра по изучению проблем нераспространения (Николай Соков — CNS, США), Аналитиче-

ского центра Физико-энергетического института (Геннадий Пшакин — Обнинск, Россия) и др. Помощь в проведении занятий экспертам оказали молодые специалисты в области политических и технических аспектов ядерного нераспространения — выпускники и аспиранты Томского государственного и Томского политехнического университетов.

Программа школы включала лекции, посвященные важнейшим вопросам нераспространения, ролевую игру, семинар, круглый стол и два практических упражнения. Значительное внимание было уделено теории и методам. Лекция Дмитрия Победаша (УрГУ) и семинар Ларисы Дериглазовой (ТГУ) дали участникам возможность лучше понять, как проводятся научные исследования, поощряя при этом их собственные исследования в сфере нераспространения. Студенты из разных университетов в соответствии с темой исследования были объединены в группы для подготовки совместных докладов, что способствовало установлению научных контактов. Отклик участников показывает, что они по достоинству оценили задания и их сочетание.

Тесная связь между политическими и техническими аспектами нераспространения является основополагающим принципом деятельности томской летней школы. В связи с этим в организационный комитет входили три аспиранта из Томского государственного университета (Татьяна Никонова, Денис Шведов и Нина Рожановская) и выпускница Томского политехнического университета (Александра Худолева), а в качестве экспертов были приглашены специалисты как по политическим, так и по техническим аспектам ядерного нераспространения. Это обеспечило необходимый баланс между различными подходами к нераспространению, сделав школу одинаково интересной как для гуманитариев, так и для физиков.

24 участника летней школы приехали из разных сибирских и уральских университетов и представляли следующие города: Екатеринбург, Кемерово, Новосибирск, Омск, Пермь, Северск, Томск, Тюмень. Также было двое студентов из Одессы (Александр Чебан и Дмитрий Быльев), что позволило сохранить международное измерение мероприятия. Был обеспечен разумный баланс между гуманитариями и физиками, а также между новичками и теми, кто уже принимал участие в предыдущих летних школах.

Летняя школа — 2010 широко освещалась в местных и всероссийских СМИ. Два сюжета были показаны местной телестанцией («ГТРК-Томск»). Статья журналиста газеты «Томские новости», посвященная ролевой игре, была опубликована в газете и выложена в сеть Интернет. Другая статья вышла в газете «УниверСИТУ», распространяемой среди томских студентов.

Помимо СМИ, интерес к мероприятию проявили томские власти. В частности, заместитель губернатора Томской области по особо важным вопросам (включая строительство АЭС в Северске) Сергей Точилин посетил заключительный ужин. По его приглашению участники школы 27 августа посетили Томский атомный информационный центр и посмотрели интерактивную 3D-презентацию об атомной энергии.

Школа-2010 стала логичным продолжением сотрудничества Томского государственного университета и Шведского управления по радиационной безопасности и привлекла значительное внимание к ядерному нераспространению как направлению научных исследований в сибирском регионе в целом и в Томском государственном университете в частности.

*Н.К. Рожановская,
аспирант кафедры мировой политики
исторического факультета ТГУ*

Центральная Азия: проблемы сотрудничества и региональной безопасности



В период с 22 по 24 сентября 2011 г. в рамках международного инновационного форума «Интерра-2011» в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) при поддержке представительства МИД России в г. Новосибирске, Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и при участии Фонда им. Фридриха Эберта прошла конференция, посвященная проблемам сотрудничества и региональной безопасности в Центральной Азии.

В пленарных докладах, прозвучавших в первый день конференции, был подведен итог развития международно-политических процессов в Центральной Азии за последние два десятилетия и обозначены возможные перспективы сотрудничества России и центрально-азиатских стран.

Работа второй части мероприятия проходила в рамках нескольких секций, посвященных духовно-нравственным, правовым, энергетическим и экономическим аспектам региональной безопасности.

В конференции приняли участие представители Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», НГТУ, Томского государственного университета, Института философии и права СО РАН, Алтайского государственного университета, Семипалатинского государственного университета им. Ша-

карима, Ереванского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Института политических решений (г. Алматы, Казахстан), Кыргызско-Российского славянского университета, Сибирской академии государственной службы. По итогам мероприятия к публикации подготовлен сборник материалов конференции.

*Е.В. Колдунова,
доцент кафедры востоковедения
МГИМО (У) МИД России,
кандидат политических наук*

Исследовательский проект «Индекс безопасности Центральной Азии»

Индекс безопасности Центральной Азии (*Central Asian Security Index — CASI*) — исследовательский проект, проводимый аналитиками Института политических решений (Алматы, Казахстан) с 2009 г., призванный дать как количественно, так и качественно определенную характеристику ситуации в Центральной Азии с точки зрения безопасности.

Целью расчета индекса является количественный анализ динамики региональных процессов в области безопасности во всех основных секторах — военном, политическом, экономическом, социально-культурном и экологическом.

В проекте изучается ситуация в области безопасности в регионе на основе разработанной методики вычисления индекса региональной безопасности, рассчитанного на интересующий момент времени и отслеживающего динамику изменения региональных процессов в области безопасности. Рост или падение его значения демонстрируют, какие тенденции в сфере безопасности преобладали в регионе за рассматриваемый период, какова была их направленность и глубина.

С более подробной информацией о проекте и его результатах можно ознакомиться на сайте: URL: <http://www.ipr.kz/projects/5/1/16>

*А.Б. Амирбекова,
специалист отдела аналитики
и консалтинга
Института политических
исследований
(г. Алматы, Казахстан)*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 284 с.

Конец XX — начало XXI в. вполне может войти в историю как период судьбоносных перемен в международных отношениях. Увеличившееся богатство наиболее развитых стран мира и возросший уровень нестабильности в отдельных государствах Азии, Африки и Латинской Америки, победоносное шествие демократии, подкрепленное силой американского оружия, активизация деятельности негосударственных участников международного общения и сокращение возможностей государственных игроков — вот лишь отдельные черты новой, так еще до конца не сформировавшейся системы международных отношений постбиполярного периода. Более того, в современном мире наблюдается явный рост разногласий по ключевым вопросам мировой политики, что является вполне закономерным итогом деятельности ведущих мировых держав, их политического эгоизма, неуступчивости и отчасти недалекости. Пока они решали свои задачи, в мире окрепли силы, которые в лучшем случае не находятся под их прямым влиянием, а в худшем представляют для них явную угрозу безопасности. Сегодня значительным потенциалом стали обладать малые и средние государства, а также негосударственные участники международного общения, например, террористические организации, которые не стесняются вступать в конфликтные отношения даже с ведущими мировыми державами. Более того, в условиях практически полного отсутствия классических межгосударственных конфликтов, угрозы со стороны негосударственных акторов занимают верхние строчки повестки дня между-

народной безопасности. И к отражению этих угроз национальные государства оказались во многом не подготовленными.

Фактор асимметричных отношений стал важным элементом анализа международных процессов, а такие словосочетания, как «асимметричные вызовы», «асимметричные угрозы», «асимметричные конфликты», прочно закрепились в международном политическом анализе конца 1990-х гг. Тем не менее проблема асимметрии, несмотря на ее несомненную актуальность, еще до конца не раскрыта и оформлена. На восполнение этого пробела и направлена монография Л.В. Дериглазовой, одной из ведущих российских специалистов в области асимметричных конфликтов.

Уже во введении автор делает оговорку, что выбранная для исследования тема не совсем обычная с точки зрения методологии исторического знания, «так как предпринята попытка проверки релевантности модели, предложенной политологами, и предметом исследования является условное явление, по поводу существования и критериев определения которого нет единства мнений»¹. И действительно, изучение асимметричного конфликта осложняется его предметной трансграничностью: он является объектом рассмотрения как исторической науки, так и политической. Отрадно, что Л.В. Дериглазова в своем исследовании не отдает явного предпочтения ни одному из подходов, а пытается представить сбалансированное видение.

Основной текст подразделен на три главы. В первой главе автор предлагает читателю подробный историогра-

¹ Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 7.

фический обзор, показывающий, как различные исследователи обращались к проблеме асимметрии в современных конфликтах и как постепенно выкристаллизовывалось само понятие «асимметричный конфликт». Исследование асимметричных конфликтов зарождается в 1970-е гг., а впервые в научный оборот этот термин был введен ученым-международником Эндрю Макком, который в своей статье «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика ассиметричного конфликта» пытался выявить причины поражения США во вьетнамской войне 1961–1973 гг.² В этом же разделе Л.В. Дериглазова формулирует свое определение асимметричного конфликта: «вооруженный конфликт между великой державой и более слабым противником, в котором великая держава потерпела политическое поражение»³. В заключительной части главы автором предпринята попытка концептуализации феномена асимметричного конфликта и построения модели, которую можно применять при анализе конкретно-исторических сюжетов.

Вторая глава посвящена преимущественно анализу количественных показателей проявления асимметрии и асимметричного конфликта в послевоенный период с использованием баз данных о вооруженных конфликтах. В частности, автор подробно проработал две известные базы вооруженных конфликтов: Программы по составлению базы данных о конфликтах в университете г. Уппсала (Швеция), в сотрудничестве с Международным институтом исследования проблем мира в Осло (ПРИО) и Базу данных о национальных и международных конфликтах, составленную в рамках проекта КОСИМО Университета Гейдельберга (Германия). Собранные статистические данные используются для выявления общего количества асимметричных кон-

фликтов во второй половине XX в., в частотности использования участниками конфликтов асимметричных стратегий и т.д.

В третьей главе предложенная ранее модель анализа асимметричных конфликтов проходит проверку на эмпирическом материале, так как анализируются конкретно-исторические примеры проявления феномена с применением предложенной ранее модели. В качестве объектов анализа Л.В. Дериглазова выбрала распад Британской империи и сопровождавшие ее конфликты метрополии с национально-освободительными движениями, войну в Ираке 2003–2009 гг. и феномен партизанских войн. Несомненным положительным моментом стало желание автора не ограничиваться лишь историческими сюжетами, а попробовать, и безуспешно, применить свою модель к современным конфликтам. В монографии содержится и довольно обширное приложение, в котором размещены данные о вооруженных конфликтах, использовавшиеся для выявления количественных и качественных проявлений феномена асимметричного конфликта.

Вне сомнения, рецензируемая монография представляет собой важный и востребованный современной наукой аналитический материал. Изучение феномена асимметричных конфликтов позволяет лучше понять особенности современной системы международных отношений, проанализировать тесную взаимосвязь внутренней и внешней политики отдельных стран в современном мире, сделать прогнозы относительно развития международного конфликтного потенциала в XXI в. Монография закладывает фундамент для дальнейших исследований асимметричных конфликтов, в том числе с участием негосударственных участников международного общения: террористическими и экстремистскими организациями, пиратами, синдикатами международной преступности и т.д.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 23.

События международной политики начала нового века дают все основания полагать, что число асимметричных конфликтов будет возрастать, и поэтому очень важно обладать информацией, как их предупреждать, урегулировать, а по возможности и разрешать с максимальным эффектом и минимальными затратами.

Исследование Л.В. Дериглазовой, представляющее авторский взгляд на проблему асимметричных конфликтов второй половины XX — начала XXI в., можно рекомендовать самому широкому кругу читателей: историкам, политологам, и конечно же, международникам. Данная книга для российской научной школы является во многом новаторской и, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Хочется верить, что автор не остановится на достигнутом и в дальнейшем представит новые работы, посвященные такому актуальному феномену, как асимметричные конфликты.

*С.С. Веселовский,
доцент кафедры мировых
политических процессов
МГИМО (У) МИД России*

Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф. Страны СНГ и Балтии : учебное пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 335 с.

Учебное пособие, подготовленное профессором исторического факультета Томского государственного университета Зиновьевым Василием Павловичем и доцентом Евгением Флорентьевичем Троицким, является его вторым, дополненным изданием и предназначено для студентов направлений «Международные отношения» и «Регионоведение». В него включены пять лекций и документальные материалы о возникновении и деятельности Содружества Независимых Государств, а также 12 лекций по каждой из стран постсоветского пространства за исключением России.

Цель курса лекций — дать представление о Содружестве Независимых Государств как о международной организации, о странах, ранее входивших в Союз ССР и являющихся ныне ближайшими соседями и партнерами России.

Необходимость такого специального курса лекций для студентов отделения международных отношений обусловлена тем, что история и современная ситуация в бывших республик СССР не отражены ни в одном из специальных курсов, читаемых в университетах России для будущих специалистов в области международных отношений, а также тем, что республики СССР ранее слабо изучались в курсе отечественной истории. Даже если основные вехи истории республик были включены в учебники истории, в лекциях о них не говорилось вследствие недостатка времени.

Страны СНГ остаются нашими ближайшими соседями и партнерами, на них приходится существенная часть внешних отношений России и внешнеэкономических, культурных связей ее регионов. С 1995 г. «ближнее зарубежье» объявлено одним из основных приоритетов внешней политики России. Именно со странами «ближнего зарубежья» придется иметь дело большинству выпускников отделений международных отношений региональных вузов. Имеет смысл организация специального курса лекций по истории СНГ и для специалистов-историков.

Вводная лекция посвящена событиям периода распада СССР и образования на его месте нового регионального объединения — СНГ. Авторы последовательно рассматривают центробежные тенденции в СССР и факторы объективного и субъективного характера, приведшие к распаду одной из великих держав XX века. Анализируя ситуацию, они останавливаются на альтернативе: распад СССР или развал РСФСР. Об этом редко говорят сторонники и противники разрушения союзного государства, но именно та-

ковы были конкретные обстоятельства лета 1991 г. Ценой сохранения России был бы распад СССР. Содружество, пришедшее на смену Союзу, было его слабой тенью по военной и экономической мощи, по согласованности действий. Оно явилось скорее инструментом развода, а не интеграции.

Во второй лекции рассматривается институциональное устройство СНГ, формирование первых институтов в 1992–1993 гг., Устав СНГ и трансформация структуры объединения в 1993–2008 гг.

Третья лекция, в которой анализируются экономическая ситуация на постсоветском пространстве, характер и темпы интеграционных процессов, демонстрирует сложность межгосударственных экономических отношений в СНГ. Страны СНГ и Балтии так и не смогли достигнуть серьезных результатов в экономической интеграции. Балтийские страны компенсировали это стремительным вхождением в Европейский Союз. Страны СНГ разбились на ряд региональных экономических группировок с разной скоростью протекания интеграционных процессов, из которых наиболее успешна группа ЕврАзЭС, в рамках которой начал формироваться российско-казахстанско-белорусский таможенный союз. Отсутствие видимых успехов в формировании общих рыночных механизмов в СНГ авторы связывают с тем, что Россия не спешит взять на себя роль локомотива, которым может быть только она, и сырьевым направлением развития новых экономик.

В четвертой лекции авторы останавливаются на анализе сотрудничества стран СНГ в сфере безопасности. Здесь прослежен процесс раздела вооруженных сил, сотрудничество в военной сфере, в охране границ и рассмотрены миротворческие операции под эгидой СНГ. Авторы справедливо отмечают декларативность ДКБ на первых этапах его существования, отсутствие единой политики

стран СНГ во время военных кризисов последнего десятилетия: боснийского, косовского, антитеррористической операции США в Афганистане и агрессии США в Ираке.

В пятой лекции рассмотрено состояние сотрудничества стран СНГ в гуманитарной сфере. Справедлива оценка этого сотрудничества как не способного предотвратить дезинтеграцию единого культурного пространства, ослабление связей, вытеснение информации на русском языке и примитивизацию гуманитарной сферы большинства стран СНГ. Отмечается и дискриминация этнических меньшинств, нарушение прав человека на всем постсоветском пространстве.

К лекциям второго типа относятся страновые лекции. Они построены однопланово. Первоначально даются общие сведения о стране — численности населения, площади территории, форме государственного и административного устройства. Затем даются справки по истории государственности, об этноконфессиональном составе населения, о природно-экономическом потенциале, социально-политической ситуации в стране. Эта часть лекции должна дать студентам представление о факторах, определяющих характер внутренней и внешней политики государств СНГ. Вторая часть лекций посвящена внешней политике этих государств.

Пособие сопровождается необходимым методическим материалом: списком литературы, текстами основных документов СНГ, примерной тематикой рефератов, картами-схемами стран СНГ и Балтии.

Такое построение учебного пособия знакомит студентов с постсоветским пространством как с особым регионом мира, дает представление о каждой из стран. Вместе с тем курс лекций не вмещает ряд моментов, которые представляются важными как общерегиональные и могли бы стать предметом особых лекций: проблемы Каспийского регио-

на, энергетическая политика, политика стран СНГ по отношению к мировым центрам силы — США, ЕС, Китаю.

Это первое развернутое учебное пособие по курсу «Страны СНГ». Уровень предоставления учебного материала достаточно высокий. Пособие допущено Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение».

Есть в учебном пособии и недостатки. Так, статистические данные о состоянии экономики и населения можно было бы дать ближе к году издания, а не на 2006 г. На с. 271 авторы привели две разные цифры численности населения Таджикистана на 1989 г. — 5,11 млн чел и 3,8 млн чел. (вероятно, в последнем случае имелся в виду 1979 г., как и в первом издании учебного пособия), но в целом это не оказывает существенного влияния на точность изложения материала. В учебном пособии не хватает иллюстраций, сравнительного материала.

Книга написана на доступном студентам языке, не перенасыщена терминами, вместе с тем весьма информативна.

Такое учебное пособие стоит переиздать лет через пять, так как его содержание очень быстро устареет в части изложения последних событий.

*С.Ф. Фоминых,
зав. кафедрой
отечественной истории
исторического факультета ТГУ,
доктор исторических наук, профессор*

Эволюция отношений Европейского Союза и Центральной Азии

Юн С.М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии: от «открытия» региона к «стратегии нового пар-

тнерства» (1992–2008 гг.) / под ред. А.Г. Тимошенко. Томск : Томский государственный университет, 2009. 432 с. (Серия «Центральноазиатские исследования». Вып. 1).

Оформившись в 1990-х гг. в отдельное исследовательское направление, анализ международных политических и экономических процессов в Центральной Азии с тех пор неизменно находится в фокусе особого внимания отечественных и зарубежных исследователей.

Такая ситуация не случайна в силу ряда причин. Во-первых, возникший с распадом Советского Союза новый политический регион отличается ярко выраженной спецификой, связанной с комплексом проблем внутристранового и общерегионального развития. Во-вторых, страны Центральной Азии напрямую смыкаются с Афганистаном, представляющим собой крупный очаг нестабильности и предмет беспокойства всего мирового сообщества. В-третьих, особое геополитическое положение региона обуславливает пристальное внимание к нему крупных международных игроков. Среди них — субъекты, традиционно имевшие весомое значение в регионе (Россия, Китай), а также новые участники, к числу которых относятся США, ЕС, Индия, Иран, Турция и ряд других.

Исследование политических и экономических стратегий этих игроков в регионе обладает несомненной аналитической ценностью, поскольку позволяет России адекватно оценить и скорректировать собственный внешнеполитический курс в отношении государств Центральной Азии. С этой точки зрения исследование С.М. Юна, посвященное комплексному анализу структурных особенностей и закономерностей эволюции политики Европейского Союза в регионе на протяжении почти двух десятилетий (1992–2008), представляется актуальным и практически востребованным.

Структурно исследование состоит из трех глав, заключения и приложений, в которых содержится дополнительный статистический материал, подкрепляющий основные положения исследования. Следует также отметить, что самостоятельную аналитическую ценность представляет анализ библиографии и направлений работы основных отечественных и европейских исследовательских центров, занимающихся проблемами изучения отношений ЕС и стран региона (с. 7–14).

Первая глава монографии посвящена концептуальным аспектам, связанным со спецификой формирования общей внешней политики ЕС и становлением ее центрально-азиатского вектора. Отдельное внимание уделено анализу политики ключевых стран ЕС, наиболее активно представленных в регионе (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Польша). Вторая и третья главы посвящены анализу практического материала, связанного с политическими и экономическими аспектами взаимодействия ЕС и Центральной Азии. По итогам исследования автор приходит к ряду выводов, наиболее интересным из которых, на наш взгляд, представляется комплекс предложений о возможных элементах превентивной стратегии России в отношении стран Центральной Азии с учетом основных направлений стратегии ЕС в регионе (с. 412–143).

В то же время, как всякое исследование, выполненное на высоком про-

фессиональном уровне, монография С.М. Юна создает основу для дальнейших рассуждений и возможной полемики с автором. В частности, представляется, что избранный автором подход, при котором ЕС рассматривается в большей степени как действующий субъект, а центральноазиатские страны как объект приложения европейского внешнеполитического вектора, мог бы быть скорректирован за счет более комплексного анализа места ЕС в системе внешнеполитических приоритетов самих стран Центральной Азии. Кроме того, явное превалирование во внешнеполитической стратегии ЕС экономических и гуманитарных аспектов неизбежно приводит к вопросу о том, как соотносятся эти направления сотрудничества по линии Центральной Азия—ЕС с параметрами взаимодействия государств региона с Китаем, внешнеполитическая стратегия которого в регионе также имеет значимую геоэкономическую составляющую.

В то же время все сказанное выше является не критикой автора, а скорее попыткой рассуждения на содержащиеся в монографии дискуссионные темы, которые, будучи обозначенными автором, несомненно, заслуживают дальнейшего исследования и анализа.

*Е.В. Колдунова,
доцент кафедры востоковедения МГИМО
(У) МИД России,
кандидат политических наук*

Сравнительный анализ вопросов международных отношений и внешней политики

Американские исследования в Сибири : материалы международной научной конференции студентов и аспирантов «Соединенные Штаты Америки: итоги XX века; вступающая в новый век» (13–14 ноября 2008 г.). Вып. 10 / под ред. В.П. Румянцева. Томск : Издательство ТГУ, 2009. 274 с.

В сборник включены статьи и сообщения отечественных авторов, посвященные различным аспектам внешней и внутренней политики США, актуальным вопросам педагогики и американской внешнеэкономической деятельности.

Волков М.Н., Лекаренко О.Г. Американская крепость Европа: Политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). Томск : Издательство ТГУ, 2009. 280 с.

Исследуются проблемы, связанные с формированием военно-политического блока НАТО и укреплением оборонного потенциала европейских членов Североатлантического альянса в 1947–1955 гг. Основное внимание уделяется принятой одновременно с созданием НАТО американской программе военной помощи странам Западной Европы и планам США, направленным на перевооружение ФРГ с ее последующим включением в НАТО. Важное место в монографии занимает анализ стратегической концепции и первых военных планов Североатлантического альянса.

Германия — Россия — Китай: образование, наука, инновации. Проблемы и перспективы сотрудничества : материалы Международной научной конференции студентов и аспирантов университетов Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 174 с.

Представлены материалы Международной научной конференции студентов

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

и аспирантов Сибири, организованной в ТГУ в марте 2010 г. при поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра и Института Конфуция ТГУ. Основная часть докладов молодых ученых из Томска, Барнаула, Иркутска, Красноярска, Новосибирска и других городов Сибири — политика Германии и Китая в области развития научно-технического потенциала и опыт взаимодействия российских регионов с немецкими и китайскими партнерами.

Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф. Страны Содружества Независимых Государств и Балтии : учебное пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 334 с.

Издание содержит лекции и документальные материалы о возникновении и деятельности Содружества Независимых Государств и региональных объединений на постсоветском пространстве, об экономическом и внутривнутриполитическом развитии и внешней политике каждой из стран СНГ и Балтии. Курс читается с 1998 г.

Румянцев В.П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 356 с.

На основе малоизученных материалов исследуется процесс развития политики Соединенных Штатов Америки и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в период после окончания Суэцкого кризиса 1956 г. Особое внимание уделяется изучению американско-британских отношений в Ближневосточном регионе в контексте реализации «доктрины Эйзенхауэра» и процесса сокращения британских внешнеполитических обязательств.

Юн С.М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии: от «открытия» региона к «стратегии нового партнерства» (1992–2008 гг.) / под ред. А.Г. Тимошенко.

Томск : Томский государственный университет, 2009. 432 с. (Серия «Центральноазиатские исследования». Вып. 1).

В монографии предпринята попытка комплексного анализа политики Европейского Союза в Центральной Азии в период с 1992 г. до середины 2008 г. Рассматриваются эволюция механизма и географических приоритетов внешней деятельности ЕС после холодной войны, интересы и цели ЕС в Центральной Азии, особенности центральноазиатской политики стран ЕС, динамики и результаты взаимодействия ЕС и стран Центральной Азии в сфере безопасности, политической, экономической и гуманитарных областях.

Сравнительные исследования проблем международной безопасности

Актуальные вопросы ядерной безопасности / отв. ред. С.В. Вольфсон. Томск : Изд-во «Иван Федоров», 2010. 160 с.

Публикация подготовлена Сибирским молодежным межуниверситетским центром по изучению проблем ядерного нераспространения. Авторы вошедших в сборник работ концентрируют внимание на актуальных вопросах ядерной безопасности, причем как на военно-стратегических аспектах ядерной политики, так и на безопасности мирных атомных технологий. Коллектив авторов — молодые исследователи из различных вузов Сибири, не только специалисты-международники, но и физики — специалисты в области ядерной безопасности и физической защиты.

Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 284 с.

Рассматривается проблема асимметричных конфликтов в международных отношениях в послевоенный период. Концепция асимметричных конфликтов разрабатывается с 1970-х гг. Сутью

ее является выявление причин и закономерностей политического поражения великих держав и развитых стран в вооруженных столкновениях с более слабыми противниками. В монографии представлена историография проблемы и предложена аналитическая модель асимметричного конфликта; применены статистические методы анализа для выявления фактора асимметричности в вооруженных конфликтах в послевоенный период. Модель асимметричности конфликта применена для анализа процесса распада Британской империи, войны в Ираке 2003—2009 гг. и эволюции партизанских войн.

Акматалиева А.М. Трансатлантическое партнерство в обеспечении безопасности Центральной Азии. Бишкек : КРСУ, 2011. 175 с.

Монография посвящена исследованию трансатлантического партнерства по вопросам безопасности в Центральноазиатском регионе с 1991 г. по настоящее время. Данная работа является первым научным трудом, в которой комплексно рассматриваются не только линии сотрудничества, но и растущее соперничество между США и ЕС в Центральной Азии. В исследовании детально представлена эволюция представлений о Центральной Азии в академическом и политическом дискурсе трансатлантических акторов. В частности, критически оценивается парадигма транзита и постколониального развития западных ученых применительно к региону Центральной Азии. В работе представлена трансформация стратегии трансатлантических партнеров по Центральноазиатскому региону от символического присутствия до разработки самостоятельных стратегий, выраженных в идее создания Большой Центральной Азии и формировании стратегии нового партнерства ЕС.

Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области политической науки и международных

отношений при рассмотрении вопросов безопасности Центральноазиатского региона, сотрудничества региональных государств с трансатлантическими акторами, региональной интеграции, геополитических и геоэкономических процессов на евразийском пространстве. Теоретические обобщения и выводы применимы в научном и учебном процессе в высших учебных заведениях, при разработке специальных и факультативных курсов.

Сравнительные исследования современных моделей развития

Китайская Народная Республика: наука и инновационное развитие. Информационные материалы / отв. ред. С.В. Вольфсон. Томск, 2009.

В сборнике информационных материалов анализируется политика китайского руководства по стимулированию науки в условиях кризиса, роль университетов и зон развития новейших технологий (технопарков) в инновационном развитии Китая. Дается сравнительная характеристика научно-образовательных комплексов провинций Ляонин и Шаньдун.

Разрушение и возрождение в истории Германии и России : материалы Международной научной конференции (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.) (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 6). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.

В сборник включены доклады и сообщения участников международной конференции, проводившейся западно-сибирским объединением историков-германистов на базе Томского университета в конце сентября 2009 г. Тематика большей части предлагаемых вниманию читателя статей посвящена осмыслению и сравнительному анализу разрушительных и восстановительных тенденций в политической истории Германии и России.

Ющенко О.И., Хахалкина Е.В. История стран Западной Европы и США в

Новое время (1870–1914 гг.) : учебно-методическое пособие. Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 324 с.

Цель учебно-методического пособия — на основе компаративного анализа документов показать особенности развития индустриального общества на рубеже XIX–XX вв.: нарастание в нем противоречий, формирование монополистического капитализма, радикальное обострение социальных конфликтов и международных противоречий, которые привели к Первой мировой войне, а также специфику развития ведущих стран Запада.

Этноконфессиональные проблемы в ракурсе сравнительного анализа

Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 243 с.

В монографии рассматриваются проблемы становления одного из этносов Горного Алтая — алтай-кижи и появления у них национально-религиозного феномена — бурханизма. Вскрываются связи между разными фазами этнической истории и формами их идеологического отражения. Бурханизм рассматривается как конфессиональное выражение идентификации алтай-кижи. Выявляются основные компоненты этого идеологического феномена. Обращается внимание на эндогенный характер его происхождения. Отмечается актуализация джунгарского (западно-монгольского) политического, идеологического и религиозного этнокультурного наследия в период формирования этноса и религии алтай-кижи. В монографии рассматриваются причины начала бурханистского движения в алтайской среде на фоне социально-экономических и политических изменений российского общества начала XX в., в ракурсе сравнительного анализа приводятся примеры из истории отдельных народов, которые на определенном этапе своего развития имели этноконфессиональную идентичность.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

А.А. Виноградова. Межпарламентские институты: критерии и классификации

Аннотация: На протяжении последних десятилетий наблюдается стремительное увеличение масштабов межпарламентского сотрудничества и его растущая институционализация. В настоящей статье рассмотрены существующие подходы к структурированию расширяющейся сферы межпарламентских организаций и парламентских ассамблей и формулируется собственная комплексная классификация.

Abstract: Throughout the last two decades the scale of interparliamentary cooperation has grown substantially and such cooperation becomes increasingly institutionalised. The current article studies existing approaches to the structuration of the widening field of interparliamentary organisations and international parliamentary assemblies and proposes its own complex classification.

Ключевые слова: межпарламентские организации, парламентские ассамблеи, международные отношения, Европейский парламент.

Key words: interparliamentary organisations, parliamentary assemblies, international relations, European parliament.

Д.С. Баринава. Асимметрия виртуального политического пространства. Результаты сравнительного анализа данных 255 национальных доменов Интернета

Аннотация: В статье оценивается соотношение между традиционным суверенитетом и автономией в Интернете, выражающейся в наличии собственного национального домена. Кроме того, анализируется дисбаланс в содержательной наполненности национальных доменов, свидетельствующий о различных уровнях государственной состоятельности стран в виртуальном политическом пространстве.

Abstract: The article examines interrelationship between traditional national sovereignty and autonomy in Internet reflected in the presence of the national domain. Moreover the author analyses existing misbalances in substantive filling of national domains, testifying various levels of stateness in virtual political space.

Ключевые слова: национальные домены, управление Интернетом, виртуальное политическое пространство, суверенитет, непризнанные государства.

Key words: national domains, Internet governance, virtual political space, sovereignty, non-recognised states.

М.М. Лебедева. Современные государства в политической системе мира

Аннотация: До сих пор большинство исследователей, говоря о государстве в системе отношений, имеют в виду различные конфигурации отношений между государствами-лидерами, т.е. систему международных отношений. Такой анализ был совершенно обоснован в прошлом, но в современных условиях значимым становится не только место государства в системе межгосударственных отношений, но его место в политической системе современного мира, в которой стали функционировать «вестфальские» государства, «критическая масса» которых начинает превышать количество «вестфальских». Автор предлагает использовать другой подход (отличный от изучения государств-лидеров) и рассматривать проблему государства в более широких рамках — рамках политической системы мира, лежащей в основе системы международных отношений. Такой подход выявит, что вызов брошен сегодня не столько отдельному государству, сколько системе в целом, поэтому нужно определить, как разные по своей сути государства могут сосуществовать в

дальнейшем в единой политической системе и следует ли ожидать серьезной перестройки самой системы.

Abstract: When discussing the role of states in the world system, the conventional wisdom among scholars means different configurations of relations between leading states, i.e. the system of international relations. Such approach was fully grounded in the past, but in present-day conditions it is not only the place of the state in international relations system that counts, but also its place in the modern world political system, which includes also non-Westphalian states and their critical mass exceeds that of the Westphalian ones. The article suggests that a different approach has to be used and the research of leading states has to be replaced by the study of states within the broader framework of the world political system. In this view it is not only an individual state but the whole system being challenged today, thus it needs to be determined how the states so different in nature can coexist in one political system and whether a radical restructuring of the system should be expected.

Ключевые слова: Вестфальское государство, невестфальское государство, поствестфальское государство, мировая политическая система.

Key words: Westphalian state, non-Westphalian state, post-Westphalian state, world political system.

Д.М. Фельдман. Государство в сети международно-политического взаимодействия

Аннотация: Процессы фрагментации (регионализации и локализации) и глобализации превращают государство из основного системообразующего элемента государственно-центричной мировой политической системы в компонент всемирной политической сети. В международно-политических отношениях акторов всемирной политической сети действуют правила повышения эффективности, а не легитимности («правила победы»), отличающиеся от «пра-

вил участия», принятых в Вестфальской системе взаимодействия современных государств. Для поствестфальской мировой политической системы будут характерны столкновение и сосуществование правил победы с правилами участия, так как природа правил победы препятствует институциональному оформлению, правовому закреплению и легитимации этих правил. Автор утверждает, что новая система взаимодействия государств независимо от названия, которое она получит, будет столь же Вестфальской, как и все предшествующие, и для этой системы межгосударственного взаимодействия необходимо сформулировать и кодифицировать новые правила участия.

Abstract: The processes of fragmentation (regionalization and localization) and globalization turn the state as the basic system forming element of the state-centric world political system into the component of the world political network. The political relations between actors of the world political network are ruled by the effectiveness and not by legitimacy (“victory rules”), what is different from the participatory principles of interstate relations (“participation rules”) accepted by the Westphalian state system. The article argues that the post-Westphalian world political system will witness the clashes between victory rules and participation rules and their eventual coexistence since the very nature of the victory rules hinders its institutionalization, consolidation and legitimation. The article suggests that the new system of state relations regardless of the name will be not less Westphalian than the preceding one thus new participation rules will have to be formulated and codified.

Ключевые слова: Вестфальская система, поствестфальская система, государство, международные отношения.

Key words: Westphalian system, post-Westphalian system, state, international relations.

И.Н. Трофимова. Децентрализация государственного управления и особенности

центр-локальных отношений в европейских странах

Аннотация: Отношения между центральной и местной властью являются результатом долгой взаимообусловленной эволюции политико-государственной и социальной системы. В каждой стране они имеют свою специфику и логику развития. Децентрализация управления, одна из главных составляющих административных реформ во многих странах, была направлена на повышение эффективности системы государственного управления, в том числе за счет развития и более полной реализации потенциала местного самоуправления. Ведущие европейские страны выработали различные теоретические и практические подходы, ставшие ориентиром для других стран.

Abstract: The relationship between central and local government are the result of a long evolution of political, state and social systems. In each country they have their own specific logic and development. Decentralization is one of the main components of administrative reform in many countries, was aimed at improving governance, including through the development and more fully realization of the local government's potential. Leading European countries have developed various theoretical and practical approaches that have become a reference for other countries.

Ключевые слова: государственное управление, местное самоуправление, децентрализация, центр-локальные отношения, административная реформа, европейские страны.

Key words: state government, local self-government, decentralization, centre-local relations, administrative reforms, European countries.

Т.В. Зюнова. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил

Аннотация: В XIX столетии все большую популярность приобретала теория, в соответствии с которой вера в равенство всех суверенных государств, лежав-

шая в основе теории баланса сил, себя изжила. Представители трех «светских религий» (националисты, социалисты и либералы) не оставляли места для традиционной теории баланса сил в международных отношениях и ставили под сомнение рациональность существующей модели. Во второй половине XIX — начале XX в. официальная внешнеполитическая линия европейских кабинетов по-прежнему основывалась на теории баланса сил, но содержание этого баланса менялось: политика равновесия все чаще выражалась в соперничестве и взаимных уступках держав. В годы, предшествующие Первой мировой войне, следование принципам силовой политики привело к возрастанию зависимости от военного потенциала и превращению военного могущества в наиважнейший критерий национального величия, что окончательно разрушило классическую систему европейского баланса.

Abstract: In the XIX century the theory of the power balance grounded on the equality of all sovereign states was becoming obsolete. The representative of three “secular religions” (nationalists, socialists and liberals) questioned the rationality of the existing model ousting the traditional theory of power balance in international relation. In the second half of XIX and beginning of XX century official foreign policies of European cabinets were still based on the power balance theory, though the essence of the balance was changed as the balance policy was more often expressed in rivalry and mutual concessions of powers. The article argues that before the First World War the principles of power politics led to the increased dependency from military potential thus the military might became the most important measure of national greatness, what eventually destroyed the classic European power balancesystem.

Ключевые слова: баланс сил, великая держава, дипломатия, мировая политика, история.

Key words: Power balance, great power, diplomacy, world politics, history.

С.М. Юн. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии

Аннотация: Германия, Великобритания и Франция обозначили свои интересы в Центральной Азии сразу после распада Советского Союза. В течение 1994–1995 гг. на первый план в политике ведущих европейских стран в Центральной Азии постепенно выходят интересы сдерживания «неоимпериалистического» курса России на постсоветском пространстве и поддержки экономической независимости стран Центральной Азии. С конца 1990-х гг. приоритетом в региональной политике становится борьба с наркоугрозой, после 11 сентября 2001 г. — борьба с угрозой терроризма. В статье анализируются специфические интересы и страновые приоритеты ведущих европейских стран и различия как в общих подходах к Центральной Азии, так и в конкретных аспектах политики, включая объемы выделяемых ресурсов. Среди трех стран наиболее прочные позиции в Центральной Азии сохраняет Германия, движимая комплексом внешнеполитических, экономических, военных и гуманитарных интересов, однако в целом в центральноазиатской политике Германии, Великобритании и Франции отсутствуют некие особые интересы и позиции, которые бы существенно препятствовали выработке общего курса в рамках Европейского Союза.

Abstract: Germany, Great Britain and France stated their interests in Central Asia immediately after the disintegration of USSR. In 1994 and 1995 the policies of the leading European countries towards Central Asia stressed the restraining of Russia's neo-imperial ambitions in the post-soviet space and the support of economic independence of Central Asian states. As of late 1990s the regional policies prioritized fighting the drug threat and after September 11, 2001 — the terrorism threat. The article reveals specific interests and country priorities of the leading European states in Central Asia and the differences in the gen-

eral approach to the region and in the actual policies including the amounts of resources spent. The author argues that Germany occupies the most solid place in Central Asia due to a set of political, economic, military and humanitarian interests, though in general the regional policies of Germany, Great Britain and France lack any particular interests and standpoints, that could hinder the formation of the joint EU policy in the region.

Ключевые слова: внешняя политика, региональная политика, Центральная Азия, Франция, Великобритания, Германия, Евросоюз.

Key words: Foreign policy, Regional policy, Central Asia, France, Germany, Great Britain, European Union.

Е.Ф. Троицкий. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.)

Аннотация: Эволюция стратегии США в отношении Центральной Азии во второй половине 2000-х гг. в значительной степени определялась развитием ситуации в Афганистане. В то же время перспективы ее реализации были обусловлены способностью Вашингтона компенсировать или преодолеть последствия ухудшения американо-узбекских отношений в середине десятилетия.

Abstract: Evolution of the U.S. strategy towards Central Asia in the second half of the 2000s was defined greatly by the development of the war in Afghanistan. However, since the middle of the decade the course of its implementation depended on the necessity to compensate or overcome consequences of the deterioration of the U.S. relations with Uzbekistan.

Ключевые слова: Большая Центральная Азия, Афганистан, распространение демократии, Северная сеть доставки, Казахстан, Узбекистан, Манас.

Key words: Greater Central Asia, Afghanistan, democracy promotion, Northern Distribution Network, Kazakhstan, Uzbekistan, Manas.

Е.В. Савкович. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг.

Аннотация: В конце 2000-х гг. на отношения КНР с государствами Центральной Азии существенное влияние оказал мировой финансовый кризис. Вместе с тем именно он послужил толчком для поиска новых механизмов, форм и направлений регионального сотрудничества. Новые задачи были поставлены и перед Синьцзян-Уйгурским автономным районом, непосредственно граничащим с регионом Центральной Азии.

Abstract: At the end of 2000-s, regional relations between China and Central Asian states was under threat of the current World Financial Crisis. But it also provided the impetus to search for new mechanisms, forms and directions of the regional cooperation. It marks China's new development plan for Xinjiang after ten years of Western Development Strategy of the central government.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, региональная политика, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Key words: People's Republic of China, Central Asia, regional studies, Xinjiang Uygur Autonomous Region.

В.А. Бармин. Политика выбора. Взаимоотношения Советского Союза и Синьцзяна после самороспуска Восточно-Туркестанской республики (1946–1947 гг.)

Аннотация: На протяжении 1940-х гг. корректировки советской политики на китайском направлении оказывали существенное влияние на динамику развития уйгурского сепаратистского движения. Автор доказывает, что отношения с коалиционным правительством Синьцзяна и отдельными округами провинции выстраивались Москвой исходя из сложного переплетения стратегических и экономических интересов.

Abstract: Changes in Soviet policy in 1940s exerted substantial impact on the dy-

namics of the Uighur separatist movement. The author claims that nuanced approach towards relations with the coalition government of the Xinjiang and specific districts of the province was generated to serve both strategic and economic interests of the USSR.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, Восточный Туркестан, Гоминьдан, КПК.

Key words: Soviet-Chinese relations, Eastern Turkestan, Kuomintang, Communist Part of China.

Е.В. Савкович, А.Г. Данков. Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансевразийских транспортных коридоров

Аннотация: С учетом своих экономических интересов КНР реализует последовательную политику развития транспортной инфраструктуры, как на собственной территории, так и в соседних странах. В течение последних двух десятилетий она способствовала расширению торгово-экономических связей Синьцзян-Уйгурского автономного района и государств Центральной Азии. Ее дальнейшая реализация предполагает формирование сети трансевразийских маршрутов, связывающих Китай не только со всеми близлежащими странами, но и с европейским регионом.

Abstract: In accordance with its economic interests, China advances coherent policy for development of transport infrastructure both on its own territory and in neighbouring countries. Throughout the last two decades it facilitated the widening trade activity and broader economic cooperation between Xinjiang Uygur Autonomous Region and Central Asian states. Its further development foresees a network of Trans-Eurasian links, which will connect China not only with all nearby countries, but with European region as well.

Ключевые слова: коммуникационная безопасность, регионы-ворота, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Трансазиатская железнодорожная

магистраль, сеть скоростных автомагистралей.

Key words: transport security, gate-regions, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Transasian railway, highway network.

Рамакант Триведи. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы

Аннотация: В статье анализируются истоки и современное состояние религиозного экстремизма в Центральной Азии, прослеживается его связь с глобальным салафитским движением. Автор оценивает действия стран региона и внешних игроков по противодействию существующей угрозе и дает рекомендации по их оптимизации.

Abstract: The article explores the roots and current state of religious extremism in

Central Asia, as well as investigates its connections with the global salafi movement. It evaluates attempts of the regional players and external stakeholders to address the existing threats, and provides recommendations for their advancement.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, салафизм, Ферганская долина, «Хизб-ут-Тахрир», Исламское движение Узбекистана, андижанские события, ШОС, ОДКБ.

Key words: religious extremism, salafism, Fergana Valley, Hizb ut-Tahrir, Islamic Movement of Uzbekistan, Andizhan events, SCO, CSTO.

*Аннотации подготовлены
О.Г. Харитоновой,
И.А. Истоминым,
И.Н. Трофимовой,
Е.В. Савковичем*

Уважаемые коллеги!

Объявляется набор материалов для журнала «Сравнительная политика» по теме **«Политика и правопорядок в сравнительной перспективе»**.

Статьи можно направлять по следующим адресам электронной почты: sravnitpolit@mail.ru, e.koldunova@inno.mgimo.ru

Весной 2012 г. в МГИМО (У) МИД России на базе факультета политологии планируется проведение очередного ежегодного политологического симпозиума, посвященного теме специального выпуска журнала.

Будем рады видеть вас среди авторов журнала и участников симпозиума!

ОБ АВТОРАХ

Барينو́ва Да́рья Серге́евна — аспирант МГИМО (У) МИД России

Бармин Валерий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, доктор исторических наук, профессор

Веселовский Сергей Сергеевич — доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России

Виноградова Анастасия Александровна — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Данков Артем Георгиевич — старший преподаватель кафедры мировой политики Томского государственного университета

Зонова Татьяна Валерьевна — профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук

Колдунова Екатерина Валерьевна — заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения

Лебедева Марина Михайловна — заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук, профессор

Савкович Евгений Владимирович — доцент кафедры востоковедения исторического факультета Томского государственного университета, кандидат исторических наук

Триведи Рамакант — научный сотрудник Института оборонных исследований и анализа (Нью-Дели, Индия), доктор наук

Троицкий Евгений Флорентьевич — профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, доктор исторических наук

Трофимова Ирина Николаевна — старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат политических наук

Фельдман Дмитрий Михайлович — профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук

Фоминых Сергей Федорович — заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Юн Сергей Миронович — доцент кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, кандидат исторических наук

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация:

e-mail: avtor@lawinfo.ru

и sravnitpolit@mail.ru,

адрес: 125057, г. Москва, а/я 15.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;

- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;

- размер шрифта основного текста 14;

- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12;

- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. При ссылках на авторов в тексте следует указывать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке. Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М.: Конверт-МОНФ, 1997 [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh odnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M.: Konvert-MONF, 1997].

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование

(в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сносок сквозная (1, 2, 3 ...).

6. На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

7. После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);

- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);

- ученая степень (при наличии);

- точные контактные данные:

- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;

- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);

- адрес электронной почты.

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.